

Марсия Андес

Не подпускай
меня к себе
Раунд 1

Егор Штормов с детства занимается боксом и мечтает выйти в профессиональный спорт. Ринг — это его жизнь. Ринг — это его всё. Он живёт им, он дышит им, он зависим от него, словно от наркотиков, ведь бокс — смысл всей его жизни.

У Сони Розиной ничего этого нет. Никакого смысла жизни. Только бурный переходный возраст и нескончаемый сарказм, который приносит ей одни неприятности. Смогут ли эти двое поладить, и сколько раундов продлятся их чувства?

Не подпускай меня к себе

Соня.

ST — Иду ко дну (Саундтрек)

Я щёлкаю зажигалкой, но та никак не поддаётся мне. Один раз, второй, третий. Искра раздражающе вырывается на свободу и так же мгновенно исчезает, словно дразня меня. Зубы нервно покусывают фильтр сигареты, пока я осматриваюсь по сторонам. Газ что ли закончился?

Я мысленно чертыхаюсь и выбрасываю бесполезную вещь в траву, хватаю пальцами никотиновую палочку и смотрю на неё так, словно она чертовски расстроила меня. Поджав губы, я убираю нетронутую сигарету обратно в пачку, а потом прячу её в карман куртки.

День не задался с самого утра. Предки опять придрались к моей старшей сестре и устроили скандал, в итоге поспать мне не удалось. Голова разрывалась на миллион осколков, и я, даже не позавтракав, сбежала в школу. Начало десятого класса. Сентябрь. Последние тёплые деньки. Шум школьников, крики учителей, и я за углом пытаюсь покурить и расслабиться. Сегодня явно всё против меня.

Я осматриваю учеников и замечаю парня из параллельного класса, который выпендривается перед друзьями и показывает пару приёмов из бокса. Ещё его сейчас не хватало...

Вздыхнув, я выбрасываю мысли о сигаретах и направляюсь к дверям школы, чтобы не наткнуться на Егора Штормова, но в тот момент, когда я взбегаю на крыльцо, мой план незаметно проникнуть в школу проваливается.

— Эй, Розина! — кричит парень.

Я поджимаю губы и поспешно скрываясь в здании, в тайне надеюсь, что парень не последует за мной, но я в очередной раз ошибаюсь.

— Соня, — он догоняет меня. — Так и будешь меня игнорить?

— Да, — я вскидываю руки, поправляя чёрную кожаную куртку. — Пока до тебя не допрёт, что я не собираюсь с тобой встречаться.

Егор не отстаёт. Я пытаюсь затеряться в толпе школьников, но Штормов ловко уклоняется от потока и снова догоняет меня. Возле кабинета иностранного языка он легко толкает меня в плечо, заставляя остановиться у плаката с объявлениями, и упирается рукой о стену на уровне моей головы.

Я вздыхаю и, наконец смотрю на него. Егор выше меня почти на голову. У него короткие растрёпанные светло-русые волосы, серьга в левом ухе, голубые пронзительные глаза, красивый изгиб губ и подкаченная фигура. Я знаю, что Штормов спортсмен и с детства занимается боксом. Все это знают. И одевается он стильно: рубашка, джинсовая куртка, джинсы и кеды. Он привлекательный, не спорю, но...

— Слушай, Егор, — я прикрываю глаза, чтобы оставаться спокойной, потом снова открываю их. — Отстань от меня уже!

Парень улыбается, словно я сказала что-то смешное.

— Сонь, вот ты же сама знаешь, что я тебе нравлюсь, — он нависает надо мной, и я опускаю голову, смотря на свои ноги.

На мне блузка и чёрная юбка чуть выше колен. Чёрные капроновые колготки и балетки.

Кожаная куртка скрипит, когда я скрещиваю руки на груди.

— Серьёзно? — я вскидываю брови. — Если ты, Штормов, красавчик и спортсмен, это не значит, что ты мне нравишься.

Я хлопаю по его груди ладонью и выбираюсь из его «захвата», чтобы закончить этот бессмысленный разговор, но парень умудряется перехватить меня за локоть и снова прижать к стене. Его ловкость меня порой чертовски раздражает. Боксёр чёртов...

— Розина, — его голос становится настойчивее. — Я ведь не отстану. Ты меня динамишь уже четыре месяца.

— Ну, значит, давно уже должен был понять, что ты мне нафиг не сдался, — я смотрю ему прямо в глаза, и мне становится неловко. — Гуляй, Егор.

Я толкаю его в плечо и направляюсь в сторону кабинета.

— Так, стоп, — парень снова догоняет меня и останавливает за локоть прямо в тот момент, когда я уже практически захожу в класс. — Надо поговорить, и ты не отвертись. Понятно? — его слова заглушает звонок и шум детей, которые спешат на занятия. Парень поджимает губы. — После уроков на школьном стадионе. И если свалишь домой, вся школа узнает твой секрет.

Я краснею от негодования и пытаюсь выдернуть свою руку из крепких пальцев Егора, но у меня ничего не получается.

— Ты не посмеешь...

— Ещё как посмею, — парень улыбается, а потом целует меня в щёку. — После уроков на стадионе.

Штормов разворачивается, отпуская меня, и уходит. Я сжимаю зубы, смотря ему вслед. Он издевается! Он, чёрт возьми, издевается надо мной! Я рычу, влетаю в кабинет иностранного и громко хлопаю дверью, заставляя моих одноклассников посмотреть в мою сторону. Отличный денёк, ничего не скажешь. Просто прекрасный!

***

После долгих размышлений я всё-таки решаюсь пойти на встречу с Егором — в конце последнего урока я направляюсь на школьный стадион, забираюсь на трибуны и сажусь в самом углу, начиная наблюдать за футбольной командой. Крики тренера уходят на задний план — я достаю сигарету, сжимаю её губами и начинаю нервно постукивать ногой. Нужно попросить у Егора зажигалку, хотя я знаю, что он не курит. Зато курят его друзья, и у парня вечно в карманах запаски для них.

Я вздыхаю и прикрываю глаза. Вот что за дерьмовый день сегодня? Учебный год только начался, а я уже хочу умереть. И ещё этот Штормов...

Я вспоминаю нашу первую встречу, и моё сердце вздрагивает от воспоминаний. Нет. К чёрту. Пошло всё это...

Краем глаза я вижу, как Егор появляется со стороны школы, затем начинает подниматься по ступеням и пробираться ко мне. Я на трибунах одна — пристально наблюдаю за ним, затем протягиваю руку и, не вынимая изо рта сигарету, произношу:

— Зажигалка!

Парень хмурится, подходит ближе, неожиданно отбирает сигарету, сминает её пальцами и выбрасывает в сторону.

— Эй! — возмущаюсь я.

— Сто раз говорил, не курить при мне. И вообще...

— Вообще, что? — вскрикиваю я. — Кем ты себя возомнил? Придурок.

Я отворачиваюсь, обиженно фыркая. Парень садится рядом и недолго молчит. Он не смотрит на меня, наблюдая за тренировками футбольной команды.

— Что с тобой происходит? — наконец, спрашивает Егор.

Я дёргаю плечом.

— А что со мной? — с вызовом смотрю на его профиль, но потом отворачиваюсь. — Со мной всё хорошо, — немного тише. — Это с тобой что? Хватит уже бегать за мной. Я тебе в прошлый раз всё сказала.

Штормов переплетает свои пальцы и немного склоняется, упираясь предплечьями в колени. Он хмурится. Я неловко молчу, ожидая от него ответа. Мы с ним не оставались вот так наедине уже несколько месяцев, и я, признаться, больше не знаю, как себя вести с ним.

— Ты мне ничего как раз-таки и не сказала, — Егор поджимает губы, смотря на поле. — Ты просто перестала отвечать на звонки и разговаривать со мной. Хотя всё было нормально между нами. И я не понимаю, что случилось.

Я вздыхаю и откидываю назад голову, прикрывая глаза. Обсуждать это у меня нет ни настроения, ни желания, но парень ведь не отстанет. А я... Я просто не знаю, как объяснить ему то, что мы не можем быть вместе. Никак. Вообще. Ни при каких обстоятельствах.

— Сонь, — я открываю веки и кошусь на парня. — Объясни мне. В чём причина? Я тогда хотя бы перестану об этом думать.

Я вздыхаю и прислушиваюсь к свисту тренера и перебранкам на поле. Сегодня тепло. Осеннее солнце пригревает, ветра почти нет. Я сижу на трибунах рядом с парнем, который мне когда-то нравился, и еле сдерживаюсь, чтобы не обнять его. Но между нами больше ничего нет, между нами пропасть, и я не хочу её перепрыгивать, потому что знаю, что до другого края я не долечу.

Полгода назад.

Я с родителями переезжаю сюда ближе к новому году, поэтому в школу мне приходится поступить после зимних каникул. С этим проблем не было — у меня нормальная успеваемость, позволяющая мне спокойно переходить из школы в школу. Как это всегда бывает — ты приходишь в новый класс, никого не знаешь и боишься, что не сможешь влиться в коллектив, но мне было всё равно. Я как-то не планировала, что заведу кучу друзей и поклонников и что стану королевой школы. Я просто хотела получить аттестат и всё. Точнее, это было нужно. Так положено. Ты учишься в школе, потом в универе, а потом идёшь работать. Вот и вся твоя жизнь.

Моя старшая сестра была единственной, кто радовался переезду. Она училась здесь в университете на четвёртом курсе и постоянно ездила на электричках. Родители запрещали ей жить в общежитии, потому что думали, что она будет постоянно гулять с парнями и пить, а не учиться. Отец всегда ей говорил: «Закончишь универ, тогда и будешь гулять». Её это дико бесило. Она ненавидела то, что не может распорядиться своей жизнью так, как она сама хочет. Из-за этого её «протест против семьи» постоянно переливался в скандалы и ссоры. В частности инициатором всего этого дерьма были родители, потому что им вечно что-то не нравилось. А мне это было на руку. Из-за войны с сестрой они совершенно не замечали меня. И я, в отличие от Маши, могла делать всё, что захочу.

День, когда я впервые увидела Егора Штормова, был моим первым днём в новой школе.

Заканчивался третий урок, звонок, словно сигнал для животных, заставил всех повскакать на ноги и броситься в коридор.

— Сонь, пошли вместе, — Юля, с которой меня посадили вместе, улыбается, когда смотрит на меня. — Ты же не знаешь ещё кабинеты.

— Да, красотка, пошли, — Яна толкает меня локтём в бок. — Заскочим в столовку. Я проголодалась.

Я улыбаюсь, пожимая плечом. Школу я действительно практически не знаю, поэтому парочка экскурсоводов мне сейчас не помешает. А эти девчонки кажутся более менее нормальными и даже прикольными. Признаться, они единственные, чьи имена я запомнила, потому что одна сидит со мной за одной партой, а вторая слева от меня за соседней.

— А что у нас дальше? — как бы просто так спрашиваю я, перекидывая сумку через плечо и поправляя кофточку.

— Физика, — Яна морщится и машет рукой, словно пытаюсь прогнать неприятный запах. — Надеюсь, не будет этих дурацкий самостоятельных, мы же только что с каникул.

Я ничего не отвечаю и слеую за девушками, рассматривая их спины.

Юля с офигеть какими длинными светлыми волосами, собранными в пышный хвост. На ней милые сапожки и бежевое тёплое платье. У Яны же, наоборот, короткое чёрное каре. Она в джинсах и в обтягивающей футболке. В школе жарко, несмотря на Январь за окном.

Мы выходим в коридор и двигаемся в сторону первого этажа. Ближе к лестнице мы натываемся на пробку из школьников. Крики и возгласы заполняют пространство, и я с интересом встаю на носочки, пытаюсь разглядеть, из-за чего все собрались. Яна чертыхается и закатывает глаза.

— Опять Шторм выделяется, — бросает девушка. — Пошлите.

Она начинает проворно пробираться через толпу, следом за ней Юля, и я в самом конце, стараясь не отставать. Мы расталкиваем мелких школьников, затем парочку девчонок из старших. Яна даже не извиняется, да и никто в принципе не обращает на нас внимания. Через щели между учениками я успеваю различить двух парней, которые, очевидно, дерутся.

Передо мной расступаются девушки, а потом меня кто-то буквально выталкивает из толпы, словно пробку из бутылки. Я оказываюсь в первых рядах прямо в тот момент, когда один из парней толкает второго, и бедняга падает на спину к моим ногам. Я отступаю на полшага — его голова практически касается моих сапог. Он смотрит на меня, а его губы расплываются в улыбке. Голубые пронзительные глаза кажутся до безумия чистыми и затягивающими, словно водопад. Это единственное, что я вижу, потому что всё остальное уходит на задний план.

— Привет, — говорит он мне.

— Соня! — я слышу крик Яны.

Девушка стоит на противоположной стороне и ждёт меня.

Я фыркаю, отрываю взгляд от парня и решительно прохожу мимо него прямо через центр образовавшегося круга. Я слышу, как незнакомец поднимается.

— Кто это? — спрашивает парень, только что валявшийся у меня в ногах.

— Не знаю, новенькая, наверное.

Я догоняю девчонок — мы выбираемся из толпы и спускаемся на первый этаж. Перед глазами мелькает прожигающий насквозь взгляд, и я трясую головой, чтобы избавиться от него. Так, Соня. Ещё влюбиться тебе не хватало. Нет, нет, нет и ещё раз нет.

— А кто это был? — спрашиваю я, когда мы заходим в столовую.

Здесь пахнет котлетами и картошкой.

— Это, детка, Егор Штормов, — Яна фыркает. — Наша, так сказать, знаменитость. Тот ещё придурок. Не советую с ним связываться. Он двинут на боксе и ничего кроме него не признаёт.

Она подходит к витрине и начинает выбирать булочку. Я встаю рядом, бегло осматривая еду, и вдруг понимаю, что мне хочется мяса. Котлетку с пюрешкой.

— Не обращай внимания, — шепчет Юля, когда Яна отходит в сторону. — Она просто была влюблена в Егора, а он её отшил. Вот и бесится.

— М, — я продвигаюсь в очереди, чтобы купить комплекс. — Да мне как-то всё равно.

Юля ничего не отвечает и кладёт к себе на поднос салат. Я повторяю за ней и беру пюре с подливой, затем прошу положить мне две котлетки. Что-то я сегодня сильно проголодалась. Может быть, просто с утра не позавтракала...

Breakaway — The Bitter Truth

Егор.

Утреннее солнце совершенно не греет — небо чистое и ясное, и январский мороз сегодня не щадит. Щёки пылают, пар вырывается изо рта, музыка в наушниках заставляет кровь закипать. Хотя нет, кровь бурлит во мне не из-за песни, а из-за пятнадцатого круга, который я нарезаю по школьным трибунам.

Лёгкие горят, дыхание хриплое и медленное, не смотря на длительную пробежку. Я избегаю по ступеням, проношусь между рядами, а потом спускаюсь с другой стороны. Что может быть лучше пробежки перед занятиями, тем более, что мне сегодня ко второму уроку.

Я замечаю у первых рядов Матвея и меняю траекторию, чтобы поздороваться с другом. На ходу снимаю наушники и прячу в карман, так и не выключив трек. Шум песни я могу различить, даже когда закрываю змейку. Надо всё-таки прекращать слушать музыку на полную громкость.

Я сбегая вниз по ступеням и оказываюсь рядом с коренастым одноклассником, чьи чёрные смоляные волосы сильно выделяются на фоне белоснежных сугробов. Парень никогда не носит шапки — они его раздражают.

— Привет, — выдыхаю я.

Я останавливаюсь, но не прекращаю двигаться. Подпрыгиваю на одном месте и делаю несколько финтов, словно уклоняюсь от противника, затем машинально наношу пару ударов по воздуху.

— Здорово, — Матвей курит.

Я морщусь, когда едкий дым ударяет мне в нос, и поджигаю губы.

— Чего так рано? — я, наконец, замираю, переводя дыхание, и прищуриваюсь, поднимая взгляд на ледяное солнце.

— Рано? Ты на время смотрел? Урок через полчаса, — его почти чёрные глаза бегло осматривают меня.

Я улыбаюсь, разминаю шею, практически ощущая, как та хрустит, и поправляю съехавшую шапку.

— Я и говорю: рано, — я прокашливаюсь. Хочется пить. — За полчаса можно целый мир спасти.

Матвей закатывает глаза и перебирает снег ботинком, затягиваясь в очередной раз. Я облакачиваюсь о перила и смотрю на друга: он всегда был спокойным и медлительным, в отличие от меня. Да и спортом особо не увлекался. Зато, если уж где-то затеваются стрелки или разборки, он всегда готов подстраховать. А ещё, не смотря на его милую мордашку, парень до дикости скромный. С девчонками ладить вообще не умеет.

— Ты сначала себя в порядок приведи, а то потом на весь класс вонять будешь, — безразлично бормочет Матвей.

— Чувак, — я хлопаю его по плечу. — Я живу через дорогу.

Я улыбаюсь и отстраняюсь от перил.

— Увидимся на уроке, я как раз ещё успею принять душ и перекусить.

Мы стукаемся кулаками.

— Не опоздай, — усмехается друг, когда я уже направляюсь к выходу со стадиона.

— Ты же меня знаешь! — смеюсь.

Я снова перехожу на трусцу, решая пробежаться до дома. Снег хрустит под ногами, и холодный морозный воздух, проникая в мои лёгкие, заставляет пощипывать нос. Я огибаю школу и выбегаю на главную улицу — мой дом на самом деле находится всего в паре минут ходьбы от остановки, и это действительно классно. Не нужно тратить много времени, чтобы добраться до занятий. Хотя прикрыться тем, что забыл тетрадь с домашней работой, тоже не получится, потому что сразу могут отправить за ней домой. Это, наверное, единственный минус жить рядом с учебным заведением.

В квартиру я влетаю спустя минуты четыре, скидываю кроссовки и прохожу на кухню, чтобы проверить, дома ли родители. Никого нет. Заглядываю в холодильник, даже не снимая куртки, и достаю оттуда тарелку со вчерашним ужином, который оставила мне мать. Ставлю её в микроволновку, возвращаюсь в коридор и снимаю шапку. Затем куртку вешаю на крючок. Так, нужно сходить в душ, пока еда разогревается.

Я стягиваю одежду, бросая её прямо на пол, и забираюсь в душ. Мышцы приятно ноют после утренней пробежки, но это ещё что! Вечером меня ждёт тренировка в секции, так что вот там я точно поиздеваюсь над своим телом.

Много времени на водные процедуры мне не требуется — последний раз ополаскиваю волосы и выбираюсь из ванны, хватая полотенце. Наспех вытираюсь и обматываю его вокруг бёдер, затем возвращаюсь на кухню, беру тарелку с разогретой едой и заваливаюсь на диванчик. Включаю спортивный канал и залипаю на боях без правил. Вообще, нельзя мне этого делать, особенно перед школой, потому что каждый раз происходит одно и то же: я забываю о времени, о занятиях и вообще обо всё на свете. Единственное, что меня интересует в такие моменты, кто отстоит раунд, а кто отправится в нокаут. И эти их ужасные ошибки! Они что ли не понимают, что лучше нужно делать в этих ситуациях? Их что, ставить блок никогда не учили? Почему они постоянно пропускают удары?

В итоге я в очередной раз опаздываю на урок, и когда влетаю в класс, громко распахивая двери, никто почему-то не удивляется. Я даже не успеваю извиниться.

— Штормов, ты живёшь в соседнем доме, когда уже начнёшь вовремя приходить на занятия? — Сергей Петрович, учитель химии, качает головой, осматривая меня.

— Ну, Сергей Петрович, — весело тяну я, прикрывая за собой дверь. — Там бокс показывали...

Мужчина отмахивается, разрешая мне сесть на место, потому что все прекрасно знают, если я заговорю про бокс, то меня уже будет не остановить.

Я сажусь на своё место и бросаю сумку на пол, широко зевая. Если честно, вообще не понимаю, зачем мне ходить в школу и получать аттестат. Я же планирую заниматься боксом, выйти на региональные соревнования, а потом и до мировых недалеко. А оценки никак не повлияют на мои навыки.

Но если брошу школу, то мне достанется от матери, а потом и от отца. Так что доучусь последние пару лет, и свобода.

***

— Я же говорил, что не успеешь вовремя, — издевается Матвей, когда мы выходим из кабинета завуча, который в очередной раз отчитывал меня за опоздания.

У нас было окно, поэтому Галина Евгеньевна перехватила меня как раз в тот момент, когда мы собирались в столовку. Хотели успеть до перемены, пока туда народ не набежал. Заканчивался третий урок, и до звонка оставалось буквально несколько минут.

— Ты сказал, «не опоздай», — передразниваю его я. — А это разные вещи.

— Да ну? — смеётся парень.

Я останавливаюсь посреди коридора и смотрю на друга.

— Вот тебе что докопаться не до кого?

— Да, — он пожимает плечом. — Ты один здесь.

— Чё, борзый такой? — я снимаю с плеча рюкзак и бросаю на пол.

— Вот давай без этого, — стонет Матвей, понимая, что я от него теперь не отстану.

Я улыбаюсь, облизывая пересохшие губы, и толкаю друга в плечо, затем обхожу его, заходя за спину, немного подпрыгиваю и склоняю голову, разминая шею.

— Давай-давай, посмотрим, чему я тебя научил, — бросаю я. — Или хочешь, чтобы я на глазах у всей школы надрал тебе зад?

Матвей неохотно оборачивается и морщится. Такие дружеские поединки между нами не в первый раз, и парень прекрасно знает, что если я буду драться с ним всерьёз, то могу отправить его в нокаут с первого же удара. Пусть он и не прочь помахаться, но в этом у меня всё-таки будет преимущество. Я занимаюсь боксом с шести лет.

Сжав кулаки, я поднимаю руки перед собой и делаю несколько дразнящих выпадов.

— Ты струсил? — насмехаюсь я. — Хочешь сдать, так и скажи.

— Ещё чего, — Матвей следует моему примеру и бросает сумку на пол прямо в тот момент, когда я собираюсь ударить его в челюсть.

Парень ставит блок, и я отпрыгиваю назад.

— Ну, ладно, — бормочет он. — Ты же знаешь, что потом от завуча проблем не оберёмся?

— Знаю, — весело говорю я.

Меня охватывает дикий азарт даже от такого простого и бессмысленного поединка. Главное сейчас не заиграться и не забыть, что я не на ринге, а в школе, где в любой момент нас могут застукать. Да и до звонка осталось совсем недолго.

Матвей приближается и пытается ударить меня, но я уклоняюсь. Вниз и право, как меня учил тренер. Тело двигается машинально, и я практически не управляю им. Колени согнуты, руки перед собой в защите, внимание сосредоточено только на противнике. Делаю выпад, прекрасно зная, что парень сможет уклониться, затем ещё один и ещё, из-за чего друг начинает отступать.

Он натыкается спиной на подоконник и быстро уходит в сторону, чтобы не оказаться отрезанным. Мы возвращаемся в центр коридора прямо в тот момент, когда звенит звонок, но я не останавливаюсь. Приближаюсь и наношу один удар в предплечье Матвея, которыми тот закрывает лицо.

— Так и будешь убегать? — я вскидываю руками, показывая, что не защищаюсь.

Парень усмехается и оказывается рядом со мной — я вижу, как его кулак летит мне в челюсть, и еле успеваю уклониться. Чувствую, как костяшки задевают мою кожу.

Из дверей классов выбегают ученики, и я довольно улыбаюсь. Кажется, словно я только и ждал этого момента, чтобы поблизости оказались зрители.

Все в этой школе знают, что я занимаюсь боксом. Директор спускает мне все выходные, потому что я приношу медали и грамоты, а следовательно улучшаю показатели школы. И как

минимум раз в пару недель я не упускаю возможности покрасоваться перед учениками. Может, у меня недостаток внимания?

Кто-то кричит про драку, я слышу своё имя, и приятная волна накрывает меня с головой, когда школьники образуют круг и начинают подбадривать меня. Особенно сильно я нравлюсь младшим классам. Я слышал, что из-за меня некоторые из них тоже решили заняться боксом.

Я нападаю — Матвей блокирует мой удар и отводит руку в сторону, отступая. Теперь ему приходится ориентироваться, чтобы не налететь на зрителей. Я по привычке подпрыгиваю на месте, не переставая улыбаться.

Парень делает выпад, пытаюсь перехватить мою голову и сделать захват, но я ловко избавляюсь от крепкой руки. Матвей неожиданно хватает меня за кофту, ставит подножку и толкает в грудь. И я падаю прямо на спину, отлетая в сторону зрителей. А вот это грязный приём!

Я уже собираюсь подняться на ноги, но мой взгляд цепляется за незнакомую девушку, к ногам которой я отлетел. Она смотрит на меня сверху вниз настолько серьёзно, что весь запал на драку у меня пропадает.

— Привет, — говорю я, улыбаясь чуть шире.

С этого ракурса трудно различить её лицо, но она явно миленькая. У неё светло-каштановые прямые волосы чуть ниже плеч, серая блузка, джинсы. Глаза то ли карие, то ли зелёные. Не могу разобрать.

— Соня! — я слышу голос Яны Куркиной.

Незнакомка слегка фыркает, отрывает от меня взгляд и обходит слева, направляясь прямо через круг нашего «ринга». Матвей помогает мне подняться.

— Кто это? — спрашиваю я, смотря вслед девушке, которая растворяется в толпе.

— Не знаю, новенькая, наверное.

Желание продолжать поединок пропадает, и я вздыхаю. Вот что за напасть? Только разогрелся. Ну, ничего, вечером потренируюсь по-настоящему.

Школьники начинают расходиться, понимая, что бой закончен, — я подбираю свой рюкзак и перекидываю через плечо. Аппетит пропал, в столовку идти теперь нет никакого желания.

— Чё у нас следующим? — безразлично спрашиваю я у друга.

— Литература.

— М. Ясно.

Я всё ещё смотрю в ту сторону, где скрылась незнакомка, и борюсь с желанием пойти и отыскать её. Хочется узнать, как она выглядит в нормальном ракурсе и не в перевёрнутом состоянии. Так, её, значит, зовут Соня. И если она в компании Яны Куркиной, то точно перевелась в параллельный класс. Мы с ней одноклассники. Интересно...

Weaving The Fate — The Fall

Соня.

— Сонь, а, Сонь, — надоедливый голос моего одноклассника въедается мне в голову, и я поджимаю губы.

— Что?

Я стою у подоконника на большой перемене и листаю ленту вконтакте, пытаюсь не обращать внимания на надоедливый шум учеников. Все кричат, бесятся, бегают, толкаются, и это дико раздражает. Голова идёт кругом, но я научилась отстраняться от всего этого. Дома только так и можно избавиться от постоянных скандалов.

— Что вечером делаешь?

Мой одноклассник, Борис Руденко, стоит слева, облокотившись о подоконник, и внимательно меня разглядывает. Я чувствую его взгляд настолько сильно, что хочется повернуться и сломать парню нос.

Не прошло и пары дней в новой школе, а ко мне уже начинают подкатывать. Молодец, Соня! Ты слишком мила со всеми, нужно быть поагрессивней. В прежней школе все по струнке ходили и даже намёками флиртовать не решались. Хотя, там я с парнями была на дружеских отношениях, они меня принимали за свою. Что же я здесь делаю не так? Может быть, просто там я парней знала чуть ли не с садика...

— Борь, — я вздыхаю и ставлю экран телефона на блокировку. — Даже не думай.

Я поворачиваюсь к нему и осматриваю. Пепельный блондин с серыми глазами и с какой-то немного хитрой внешностью мне совершенно не нравится. У него неприятные усики над губой и противный прыщ слева на скуле, который одноклассник совсем недавно пытался выдавить.

Я прячу сотовый в карман и ухожу, оставляя не особо-то расстроенного парня возле окна. Лучше пойти в класс, вот только я понятия не имею, где у нас урок биологии, а поблизости как назло нет никого из моих одноклассников. Кроме Бори. Но к нему я возвращаться не хочу: если ещё раз увижу его тошные усики, меня вырвет.

Я осматриваюсь, затем достаю телефон и смотрю на время. В принципе, есть ещё десять минут до звонка, так что я могу встретить кого-нибудь из знакомых. Либо можно набрать Юлю, она то уж точно выручит меня.

Школа, школа. 9 класс. Экзамены в конце года. Чувствую, это будет настоящий ад, потому что готовиться ко всему этому ужасу я даже не начинала.

Я иду в сторону лестницы, но замечаю стенд с фотографиями и останавливаюсь возле него, начиная рассматривать кадры. На большинстве из них изображён парень в боксёрских перчатках. Где-то он на ринге, где-то с медалями, где-то с грамотами. Я сразу понимаю, кто это, вспоминая яркие голубые глаза, и мои губы трогает улыбка. А он миленький. И в боксе, очевидно, хорош, потому что на всех кадрах у него только золотые медали. А нет, вот одна серебряная.

— Любуешься? — насмешливый голос позади заставляет меня вздрогнуть, и я

оборачиваюсь.

Передо мной стоит Егор Штормов и легко улыбается.

— Да так, просто смотрю, — бросаю я.

От его взгляда становится неловко, и я отворачиваюсь.

— Ты действительно так хорош? — я киваю на фото. — Судя по стенду, тебя здесь боготворят.

— Хочешь проверить? — Егор усмехается, и мне почему-то кажется, что парень сейчас говорит не про бокс. Я непонимающе смотрю на него, вскидывая бровь, мол, каким же это образом, но Штормов только смеётся. — Да, я думаю, что я хорош. По крайней мере, мне так говорит тренер.

Парень смотрит на одно из фото и задумчиво покусывает губу, наверное, вспоминая, когда же это было. Я слежу за его взглядом и нахожу кадр, где Егор на ринге в чёрном боксёрском шлеме. Мы пару секунд молчим.

— Это было в прошлом году, — он показывает на картинку. — Я тогда потянул мышцы на правом плече и на какое-то время пришлось отложить тренировки. Думал, умру от скуки. Тогда я проиграл бой.

— Почему? — интересуюсь я.

Егор пожимает плечом.

— По очкам не смог обогнать.

Я ничего не отвечаю — мы почти минуту стоим рядом плечо к плечу и смотрим на стенд, рассматривая фото. Я понятия не имею, о чём думает этот парень, и чем дольше продолжается этот момент, тем больше мне становится неловко.

— Соня, да? — спрашивает парень, и я коротко киваю. — Меня Егор зовут.

— Я знаю.

— Что вечером делаешь? — его голос настолько безразличный, что мне даже становится неприятно. Я вспоминаю Бориса и его мерзкие усики и морщусь.

Что я делаю вечером? Ничего. Буду гулять по городу и изучать опасные места, может, подружусь с парочкой бомжей из соседнего дома. Что я ещё могу делать вечером в незнакомом городе?

— Я занята, — решительно говорю я, хлопая в ладоши. — А теперь иду на урок. Увидимся.

Егор смотрит на меня, словно дико удивлённый моим отказом. Я обхожу его и направляюсь в сторону лестницы.

— Какой урок? — бросает Штормов.

— Биология! — не оборачиваюсь.

— Класс в другой стороне, — парень смеётся.

Я машинально разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов, коротко улыбаюсь боксёру и решительно иду обратно. Через несколько секунд Егор меня догоняет.

— Я провожу, а то потеряешься ещё, — издевается он. — Так и как тебе в новой школе?

Я пожимаю плечом, осматривая учеников. Что я могу сказать обо всём этом? Школа как школа. Учителя, дети, занятия, экзамены и всё такое. Так же как и везде. Скучно, неинтересно и нудно.

— Я ещё присматриваюсь, — уклончиво отвечаю я.

— Ко мне лучше присмотришь, я хороший, — он толкает меня локтём в бок, и я поджимаю губы.

Парень уклоняется от кучки школьников, и мы с ним разделяемся. Я уже надеюсь, что он отстанет от меня, но этого не происходит.

— А я плохая, — тяну я, стараясь не смотреть в сторону Егора.

— Противоположности притягиваются.

Штормов останавливается возле дверей класса и поворачивается ко мне. Я торможу рядом, и, наконец, устремляю взгляд на парня. Он симпатичный. Русые волосы, голубые глаза, красивая улыбка, высокий, подкаченный, спортсмен, звезда школы, любимец девочек и весьма наглый, чтобы потерять от него голову. Но я этого не хочу. Почему? Сама не знаю. Я дико упрямая и принципиальная и не хочу попадаться в ловушку такого харизматичного парня, как Егор, а потом страдать из-за разбитого сердца. Как Яна. Интересно, они встречались или Штормов отверг её признание с самого начала?

— Спасибо, что показал класс, — благодарю я.

Я жду секунду, чтобы он сказал «пожалуйста», и я со спокойно душой отправилась бы на урок, но этот идиот молчит.

— Так, что на счёт вечера? — неожиданно спрашивает Штормов.

На его лице исчезающая заигрывающая улыбка, и мне становится неловко. Не могу смотреть в его голубые глаза: они безумно красивые, но немного пугающие, словно парень может читать мысли, будто он знает, что симпатичен мне, и поэтому никак не отстанет.

— Я же сказала...

— Что занята, — перебивает меня Егор. — Я про завтра.

Я вздыхаю и опускаю голову. Ну, вот что он прицепился ко мне? Я же не красотка, чтобы за мной парни бегали. Я просто хочу... Сама не знаю, чего.

— Я подумаю. Завтра скажу.

— Хм, — Егор облизывает пересохшие губы. — Хорошо. Значит, увидимся завтра?

— Я же сказала...

— Что подумаешь, — снова перебивает меня парень. — Не будь занудой, я же тебя не под венец зову. Че ты сразу напрягаешься.

Я закатываю глаза и вздыхаю. Вот же приставучий тип.

— Всё, пока, — бросаю я, разворачиваясь к двери и слыша отчётливый смешок за спиной.

Фыркнув, я захожу в класс и прикрываю за собой дверь, чтобы наверняка отвязаться от Штормова, однако никак не могу избавиться от приятного чувства удовольствия в груди, словно только что утёрла нос какой-нибудь зазнавшейся фифе. Егор Штормов. Может быть, действительно сходить погулять с ним? Он красавчик, и я вроде как ему понравилась. Или он просто решил перетянуть на сторону своих фанаток ещё одну девочку? С ним нужно быть поосторожней, мало ли кто скрывается за этой милой мордашкой...

EA7 — Roy Jones Jr. - Can't Be Touched

Егор.

— Зачем ты увязался за мной? Ты же нихера не спортсмен, — я скептически смотрю на Матвея, который во время урока русского языка неожиданно заявил, что хочет пойти со мной на тренировку.

Это как минимум странно, потому что обычно друга туда не затащишь. Он не любитель смотреть на потных парней, отрабатывающих приёмы на грушах. Бывает, иногда он заскочит к концу тренировки, чтобы подождать меня и пойти вместе где-нибудь потусить, но это случается довольно редко.

— Скучно мне, — парень пожимает плечом, накидывая на голову капюшон куртки. — Решил посмотреть, как тебя избивают на ринге. Раз я этого сделать не могу, то хоть полюбуюсь со стороны.

Я прищуриваюсь, внимательно всматриваясь в профиль парня и думая о том, что здесь явно что-то не чисто. Что он хочет от меня? Зачем ему, не любителю спорта, весь вечер сидеть на скамейке и ждать, пока я извожу своё тело?

— Я тебя знаю не первый день, что ты задумал? — тяну я.

Мы идём по улице города, направляясь в зал, где я обычно тренируюсь. Вечер сегодня морозный, и мои щёки предательски пощипывают, из-за чего я кутаюсь в шарф, чтобы не было так противно. Руки в карманах слегка замёрзли — я не взял с собой перчатки, да и вообще обычно не ношу их, потому что вечно где-нибудь забываю.

— Ничего, — бросает Матвей. — Дома просто отец.

— О, — я фыркаю, понимая друга без слов.

У него непростые отношения в семье. Его отец — военный. Настоящий тиран, каждый раз при малейшем проступке грозящийся, что отправит сына в военное училище. Или в армию, но в армию друг так и так собирается после школы, совершенно не горя желанием куда-либо поступать.

Его родители развелись пять лет назад, потому что отец периодически поднимал руку на мать, — она в конце концов не выдержала и подала на развод. Затем мужик свалил в другой город, нашёл себе новую подружку, женился на ней, но что-то у них пошло не так, и вуаля. Снова развод.

И вот спустя четыре года он опять появляется на пороге дома Матвея, весь такой миленький, добренький, с цветами и подарками и на коленях умоляет бывшую жену простить его. Якобы, всё осознал, исправился, изменился и больше так не будет. Друг, конечно, воспринял всё это в штыки, мол, чёрта с два ты будешь жить с нами. Ну, отец так и ушёл, а потом Матвей узнал, что они с матерью начали тайно пересекаться, типа она простила его или что-то такое. Сначала все эти секретные встречи на протяжении полугода, а потом отец начал приходить в открытую. Он, конечно, не жил с ними, Матвей бы этого так просто не оставил, ушёл бы из дома или более того, выгнал бы отца пинком под зад, и его мать это прекрасно понимала. Но иногда всё-таки этот мужик приезжает к ним на

несколько дней, а потом снова сваливает в другой город на работу. Он там неплохо устроился в армии.

Поэтому, в такие моменты мой друг старается проводить дома как можно меньше времени, чтобы не пересекаться с папашей, и я его прекрасно понимаю. На его месте, я бы давно вмазал своему отцу, если бы он хоть раз поднял руку на мать. Да что уж там на мать, просто на женщину. Мужчина должен защищать слабый пол, в противном случае это не мужик, а мешок с дерьмом.

— И надолго он? — интересуюсь я.

— Да хрен его знает, — Матвей останавливается перед входом в зал и достаёт пачку с сигаретами. Я немного подпрыгиваю на месте, чтобы согреться, и пристально наблюдаю за тем, как парень прикуривает. Он шумно выдыхает дым и осматривается. — Достал он меня. Строит из себя заботливого папочку и думает, что я всё забыл. Единственное, что я у него когда-нибудь попрошу, чтобы он поднял связи и отправил меня куда-нибудь на флот или в десант.

Я внимательно наблюдаю за другом, шмыгая носом. Не весело всё это.

— Зачем тебе в армию, ты же ненавидишь спорт? — бросаю я.

Он пожимает плечом.

— Не знаю. Хочу в армию. Потом пойду в полицию. Может в МВД. А может, и в ФСБ возьмут, — шутит Матвей, и я фыркаю.

— Да кто тебя в ФСБ возьмёт с такой подготовкой, ты даже меня на лопатки уложить не можешь, — издеваюсь я. — Вот меня туда с радостью примут. С руками оторвут.

— Ага, мечтай.

Парень выбрасывает сигарету в урну и первым поспешно направляется к дверям. Мы заходим в помещение, и я с наслаждением выдыхаю, когда тепло прикасается к моей коже. Воздух здесь пропитан потом и запахом бесконечных тренировок. Некоторые парни уже работают с грушами, некоторые стоят в стороне и что-то обсуждают. Здесь своя особенная атмосфера.

Я смотрю на ринг: там парень работает с лапами (овальные подушки из кожи с креплениями для рук. Их надевает тренер или напарник и использует в качестве мишени для ударов своего подопечного).

Я подхожу к рингу и стягиваю шапку, на ходу расстёгивая куртку.

— Йоу, папаша! — кричу я.

Мужчина что-то говорит парнишке и подходит ко мне, облачиваясь о канаты. У него тёмные голубые глаза, светлые волосы и шрам над бровью, который когда-то давно ему оставил противник на ринге.

— Здесь я твой тренер, а не отец, сколько раз повторять?

Я усмехаюсь.

— Да ладно, па, тебе не привыкать. Тебе не идёт быть таким серьёзным. Ух прям, мурашки аж, — издеваюсь я. Матвей рядом со мной усмехается.

— Переодевайся и на разминку, клоун, — фыркает отец, возвращаясь к своему подопечному. Это какой-то новенький парень, первый раз его вижу, но держится он неплохо.

Я стягиваю куртку, киваю Матвею и направляюсь в раздевалку. Да, мой тренер — это мой отец. Он раньше занимался профессиональным боксом, но теперь у него своя секция и молодые парни под рукой, мечтающие выйти на мировой уровень.

Я помню, когда первый раз отец привёл меня на бокс. Это был его последний бой и это было невероятно. Огромная толпа народу, в центре ринг и два бойца друг напротив друга, среди которых был и мой папа. Их движения, удары, крики зрителей: я просто сидел с открытым ртом и думал «ВАУ». Именно тогда у меня загорелось желание когда-нибудь выйти на этот самый ринг вместо отца и одержать победу. Мне хотелось, чтобы все эти зрители кричали только ради меня, поддерживали только меня, думали только обо мне. И, возможно, тоже какой-нибудь парнишка смотрел бы на меня и думал «ВАУ, Я ТОЖЕ ТАК ХОЧУ», точно так же, как я смотрел на своего отца.

Мне тогда было почти шесть, и я был настолько восхищён всей этой атмосферой, что практически заставил папу начать тренироваться со мной. Можно сказать, именно по моей вине он и открыл секцию бокса. Это место стало для меня вторым домом, я вырос здесь, проводил всё свободное время за тренировками, буквально ночевал на ринге.

Это моя жизнь, это моё всё. Не знаю, чем бы я вообще занимался, если бы не бокс, и я не могу даже представить, что его не будет в моей жизни. Кто я без него? Просто парень, просто ученик девятого класса, просто никто.

Three Days Grace — Unbreakable Heart

Соня.

Я думаю о Егоре, хотя совершенно не должна этого делать. И когда я сижу на последнем уроке, записывая за учителем конспект, и когда возвращаюсь домой, и даже когда остаюсь наедине в своей комнате, я думаю о нём. Точнее о его глазах. Голубых пронзительных наглых глазах. Я думаю о них и невольно улыбаюсь.

Я должна признаться сама себе, что этот парень мне действительно понравился и что я не прочь согласиться на его предложение погулять завтра вечером, но я знаю таких парней. Они пользуются популярностью девчонок, а вместе с этим разбивают их сердца. И я очень сильно не хочу попадаться в эту ловушку, однако подкрадывающееся сомнение заставляет меня задаться вопросом: а что если я ошибаюсь? Да, Егор популярен, но что если он сломает все мои стереотипы и окажется хорошим парнем? Ведь могут же красавчики быть нормальными? Ладно, Соня. Не узнаешь, пока не проверишь.

Дверь комнаты открывается, и я вижу свою сестру — она заходит, прикрывая за собой дверь, и мне приходится неохотно стянуть наушники. Девушка пересекает расстояние между нами и заваливается на кровать.

— Как же они меня достали! — стонет Маша, отчётливо выделяя каждое слово и потирая лицо ладонями.

Я понимаю, что сестра говорит про родителей. Они опять начали выяснять отношения, и поэтому я надела наушники и включила музыку настолько громко, чтобы ничего это не слышать. Ненавижу крики и ссоры.

— Что на этот раз?

Я смотрю на неё, но та не спешит отвечать.

Маша старше меня на пять лет. Ей 21. Она учится в университете на последнем курсе, изучает психологию. Вот только её знания что-то ничерта не помогают решать конфликты в семье. Хотя, мне кажется, что сестра из принципов не хочет этого делать.

У неё идеальная фигура: тонкая талия, выделяющиеся бёдра, красивые ноги, грудь хоть и второго размера, но красивая, длинные густые тёмно-каштановые волосы с рыжеватым оттенком. Пару лет назад Маша покрасилась в рыжий, но теперь её волосы отросли и цвет поблек. И глаза у неё то синие, то серые, то вообще зелёные. Хамелеон. Зависят от освещения и, наверное, от её настроения, но почти всегда они синие. Зато ростом не вышла. Всего 160.

Я же другая. Мне шестнадцать, рост 170, волосы жидкие светло-коричневые ниже плеч, глаза с зелёным оттенком, тело чуть крупнее, чем у сестры.

— Опять докопались на пустом месте, — бросает Маша. — Типа я ничего не делаю и из меня ничего не получится. Говно я, другим словом. Неблагодарная тварь.

Я закатываю глаза и вытягиваю ногу, положив её на живот сестры. Та ничего не говорит.

— Забей.

— Ага.

Она вздыхает.

— Как школа?

Я фыркаю, вспоминая Штормова, затем подкладываю руки под голову и думаю о том, что завтра он снова подойдёт и спросит про вечер. Что мне ответить?

— Неплохо, — говорю я. — Пока осваиваюсь.

Она устало вздыхает, и мы недолго молчим. За стеной работает телевизор, мама снова гремит на кухне, наверное, готовя ужин. На верхнем этаже тявкает собака, а потом что-то падает.

— Маш.

— М?

— А тебе нравятся боксёры? — зачем-то спрашиваю я, всё ещё не в силах выбросить из головы Егора.

— Хм, — она пожимает плечом. — Да, наверное. Мой бывший был рукопашником и любил подраться. А что?

Я думаю о её бывшем, хотя ни разу не видела его в реальности, только на фото, а затем опять вспоминаю Штормова. Фото, которые мы вместе рассматривали, его глаза, недовольный взгляд Яны в сторону парня. Надо спросить как-нибудь у неё, почему они не сошлись. Может быть, она тоже попала в его сети, а потом он разбил ей сердце? Да что гадать. Вариантов уйма, и только она знает, какой из них верный.

— Один парень с параллели позвал меня погулять, — я осекаюсь. Он же не звал меня гулять, он просто спросил, что я делаю вечером. — Он вроде как боксом занимается. Звезда школы и всё такое.

— М, — сестра поворачивается на бок и смотрит на меня с коварной улыбкой на губах. — Он красавчик?

Я задумчиво хмурюсь. Да, чёрт возьми, он красавчик.

— Ага, — улыбаюсь я. — Глаза у него красивые.

— Тогда и думать нечего, — Маша подпирает голову рукой. — Бери, пока кто-то другой не увёл.

Я вздыхаю и смущённо закрываю ладонями лицо. Секунду молчу, обдумывая все «за» и «против».

— Не знаю, — признаюсь я. — Он же вроде как популярный красавчик, вдруг он тот ещё придурок и просто решил меня в свою коллекцию добавить?

Маша внимательно смотрит на меня, затем морщится, обдумывая мои слова.

— Но ты же не знаешь наверняка, — наконец, говорит сестра, облизывая пересохшие губы. Она часто так делает, потому что пьёт слишком мало воды. — Узнай его получше, поспрашивай о нём, а если заподозришь что-нибудь неладное, то пошлешь и всё.

Я покачиваю ногой, упираясь ей в бок. Наверное, она права. Я же совершенно ничего о нём не знаю, и как-то неправильно даже шанса не дать ему, тем более, что он мне понравился. Как говорит, важен не результат игры, а сам процесс, так что будь, что будет.

— Хотя я тебе не советник, — неожиданно говорит Маша. — Ты знаешь, у меня у самой в личной жизни какая-то лажа.

Она откидывает мою ногу и поднимается с кровати.

— Но если он тебя обидит, сразу мне говори.

Я смеюсь.

— И что? Ты его психологической атакой задавишь? — издеваюсь я.

Она закатывает глаза.

— У меня есть друзья, которые смогут поговорить с ним, — она дёргает бровями. — И они тоже неплохо дерутся. Так что боксёры им не страшны.

Я отмахиваюсь. Что за глупости она несёт. Зачем разбираться с парнем, который разобьёт девчонке сердце, если он сам по себе придурок. Не вижу смысла. Тем более, при малейшей опасности я сама разобью ему что хочешь.

— Как его зовут-то хоть? — уже в дверях спрашивает сестра.

— Егор Штормов, — тяну я, словно пробуя его имя на вкус. — Только предкам ни слова.

— Конешн, — она улыбается и выходит в коридор.

Я фыркаю и притягиваю к себе телефон. Люблю сестру. Она кажется такой взрослой и умной, хотя иногда настоящая заноза в заднице. Особенно для родителей. Она хочет скорее съехать от них, но возможности пока нет. Маша не работает, да и диплом на носу. И парня у неё нет, у которого можно было бы жить, так что мне приходится периодически выслушивать, как же она устала от всего этого дерьма, которое творится у нас дома. А я то как устала!

А ещё я не хочу, чтобы сестра уезжала, потому что тогда родители переключатся на меня, и моей спокойной жизни придёт конец. Это будет настоящая катастрофа, потому что я не смогу терпеть всё это как Маша. Я не такая прилежная и терпеливая. И уж точно домашней девочкой меня назвать нельзя.

***

Я собираюсь прогуляться. На улице уже стемнело, Январь обжигает лицо морозом, заставляя кутаться в шарф, незнакомый мне город обрушивается на меня своими огнями. Сейчас где-то около десяти вечера, и я даже удивляюсь, как меня родители отпустили. Когда моя сестра начала гулять с парнями, отец устроил ей комендантский час ровно в девять, и если она опаздывала хотя бы на пять минут, был жуткий скандал. У меня же никогда такого не было, и порой мне становится обидно, что Маше внимание уделяется больше, чем мне, но потом я вспоминаю, что если бы до меня так докапывались, как до неё, я бы давно вскрылась. Да и я бы даже слушать отца не стала с его дурацким комендантским часом.

Честно, Маша его боится. Поэтому она так остро реагирует на слова папы и вообще старается с ним не общаться. А мне всё равно, я не боюсь, поэтому и все его нападки я буду пропускать мимо ушей. Даже не знаю, хорошо это или плохо.

Я уйду от дома на несколько кварталов, прежде чем понимаю, что немного заплутала. Наверное, надо возвращаться, а то совсем потеряюсь. Если что могу сестре позвонить, она хорошо знает эти места, всё-таки четыре года сюда приезжает.

Я осматриваюсь — машины и последние маршрутки мелькают на главное улице, прохожие совершенно не обращают на меня внимания. В основном я вижу молодёжь — они гуляют компаниями, шумно смеются и громко разговаривают. Я вспоминаю своих друзей, которых оставила в старой школе, и мне становится грустно. Как они там? Забыли небось про меня. Даже не пишут.

Когда-то мы точно так же бродили вечерами, хулиганили и веселились на улицах. Было здорово. А сейчас я в одиночестве хожу по незнакомому городу и даже не знаю, чем себя занять. У меня здесь нет друзей, не считая Яну и Юлю, но с ними я общаюсь только в школе.

Может быть, позвать их как-нибудь погулять?

Замечаю впереди кучку парней, которые стоят перед входом в какой-то бар и курят. Кажется, я вообще не той дорогой возвращаюсь, потому что этого места на моём пути раньше вообще не было. Может, не там свернула?

Я осматриваюсь, пытаюсь найти знакомые здания, но ничего не получается. У меня вроде нет топографического кретинизма, что за дела вообще? Как я могла заблудиться?

— Эй, красотка!

Ну, вот только этого мне не хватало...

Один из парней, стоящих возле бара, замечает меня, но я упорно делаю вид, что его нет. Так, Соня, главное не нарывайся. Просто пройди мимо. Их больше, а ты одна. Твой язык тебя до добра никогда не доводит, ты же знаешь. Здесь новый город, незнакомые люди, если будешь выпендриваться, проблем не оберёшься.

Я слышу шаги. Как меня учила Маша? Просто игнорируй.

— Постой, — слышу смех остальных. — Пошли посидим, мы угощаем.

Я чувствую, как его рука пытается схватить меня за локоть, но успеваю уклониться. Резко разворачиваюсь к нему и скептически выпаливаю:

— А может мне сразу член тебе пососать? — я вскидываю бровь. — Если, конечно, смогу найти его у тебя в штанах.

Я осматриваю парня: он старше меня и весьма симпатичный, если бы его дебильная улыбка и отвратительное поведение всё не портили. Парни позади что-то кричат, продолжая смеяться, и, кажется моему собеседнику это не нравится. Да, Соня. Молодец. Нарвалась как обычно.

— А у тебя острый язычок, — парень затягивается, держа в руке сигарету, и выдыхает дым в мою сторону. Я морщусь. — Видимо, умеешь им работать.

Я понимаю, что шутка с подтекстом, и поджимаю губы.

— Да куда уж мне до тебя, — тяну я. — Друзки заждались, тебе пора.

Киваю в сторону парней и разворачиваюсь, чтобы ещё чего лишнего не сказать.

— А ну постой, — незнакомец хватается меня за локоть.

— Руку убери! — грубо говорю я, пытаюсь освободиться.

Меня неожиданно охватывает лёгкий страх, и я вдруг думаю о том, что их же всё-таки больше. Мало ли, что они задумают сделать со мной. Надо было просто пройти мимо и не нарываться.

Парень выкидывает сигарету.

— Да ладно тебе, — тянет он. — Просто посидим, пошли. Мы не такие плохие.

Он тянет меня в сторону бара, но я торможу ногами — они скользят по снегу.

— Отпусти, придурок! — вскрикиваю я.

— Да ладно, Коль, пусть идёт! — говорит кто-то из его компании. — Чё ты к ней прицепился? Пугаешь только всех, поэтому у тебя девчонки и нет.

Они снова хохочут.

— Заткнись, а! — Коля останавливается и смотрит на своего друга. — Не твоё дело, как и к кому я подкатываю.

Я снова пытаюсь выдернуть руку.

— Да отпусти же ты!

Я пытаюсь заехать ему по ноге, не ничего не выходит. Вот знала же, что гулять вечером — плохая идея. Нет всё моё упрямство. Коля шикает и поворачивается ко мне — он выше и

возможности вырваться из его хватки у меня практически нет. Нужно срочно заехать ему по носу и бежать! И я уже действительно собираюсь это сделать, но чья-то рука ложится на плечо Коли, он оборачивается и получает удар под дых — его пальцы тут же отпускают меня, незнакомец сгибается пополам и хватает ртом воздух.

— Она же сказала, чтобы ты отпусти её, — спокойный голос разлетается в пространстве.

Я вижу, как один из парней дёргается в нашу сторону, чтобы прийти на выручку Коле, но другой хватает его за плечо и останавливает.

— Остынь, — говорит третий парень. Он прикусывает зубами сигарету и поднимает руку. — Привет, Егор.

Я только сейчас смотрю на своего спасителя и понимаю, что это он. Егор Штормов.

— Йоу, Макс, — боксёр салютует, а потом перебрасывает руку через моё плечо. Меня бросает в жар. — Эта девчонка моя, — парень указывает пальцем на меня. — Я надеюсь, все всё поняли? Пальцем тронете, получите.

— Мы поняли, Шторм, — Макс усмехается и поднимает руки ладонями вверх. — Никаких проблем.

Егор кивает, судя по всему, своему знакомому, в потом подталкивает меня, заставляя идти. Он, наконец, убирает руку.

— Ну, и какого лешего ты шляешься здесь в такое время? — спрашивает парень, когда мы отходим на достаточное расстояние.

Я пожимаю плечом, пытаюсь собраться с мыслями и понять смысл ситуации. Меня только что спас Егор Штормов, и я как минимум должна сказать ему спасибо, но в голове всё в кучу.

— Потерялась, — бросаю я. — Домой как раз шла, видимо, не туда свернула.

Я смотрю под ноги, виновато покусывая губу и чувствуя на себе взгляд парня.

— И где твой дом? — интересуется Егор.

Я вздыхаю и называю ему адрес, после чего достаю телефон и смотрю на время. Двенадцатый час.

— Это недалеко, — Штормов выдыхает пар изо рта. — Ты просто на параллельную улицу зашла.

Мы замолкаем и минуту идём в тишине. Не знаю, как ему, но мне неловко. Как вообще так совпало, что мы встретились и что он спас меня? Словно бы нас тянуло друг к другу. Да нет, глупости какие. Просто совпадение.

— А ты? Что тут делаешь? — спрашиваю я.

Егор смотрит на меня, усмехается и тянет:

— За тобой следил, — я резко смотрю на него, замечая нахальную улыбку. — Шучу. Гулял. У меня здесь зал недалеко, я недавно с тренировки. Друга провожал, он тут неподалёку живёт.

— Понятно, — бормочу я.

— Так, значит. Вот чем ты сегодня занята была? — издевается парень. — Бродила по улице и нарывалась на неприятности. Завтра собираешься тоже самое делать? — я непонимающе смотрю на него, и Штормов замечает это. — Завтрашняя отмазка. По поводу вечера.

Я закатываю глаза и поджимаю губы. Мы сворачиваем на знакомую улицу, и я понимаю, что до моего дома осталось совсем чуть-чуть.

— Возможно, — тяну я. — Но я так поняла, у тебя жизнь сплошная тренировка. Разве у тебя есть время на девчонок?

Егор фыркает.

— На тебя найду. Так что?

Я замечаю свой дом и немного сбавляю темп, словно бы не горя желанием расставаться с парнем, а потом пытаюсь выбросить из головы все эти дурные мысли.

— Дай свой телефон, — я протягиваю руку ладонью вверх.

Штормов мешкает, затем достаёт из кармана сотовый и отдаёт мне, снимая блокировку. Я усмехаюсь, нахожу его приложение вконтакте и нагло захожу туда.

— Хочешь переписки почитать? — издевается Егор, но ничего не делает, наблюдая за мной.

— Больно надо.

Я захожу в поиск, нахожу свою страничку и отправляю себе же запрос в друзья. Только после этого я возвращаю телефон владельцу и останавливаюсь, потому что мы уже оказываемся возле моего подъезда.

— Спишемся завтра, — улыбаюсь я, склоняя голову.

Штормов криво усмехается, пряча руки в карманы.

— Пока, — я осматриваю его в последний раз, затем разворачиваюсь, но не ухожу. — И спасибо. Что выручил.

— Сочтёмся, — говорит Егор. — Увидимся в школе.

Я улыбаюсь, немного смущаясь, и радуюсь, что стою к парню спиной. Даже не обернувшись, я поспешно захожу в подъезд, оставляя Егора Штормова одного.

Missy Higgins — Where I Stood

Соня.

«После школы на стадионе», — пишет мне Егор, когда я сижу на предпоследнем уроке и нетерпеливо жду, когда же стрелка часов достигнет нужного момента, чтобы прозвенел звонок.

«И что там будет?», — пишу ему ответ.

«Увидишь».

Я вздыхаю и подпираю голову рукой, совершенно не слушая учителя по истории и его рассказ о Великой Отечественной Войне, прячу сотовый за книгой, чтобы никто не смог просечь, что я с кем-то переписываюсь вместо того, чтобы записывать конспект. Юля скучающе вздыхает рядом со мной — я кошусь в её сторону и мне становится ещё тоскливее. Скучно.

Я вспоминаю вчерашнюю прогулку и улыбаюсь, пряча рот за рукой, чтобы никто этого не заметил. «Эта девчонка моя», — проносится у меня в голове, и я фыркаю. Что он о себе возомнил? Спас меня один раз от неприятностей и всё? Можно делать всё, что захочешь? Наглый зазнавшийся идиот.

Я трогаю экран телефона, чтобы проверить сообщения, но никто не пишет. Штормов вообще мне не писал, после того, как я его вчера добавила, словно бы специально игнорил. А теперь ни с того, ни с сего говорит, что будет ждать меня на стадионе. Ни «привет», ни «как дела?». Что за человек.

— Ты чего? — шепчет Юля, замечая мою улыбку, и я поспешно трясую головой.

Стоит ли мне рассказывать ей, что меня пригласил на свидание Егор Штормов? Но я явно взорвусь, если не поделюсь этой новостью хоть с кем-то.

Я открываю тетрадь и пишу: «Егор Штормов хочет увидеться со мной после школы». Подвигаю послание к Юле, и та заинтересованно нагибается, чтобы лучше видеть. Секунду она медлит.

— Да ладно! — громко шепчет девушка, а потом притихает, чтобы учитель не обращал на нас внимания. — Шутишь?

Я качаю головой и улыбаюсь.

— Ничего себе. Поверить не могу. Это же событие века!

Я непонимающе смотрю на неё, мол, что в этом такого? Он же популярный парень, и девчонок у него должно быть полным полно.

— Девушки, поговорите на перемене, пять минут осталось! — строго отчитывает нас учитель.

Все оборачиваются, чтобы взглянуть в нашу сторону, и мы с Юлей притихаем. Девушка улыбается мне и одними губами говорит:

— На перемене.

Я закатываю глаза и отворачиваюсь, устремляя взгляд на доску, где мужчина записывает домашнее задание для нас. Поспешно открываю дневник и быстро переношу всё в нужную

графу. Отлично, ещё и параграф пересказывать задали, как вовремя. Уже конец девятого класса, могли бы не нагружать нас, всё-таки экзамены впереди.

Звонок обрушивается неожиданно и стремительно, некоторые одноклассники поднимаются на ноги и лениво покидают кабинет. Следующий урок у нас здесь же, поэтому большая часть ребят остаётся на своих местах.

— Яна! — Юля нетерпеливо зовёт свою подругу. — Яна, сюда. Быстро. Ну, же...

Я поджимаю губы, понимая, что сейчас они будут обсуждать мою встречу с Егором, и я уже начинаю жалеть, что рассказала об этом. Хотя они бы всё равно потом узнали.

Девушка неохотно поднимается на ноги и подходит к нашей парте, садясь на стул впереди. Подруги нагибаются, словно готовые обсудить важный план по захвату школы. Я делаю вид, что меня здесь нет и что я вообще не при чём, поэтому хватаю сотовый и утыкаюсь в него.

— Соня идёт на свидание со Штурмом, — заговорщически тянет Юля.

— Что? — Яна смотрит на меня. — С Егором? Он согласился встретиться с тобой? — она скептически хмурится, словно не верит мне.

Я пожимаю плечом.

— Вообще-то, это я согласилась встретиться с ним, — тяну я. — Он ко мне вчера пристал с расспросами, что я делаю вечером. И как-то так получилось, что сегодня мы пересечёмся.

Я умалчиваю о том, что Штурмов спас меня вчера на улице, потому что Яне явно не нравится представлять меня с Егором вместе. Кажется, он ей до сих пор нравится. Не хватало мне ещё нажить себе врагов, особенно в школе, где я новенькая. Хотя, стоп. Мне же всё равно!

— Охренеть, — Юля откидывается на спинку стула.

— Да что тут такого? — не понимаю я, вскидывая голову. — Подумаешь, встретимся. Он же популярный, у него и без меня полно подружек. Что вы смотрите на меня так, словно я у вас мужика увела.

Яна фыркает и отворачивается, скрещивая руки на груди. Она смотрит в окно, и мне даже становится жаль её. Юля подаётся вперёд и понижает голос.

— Вообще-то у него нет никого, — тянет девушка. — Он посылает всех, кто предлагает ему отношения и признаётся в чувствах. Или зовёт просто на свидания. Егор не из тех, кто подпускает к себе всех подряд, — она прикусывает губу и смотрит на Яну. — В прошлом году Яна призналась ему, что он ей нравится, и позвала погулять, а он сказал... — девушка осекается.

— Сказал, — говорит Яна, поджимая губы. Её голос решительный и недовольный, — что ему очень приятно, но я не в его вкусе.

— Ага, — поддакивает Юля. — Я слышала, что он встречался с девчонкой с другой школы, но это было полтора года назад. Говорят, они были вместе больше года, а потом она его бросила, потому что её раздражало, что Штурм вечно тренируется и посвящает себя боксу. С тех пор никто не видел его с девушками. Так что это очень странно, что он сам позвал тебя.

Я хмурюсь, теребя в руке телефон. Так, значит, Егор не бабник и не из тех, кто меняет пассий каждую неделю. Я напрасно волновалась, когда думала, что всё это для него просто игра, но ведь это только мнение Юли с Яной. Как на самом деле знает только Штурмов. Может быть, он предпочитает девушек с других школ, чтобы его никто не видел и не

распускал слухи. Тогда зачем он меня позвал погулять?

Господи, Соня! Может быть, всё гораздо проще, чем ты думаешь. Ты просто ему понравилась, вот он и решил с тобой пересечься. Вот и всё.

Я как обычно преувеличиваю и накручиваю себя.

— Так и? — Юля смотрит на меня. — Ты всё-таки идёшь с ним на свидание?

Я пожимаю плечом, задумчиво покусывая губу.

— Это не свидание, — тихо бормочу я. — Он просто предложил встретиться на стадионе после школы, вот и всё.

Юля закатывает глаза.

— Конечно, не свидание, — она улыбается. — Завтра ждём подробного отчёта! И не вздумай увилить.

Я смотрю на Яну — она всё ещё разглядывает дерево за окном и делает вид, что ей не интересно, но, кажется, девушка слегка расслабилась и успокоилась. Я её понимаю. Парень, который ей отказал, наплевав на её чувства и желания, пригласил другую. Я бы тоже злилась от несправедливости, но это не мои проблемы. Мои проблемы, это Егор Штормов, который будет ждать меня после школы на стадионе.

И я иду к нему, совершенно не задумываясь о последствиях. Захожу за школу и вижу заснеженный футбольный стадион — снег хрустит под ногами, когда я прохожу по тропинке к трибунам. Я осматриваюсь, любуясь снежинками, плавно опускающимися на землю, а потом замечаю человека, который проворно бежит по лестницам и между рядами сидений. Я узнаю Егора по его чёрной шапке и прохожу чуть дальше к самым первым ступеням.

Прислонившись к перилам, я наблюдаю за парнем, пока тот не замечает меня. Он кажется мне до нереальности вымышленным, и даже когда Штормов добежит до меня, я всё никак не могу избавиться от этого чувства.

— Привет, — улыбаюсь я.

— Привет, — Егор останавливается, переводя дыхание. — Ты рано. Я думал, что у тебя ещё один урок.

Я склоняю голову к плечу и разглядываю его покрасневшие после пробежки щёки.

— Отменили, — признаюсь я. — И избавили тебя от ожиданий.

Я отвожу взгляд в сторону, когда парень приближается и облакачивается о перила рядом со мной.

— Избавили меня от душа, — усмехается Егор. — Я думал успею сбегать домой. Так что, если ты не хочешь наслаждаться моим невероятно приятным мужским запахом, — он наклоняется ко мне, словно для того, чтобы я почувствовала, как от него воняет потом, — ты пойдёшь со мной и подождёшь. Я быстро, окей?

Штормов поправляет куртку, а затем натягивает съехавшую шапку. Я не сразу понимаю, что парень имеет в виду.

— Стой, ты хочешь, чтобы я пошла к тебе домой и подождала, пока ты душ будешь принимать? — выпаливаю я, чувствуя смущение.

— Да, — как ни в чём не бывало кивает Егор, затем спускается на несколько ступеней и проходит мимо меня. — Я живу через дорогу. Минут десять на душ, а ты пока чай попьёшь. У меня есть торт. Ты ешь сладкое?

Я растерянно смотрю на парня, пытаюсь уловить смысл его нескончаемых реплик. Он хочет, чтобы мы пошли к нему домой. Домой. Его родители по любому будут на работе, так что мы останемся наедине в его квартире, где Егор будет принимать душ. Я подавляю

желание ударить себя по щекам, чтобы перестать думать о том, что может произойти в пустой квартире наедине с парнем.

— Да брось, я не маньяк, — закатывает глаза Штормов. — Мне нужно в душ, иначе я умру. Так ты сладкое любишь?

— Ну, да, — неуверенно говорю я.

— Вот и отлично! — он сбегает с лестницы на землю. — Пошли.

Я вздыхаю и покорно следую за парнем, стараясь не накручивать себя. Он просто примет душ, а я полакомлюсь тортом. И всё. Нет ничего такого в том, что я просто посижу у него на кухне и подожду его, тем более сама виновата. Это у меня урок отменили, и Егор тут не при чём. Ничего страшного не случится. Надеюсь...

The Kills — Cheap and Cheerful

Соня.

Двери лифта закрываются перед моим носом, и я остаюсь с Егором в замкнутом пространстве, всеми силами пытаюсь не смотреть в сторону парня. Я держусь за поручень и буквально прожигаю взглядом пол, пока проворная кабинка поднимает нас на шестой этаж. Краем глаза я вижу, как парень нетерпеливо постукивает ногой — его кроссовки в снегу и немного промокли.

— Так, откуда ты переехала? — спрашивает парень.

— С области. Тридцать километров отсюда, — уклончиво отвечаю я.

Никак не могу выбросить из головы мысли о том, что мы через пару минут окажемся в квартире Штормова совершенно одни — навязчивые картинки страстных поцелуев встают перед глазами, и я на секунду зажмуриваюсь. Меня бросает в жар, и когда лифт останавливается, позволяя нам выйти на свободу, мне требуется время, чтобы набраться смелости последовать за Егором.

Я невольно смотрю на его губы, пока парень достаёт ключи и открывает дверь, — его проворный язык скользит по ним и тут же исчезает.

— Заходи, — Егор отступает, пропуская меня вперёд.

Я вздрагиваю и с трудом отрываю взгляд от его заманчивых губ, а потом прохожу в квартиру, чувствуя себя глупой мухой, севшей на липкую паутину. Парень закрывает дверь и снимая кроссовки, отодвигая их ногой в угол.

— Раздевайся, я пока чайник поставлю, — бросает Штормов, стягивая свою шапку и небрежно бросая её на тумбочку.

Я смотрю на его мокрые от пота растрёпанные волосы, покрасневшие щёки, пылающие глаза и только сейчас вдруг понимаю, что в этот момент Егор Штормов кажется мне чертовски привлекательным. Именно здесь, именно сейчас и именно в таком виде: после пробежки. Вчера я как-то не заметила этого.

Парень протискивается мимо меня и прямо в куртке исчезает на кухне. Я медлю, а потом осторожно снимаю сапоги, аккуратно поставив их в сторону, затем расстёгиваю куртку и вешаю её на свободный крючок. Как раз в этот момент возвращается Егор.

— Всё на столе, так что сама там разберёшься, — Штормов облакачивается локтём о дверь, наверное, ванной комнаты и внимательно наблюдает за мной.

— Ага, — я неловко топчусь на месте.

Обычно я себя так не веду... Смешная фраза и очевидно не оправдывающая моё поведение, но это действительно так. Я не раз была дома с парнями-друзьями, где мы тусовались, играли в видеоигры на приставках и занимались прочей чепухой, но ещё ни разу я не оставалась наедине с парнем, который бы вызывал у меня нечто на подобие симпатии.

Нечто на подобие симпатии? Да я настолько смущена, что даже говорить нормально не

могу. Что со мной не так? Нет. Что с ним не так?

— Я постараюсь быстро, — обещает Штормов.

От его странного заинтересованного взгляда мне хочется провалиться сквозь землю. Мы пристально смотрим друг другу в глаза, пока Егор не разрывает этот зрительный контакт и не скрывается за дверью ванной. Я облегчённо вздыхаю.

Я стою в коридоре до тех пор, пока не начинаю слышать звуки льющейся воды. Меня снова бросает в смущение, потому что я представляю, как Егор раздевается и встаёт под душ, и я сильно хлопаю себя по щекам, чтобы прийти в себя. Так, Соня. Хватит.

Я слышу звуки закипающего чайника. Бесшумно пройдя на кухню, я остаиваюсь. На столе стоит чёрная кружка, в ней пакетик с чаем, рядом коробка с шоколадным тортом (точнее, его осталось уже меньше половины), нож, ложка и тарелка. Бегло осмотрев кухню, я нахожу чайник и наливаю кипятком в кружку, затем сажусь на диванчик, скрещиваю пальцы рук и напряжённо прислушиваюсь. Вода всё ещё льётся.

Я осматриваю безупречную кухню, идеальные шкафчики, холодильник без магнитов, смотрю в окно через прозрачную тюль, а потом остаиваюсь взгляд на торте, который так и манит, чтобы его съели.

Я снова прислушиваюсь, затем притягиваю к себе сладкое, отрезаю кусочек и кладу на тарелку. Чай ещё горячий, поэтому мне приходится слегка подуть на него, чтобы остудить. Признаться, сейчас надо остужать не чай, а меня. Мне бы не помешало что-нибудь холодное, чтобы избавиться от мыслей о том, что за стенкой красивый парень стоит совершенно без одежды.

Достаю телефон и проверяю сообщения. Никто не пишет. Делаю глоток, затем отправляю в рот кусочек торта. Нервно потрясываю левой ногой, не в силах избавиться от напряжения. Да что чёрт возьми со мной такое? Ещё вчера я совершенно не горела желанием идти на свидание с этим парнем, а сейчас меня трясёт от волнения только от одной мысли о нём. Так, это всё из-за того, что я слишком впечатлительная.

Я же не первый раз остаюсь наедине с парнем. С моим бывшим мы часто оставались наедине у него дома, хотя дальше поцелуев ничего не заходило. Да и боже, какой бывший. Я просто поспорила на него, он мне даже особо-то и не нравился. Или нравился?

Вода за стенкой неожиданно стихает, и я замираю. Он уже закончил принимать душ? Но я ещё даже половины не съела! Осторожно отломив ложкой небольшой кусок торта, я прислушиваюсь, но давящая тишина сжимает меня своими тисками. Медленно отправляю ложку в рот, и прямо в этот момент дверь ванной открывается, заставляя меня обернуться.

Егор выходит в коридор настолько сексуально, что мне кажется, будто это просто одна из сцен в фильме, которые любит смотреть моя сестра, когда ей становится дико скучно. Обычно она смотрит боевики или военные драмы, а ещё фэнтези и фантастику, романтику, иногда комедии, триллеры и... Ужасы.

Я с нескрываемым страхом смотрю на Штормова, который стоит посреди коридора с обмотанным вокруг талии полотенцем, и держу ложку во рту, чувствуя себя чертовски неловко. Кажется, парень замечает это, и я буквально вижу, как одна из мышц на его груди начинает подёргиваться, словно Егор издевается надо мной.

— Я только оденусь, — говорит он, а потом исчезает в комнате.

Я моргаю, но образ идеальных рельефных мышц и широких плеч Егора Штормова никак не покидает меня. Я зажмуриваюсь — круги в глазах начинают плавать и переливаться, а потом превращаются в тело парня. Я закрываю ладонью глаза и вздыхаю. Соня, ты такая

дура!

Я делаю несколько глотков чая, слегка обжигаю горло и морщусь. Зачем я вообще на это подписалась? Ненавижу чувствовать себя неловко и не владеть ситуацией. Бесит. Бесит то, что этот придурок так сильно на меня действует.

Парень возвращается быстрее, чем я думала. Я внимательно слежу за ним взглядом, пока Егор не садится напротив меня и не начинает разглядывать. На нём чёрные джинсы, серая кофта с закатанными рукавами, из-под которой у шеи торчит белая футболка, и цепочка на руке.

— Вкусно? — интересуется он.

Я киваю, и у меня почему-то возникает чувство, словно его вопрос какой-то двусмысленный. Отправив в рот очередной кусочек торта, я пристально смотрю на парня, замечая его взгляд на своих губах, и немного усмехаюсь. А потом я вспоминаю то, что услышала сегодня о Штормове от девчонок, и вопрос сам невольно срывается с моих губ.

— Почему я?

Егор.

— Почему я? — я с трудом отрываю взгляд от её губ и непонимающе смотрю в зеленоватые глаза.

— Что? — делаю вид, что не расслышал вопроса, хотя это совершенно не так.

— Почему именно я? — Соня склоняет голову к плечу, и пряди волос соскальзывают назад, оголяя часть шеи. — О тебе говорят то, что ты не знакомишься с девчонками, полностью поглощён боксом и всё такое. Так, почему я?

Почему ты? Я мысленно усмехаюсь. Да потому что ты чертовски привлекательная. И это дико странно, ведь меня обычно привлекает только бокс. Бокс — это всё, о чём я думаю, но последние дни я не могу перестать думать о тебе. И вот сейчас, когда ты вертишь тонкими пальцами ложку, рассматривая её, и когда облизываешь свои сладкие губы, слизывая остатки крема, я еле сдерживаюсь, чтобы не впиться в тебя поцелуем.

Это драма! Кому скажи, что Егор Штормов подсел на тёлку и отодвинул бокс на второй план, никто не поверит. Я обычно не завожу долгие отношения, потому что как-то у меня уже был печальный опыт в этом плане. Она постоянно скандалила на тему, что я думаю только о боксе, и в итоге нам пришлось расстаться. Это было невыносимо. Я буквально прятался в тренажёрном зале, пока моя девушка... бывшая девушка... пыталась дозвониться до меня и разыскать. Её уже все парни из зала знали, и каждый раз, когда она приходила туда, прикрывали меня.

И я решил для себя, что больше никаких отношений, по крайней мере в школе, но сейчас, смотря на Соню, я понимаю, что моё правило рушится на миллион кусков. Я хочу её. И хочу не в плане секса, а в моральном. Я никогда никого в жизни так сильно не хотел. Моя натура собственника так и разрывается на части, пытаюсь отхватить как можно больше.

А ещё...

— Просто ты ничего не знаешь обо мне, — признаюсь я, подпирая голову рукой. — Никаких слухов, никаких выводов и предвзятостей. Я для тебя как чистая страница, в отличие от остальных. В этом городе обо мне слышал каждый второй, и трудно найти человека, который бы вообще ничего не знал.

Она изгибает бровь, и я нервно прищуриваюсь.

— Но всё же можно найти, — медленно говорит она, затем делает глоток чая. —

Почему я?

Да что она прицепилась. Я же не могу сказать ей всё, что думаю. Это как минимум неприлично. Тем более я пока сам не могу разобраться со своими эмоциями.

— Ты мне понравилась, — говорю я. — И я решил с тобой познакомиться поближе.

Соня внимательно смотрит на меня, словно пытаюсь прочесть мои мысли, и я немного усмехаюсь. Она нервничает, хоть и пытается это скрыть. И мне это нравится. Настолько сильно, что я тоже начинаю немного переживать. Хотя, признаться, это даже не волнение, это предвкушение. Не могу дождаться, когда уже можно будет перейти грань и поцеловать её, ну, или хотя бы прикоснуться.

— Что? — она непонимающе смотрит на меня.

Я встряхиваю головой.

— Ешь быстрее, и пойдём, — немного холодно бросаю я, скрывая своё желание.

Соня слегка пожимает плечом и поспешно доедает торт, почти залпом осушая кружку. Кажется, она только и ждала этого момента, когда можно будет уйти. Ну, что ж. Вечер только начинается.

Feit'n fra Kolbotn — Noe bedre

Соня.

Как только мы выходим из квартиры, молча спускаемся на лифте и выходим из подъезда, мне становится легче, словно морозный воздух приводит меня в чувство. Неловкость постепенно исчезает, и смущение, которое я испытывала дома у парня, кажется теперь мне каким-то сном.

Даже не знаю, что на меня нашло там. Словно бы меня подменили.

— Так, давно ты боксом увлекаешься? — спрашиваю я, чтобы разорвать молчание, которое преследует нас уже минут пять, пока мы направляемся в сторону парка, где Егор обещает мне показать его любимое место.

— С шести лет. Я вроде говорил, — Штормов прячет руки в карманах куртки. — Мой отец был боксёром. Он и привил мне любовь к этому спорту.

— Навязал или привил? — улыбаюсь я.

Парень косится в мою сторону, и мне на мгновение кажется, что этот вопрос оскорбил его.

— Первый раз я вживую увидел бокс, когда мне было лет пять или шесть, — говорит парень. — Это был последний бой моего отца. И это было настолько круто, что мне захотелось тоже когда-нибудь попасть на ринг. Я хотел стоять на месте отца. Поэтому я начал заниматься боксом. Это для меня всё.

Я ничего не отвечаю, шмыгаю носом и с тоской думаю, что завидую этому парню. У него есть цель, мечта, смысл, ради чего стоит жить, а у меня ничего подобного нет. Я просто бессмысленно провожу свои дни, думая над тем, ради чего же я это всё делаю. Вот моя сестра мечтает стать писателем, а я даже школьные сочинения с трудом настроить могу.

— У тебя сегодня есть тренировка? — интересуюсь я.

— Завтра, — Егор улыбается. — Хочешь посмотреть?

Я вскидываю брови, неопределённо пожимая плечами.

— А можно?

— Сколько пожелаешь, — парень фыркает. — Если хочешь, конечно.

— Почему бы и нет.

Мы пересекаем парк и двигаемся в сторону заросшей заснеженными деревьями ограды. Издалека даже нельзя разглядеть, что тут есть дорожка и небольшой проход, который ведёт в отдельную часть парка. Егор первым протискивается между ограждениями, задевая снег, из-за чего тот начинает плотными кусками падать под ноги, а затем Штормов подаёт руку, чтобы помочь мне. Я с лёгкой заминкой вкладываю в его ладонь свою (парень без перчаток, а я в варежках, поэтому дотронуться до его кожи у меня нет возможности, да и не уверена, что готова к этому) и осторожно пробираюсь к нему. В зимней одежде это немного проблематично, зато летом заминок здесь не должно быть.

Я вижу старую укутанную снегом детскую площадку, которую скрывают деревья и

зброшенное здание. Это место словно огорожено от всего остального города, даже звуки людей и машин до сюда практически не долетают.

Небольшая дорожка ведёт к двум скамейкам, расположенным напротив друг друга, и я понимаю, что всё-таки здесь кто-то да бывает. Мы, например.

Егор идёт прямо туда, затем нелепо стряхивает снег сначала с одной скамейки, а потом и с другой, чтобы можно было присесть. И я сажусь напротив парня, разглядывая его черты лица, пока тот смотрит в другую сторону.

На нём чёрная шапка, поверх неё капюшон куртки. Штормов сидит расслабленно, облокотившись предплечьями о свои раздвинутые колени, и смотрит куда-то в сторону брошенного здания. У меня возникает жгучее желание закурить, но я не курю.

— Расскажи о себе, — неожиданно просит парень, бросая на меня мимолётный взгляд.

Я теряюсь. Расскажи о себе? Что я могу рассказать?

— Ну, — я опускаю взгляд на свои варежки и задумчиво надуваю губы. — Живу с родителями и со старшей сестрой, — я замолкаю, потому что не хочу говорить о семье. — Раньше пела. В школе ходила в кружок, но потом забросила всё это. Не могу находиться в замкнутом пространстве, поэтому вечно гуляю.

— И находишь неприятности, — усмехается Егор, намекая на мою стычку с парнями в городе.

Я поджимаю губы.

— Ну, да, — прокашливаюсь. — Особо и нечего рассказывать.

Я думаю о своих друзьях, оставшихся в старой школе, вспоминаю, как мы с ними гуляли и вечно искали неприятности, и мне слегка становится тоскливо. Никто из них мне даже не написал за всё это время.

— А что ещё ты любишь? Что первое приходит в голову? — не отстаёт Егор.

Я вздыхаю и задумчиво осматриваюсь, словно это что-то должно вот-вот выпрыгнуть из сугроба и объявить о своём существовании. Я думаю о своём коте, затем о любимом сериале «Skam», а следом в моей голове всплывает образ гитары.

— Я любила петь под гитару, — тяну я, смотря прямо в голубые глаза Штормова.

— Любила? — переспрашивает он.

Я чуть опускаю взгляд на его руки.

— Пока отец не скинул мою гитару с пятого этажа, потому что я «достала его своим брэнчанием», — я делаю в воздухе кавычки. — Собственно, после этого я и ушла из кружка по пению.

— Оу, — Егор рассеянно смотрит на меня, а я пожимаю плечом.

— Потом он конечно же извинялся и всё такое, но желание играть и петь у меня пропало, — признаюсь я. — Часто потом играла на гитаре друга, но покупать свою собственную не хотелось.

— Понятно.

Мы снова замолкаем. Я с опозданием замечаю, как Егор начинает рассматривать меня, и под его пристальным пронзительным взглядом мне становится не по себе. Между нами меньше метра, но парень сидит чуть правее от меня.

— Ты красивая, — неожиданно тихо говорит Егор.

Я нервно смеюсь.

— Что? Брось. Совсем обычная.

Ну, вот зачем он это сказал? Теперь у меня сердце разрывается от волнения. Это же

чепуха какая-то. Какая я красивая? Ничего не красивая...

Щёки покрасневшие от мороза, волосы под шапкой намагничены, совсем нет косметики, да ещё и куртка старая. Вот если бы он летом мне такое сказал, тогда я бы поверила, а сейчас...

Я неловко отвожу взгляд в сторону. Что я ему отвечу? Не буду же я говорить, что он тоже красивый, это как-то глупо. Пары вылетает из моего рта и растворяется в морозном воздухе, а я начинаю нервно перебирать пальцы в варежках.

— Так, завтра ждать тебя на тренировке? — спрашивает Штормов, и я облегчённо вздыхаю.

— Да. Приду, посмотрю, как ты изводишь себя, — криво улыбаюсь. — Понюхаю потных раздетых мальчиков, полюбуюсь на всех.

— Я единственный, на кого там можно полюбоваться, — бросает он.

— Да, да, конечно, — отмахиваюсь.

Егор фыркает, хватает снег у себя под ногами и бросает в меня — я не успеваю уклониться, и комок попадает мне прямо в плечо.

— Эй, — возмущаюсь я, собираясь тоже кинуть в него снежок, но парень вскакивает на ноги и отбегает в сторону, широко улыбаясь.

Мне приходится встать со скамейки, но я спотыкаюсь о выступ и падаю на колени, из-за чего Егор смеётся ещё громче.

— Не смешно! — улыбаюсь.

— Тебе помочь? — он делает неуверенный шаг в мою сторону.

— Ага...

Егор подходит чуть ближе, и я, воспользовавшись моментом, бросаю в него снег. Комок должен был прилететь прямо в лицо Штормову, но парень уходит в бок и избегает столкновения. Чёртов боксёр...

Я собираюсь подняться на ноги самостоятельно, но ловкие руки подхватывают меня за запястье и буквально силой заставляют выпрямиться, словно безвольную куклу.

Я выдыхаю — мы находимся слишком близко друг к другу, и его горячее дыхание обжигает мои щёки, словно палящее солнце. Я хочу отстраниться, но у меня не хватает на это сил.

— Спасибо, — бормочу я.

— Ага.

Егор чуть отстраняется, делая шаг назад, и его крепкие пальцы отпускают меня.

— Пошли куда-нибудь, — тяну я, отворачиваясь, потому что мне становится неловко находиться с Егором в этом месте один на один.

— Хорошо.

Мы двигаемся в сторону выхода из этого таинственного отрезанного от всего города места и возвращаемся в парк, который мне кажется теперь до бесконечности заполненным и шумным.

Tokio Hotel — Cotton Candy Sky

Егор.

— Ладно, я понял. Ты не любишь грибы, — я иду рядом с Соней, пока мы разговариваем о всякой ерунде.

Я показываю девушке город и самые нормальные места, где можно погулять или просто развлечься. У нас не так много достопримечательностей, но, кажется, Розину это ничуть не расстраивает. Даже наоборот. Чем больше мы с ней проводим времени вместе, тем атмосфера между нами становится непринуждённое. Неловкость пропадает, и разговаривать становится гораздо проще.

— Да, — она улыбается. — В детстве я думала, что это тараканы.

Соня смущённо фыркает, а потом зарывается носом в шарф, чтобы спрятаться от мороза. Холодно, но никто из нас не заикается о том, чтобы разбежаться по домам. Да и, признаться, мне лично этого совсем не хочется.

— Тараканы, — издеваюсь я. — Как грибы могут быть похожими на тараканов?

Девушка смотрит себе под ноги, а потом косится на меня, словно я сказал самую ужасную глупость на свете.

— Ну, да, — пожимает плечом. — Могут быть.

— Ты просто никогда не ела жареную картошку с грибами, которую готовит моя мама, — заявляю я.

Соня смеётся.

— Может быть, — Розина фыркает. — Но факт того, что я не особо люблю грибы всё равно остаётся. Все могут что-то не любить из еды, это нормально.

Я прикусываю губу, секунду думая, а потом покорно вздыхаю.

— Да, не спорю. Но картошка мамы безумно вкусная. Ты как-нибудь должна заглянуть к нам на ужин и попробовать её. И отказы не принимаются!

Соня смеётся — я смотрю на её покрасневшие то ли от мороза, то ли от смущения щёки, и немного улыбаюсь. Сейчас она выглядит до безумия милой.

— Я думаю, что ещё рано знакомиться с твоими родителями, — она поворачивается ко мне, а потом смущённо опускает голову.

Мы сворачиваем к перекрёстку и останавливаемся на светофоре — я сколько взглядом по проносящимся мимо машинам, цепляюсь им за прохожих, которые, укутанные в шубы или в зимние пуховики, мелькают мимо нас, словно опаздывая на какие-то важные встречи. Вижу знакомых на другой стороне дороги, но ребята уже заворачивают за угол и исчезают. Я не уверен, что хотел бы вообще сейчас видеть кого-то из тех, кто бы меня знал. Они по любому решат остановиться и поболтать со мной, да и привяжутся к Соне, чтобы я их познакомил.

— Ну, пока что, — тяну я, почти забывая, о чём мы вообще говорим.

Светофор загорается зелёным, и поток людей подхватывает нас, заставляя перейти на другую сторону улицы.

— Пока что, — передразнивает меня Соня.

Я фыркаю и глубже прячу руки в карманах, которые уже начинают замерзать. Всё-таки гуляем мы довольно-таки давно.

— Не вижу ничего такого в том, если ты придёшь к нам на ужин, — непонимающе бросаю я. — Это же не событие, которое изменит всю твою жизнь за секунду. Тем более мои предки крутые, они только обрадуются.

Девушка ничего не отвечает, и я понимаю, что действительно слегка перешёл границу: на первом свидании уже планировать знакомство с родителями, но с другой стороны, что в этом такого? Не понимаю. Они же не убьют её и не будут строго критиковать за внешность или поведение. Тем более я сказал бы им, что мы не встречаемся, они бы даже не стали заикаться о всяких нелепостях.

— Да не парься, я тебя силком не потащу, — пытаюсь разрядить атмосферу.

— Я и не парилась, — Розина шмыгает носом. — Но к себе на ужин я тебя точно не поведу никогда в жизни!

— Почему? — возмущаюсь я. — Я такой ужасный, что недостойн есть за одним столом с твоей семьёй?

Она качает головой и секунду молчит.

— Мои родители весьма специфичны. И я не хотела бы вообще с ними кого-то знакомить, даже друзей, — признаётся Соня. — Отец не любит посторонних дома, да и вряд ли он вообще обрадуется, что я буду гулять с парнем. Мне иногда кажется, что мы переехали сюда только из-за того, что я постоянно тусовалась в компании ребят.

— Ты тусила с парнями? — скептически фыркаю я.

— Ну, — она вздыхает и смотрит вдаль. — У меня всегда получалось лучше дружить с парнями, чем с девушками. Наверное, в сестру пошла. Да и все меня боялись, поэтому особым желанием подкатывать не горели.

— Боялись? — мы идём плечом к плечу, направляясь к дому Сони, потому что на часах почти семь вечера, а никто из нас даже не был дома после школы.

Девушка, наверное, чертовски проголодалась, но вести её в какое-нибудь кафе я сейчас не могу, потому что потратил все карманные деньги на новые кроссовки.

— Я держала в страхе весь район, — шутит Розина. Или не шутит. Я так и не могу понять. — Просто давала понять, что ко мне бесполезно клеиться, поэтому все знали, что это пустая трата времени.

— Но мне ты почему-то не даёшь этого понять, — издеваюсь я.

Она смущается, достаёт телефон из кармана, проверяет время, а потом убирает сотовый обратно.

— Решила, почему бы и не дать тебе шанс, — тянет девушка.

Я улыбаюсь себе под нос, и несколько минут мы идём молча. Уже давно стемнело, и яркие огни города освещают нам путь, словно указатели. Шум главных улиц постепенно начинает отдаляться, а когда мы заворачиваем в сторону переулка, где находится дом Сони, и вовсе исчезает. Я кошусь в сторону подъезда, из которого только что вышли какие-то шумные ребята, и прикусываю губу. Соня не обращает на них внимания — мы добираемся до её дома и останавливаемся возле дверей. Розина неловко топчется на месте, а затем оборачивается ко мне. Мы стоим напротив друг друга, и между нами меньше метра. Стоит сделать всего один шаг, как я сокращу дистанцию до минимального.

— Спасибо за вечер, — говорит Соня.

Я немного улыбаюсь — взгляд невольно скользит к её распухшим от покусывания губам, и я борюсь с навязчивыми мыслями о поцелуе. Стоит ли? Или подождать ещё немного? Всего один шаг, и я смогу поцеловать её...

Она красива. Длинные ресницы, обрамляющие зелёные глаза, подрагивают, выбившаяся прядь волос неровно торчит из-под шапки, пар вырывается изо рта при каждом неровном выдохе.

Я проигрываю в своей внутренней борьбе и делаю шаг вперёд, уже готовый нагнуться и поцеловать Розину, но её проворная рука взлетает вверх и упирается мне в губы. Варезкой. И я замираю, вскидывая бровь.

— В следующий раз, — улыбается Соня, а потом отступает на шаг назад. — Увидимся в школе, Егор.

Я фыркаю и опускаю голову, прикусывая губу.

— Да. Завтра на тренировке, — напоминаю я.

— Ага.

Девушка бросает мне последнюю улыбку и разворачивается, поспешно скрываясь в подъезде, а я ещё несколько секунд стою и думаю о том, что вообще сейчас произошло. Она меня продинамила! Вззяла и продинамила! Она мне нравится всё больше и больше!

Я улыбаюсь, фыркаю и разворачиваюсь, направляясь в сторону дома. Нужно ещё пробежаться перед сном, иначе не смогу уснуть. Это уже вошло в привычку. Не жизнь, а сплошные тренировки...

FKS x TeeMo — Мы Такие Разные

Соня.

На следующий день в школе девочки только и делают, что спрашивают меня о свидании со Штормовым, требуя, чтобы я в подробностях поведала им историю нашей прогулки. И я им рассказываю. И про квартиру, и про тайное место в парке, где мы сидели на скамейках, и даже про то, что Егор пытался меня вчера поцеловать, а я его так нагло обломала. Я улыбаюсь, когда вспоминаю неловкие моменты, и пытаюсь скрыть смущение. Никогда бы не думала, что Соня Розина так легко будет рассказывать про парня, да ещё и с таким энтузиазмом.

Юля не отстаёт от меня до самого последнего урока, а из-за её громкой болтовни уже весь класс в курсе, что я гуляю с Егором. Они уже начали распускать слух, словно бы мы с ним встречаемся. Вот что за люди? И недели в школе не проучилась, а уже столько всего.

После школы я иду домой, потому что со Штормовым мы договорились встретиться вечером и пойти вместе на его тренировку. Она в шесть часов, поэтому парень зайдёт за мной пораньше. Ещё он обещал познакомить меня с Матвеем, потому что тот, скорее всего, тоже составит нам компанию.

Всё идёт прекрасно, пока я не открываю дверь квартиры и не пересекаю порог, оказываясь в тепле.

— Да ты несёшь бред! — голос сестры разлетается по дому, и я сразу понимаю, что они с родителями опять ругаются. — Ты себя послушай со стороны хоть!

— Он просто не умеет общаться, — мама снова пытается переубедить Машу в том, что отец просто немного туповат в общении и не понимает, что можно говорить, а что нельзя.

— Да мне плевать, — я слышу, как отодвигается стул. — Пусть тогда вообще со мной не разговаривает! Мне осточертело, — она запинается на этом слове и пытается его нормально выговорить, — выслушивать от него всё это дерьмо. Если он оплачивает моё обучение, это не значит, что я должна в его ногах ползать!

Я снимаю куртку как раз в тот момент, когда сестра выскакивает из кухни и направляется к двери. Маша поджимает губы, когда видит меня, качает головой, мол, достало всё это, быстро натягивает пальто, сапоги и, даже не застёгиваясь, выскакивает на лестничную площадку.

Мда...

Впрочем, ничего нового.

***

Егор заходит за мной примерно в полшестого, и я незаметно выскакиваю из квартиры, чтобы избежать расспросов, куда и зачем я пошла. Маша домой так и не приходила. Я бы на её месте нашла бы себе парня и переехала бы к нему, хотя предки тогда вообще от неё откажутся.

— Как отучилась? — спрашивает Штормов, когда мы уже отходим от дома и

направляемся в сторону остановки.

Зал находится не так близко от моего дома, чтобы добираться пешком, особенно, когда до тренировки всего полчаса, поэтому мы решаем поехать на маршрутке.

— Неплохо, — улыбаюсь я. — Ничего сложного не было. А ты?

Он пожимает плечом.

— Да тоже. Как обычно скучно и неинтересно. Напоминали, что скоро конец года и что нам нужно до следующей недели сказать классной, какие экзамены мы будем на ОГЭ сдавать.

— Решил уже?

Мы сворачиваем направо и идём сразу к главной улице.

— Да не знаю. Русский, математика. Плюс три обязательных. Может, литературу, общество или географию. Что полегче возьму, мне всё равно это не пригодится, — Егор шмыгает носом. — Я не собираюсь никуда поступать, буду дальше тренироваться и пытаться выйти на региональные. Хочу полностью боксу себя посвятить.

Я немного улыбаюсь.

— Это круто, — говорю я. — У тебя есть мечта. А я понятия не имею, что делать после школы.

— Может, ещё не время просто, — он улыбается. — Ты в десятый идёшь?

— Да, — я киваю. — Отец всё равно заставит. Тем более, я пока не знаю, куда буду поступать. Предки хотят, чтобы я на врача пошла, но это не моё. А ты?

Штормов смотрит на меня.

— Идёшь в десятый? — уточняю я, решив, что парень упустил суть диалога, но тот просто качает головой.

— Не хочу, — признаётся Егор. — Делать мне там нечего, только время буду тратить. После девятого сразу хочу свалить.

— Понятно.

Мы добираемся до остановки и сразу же замечаем подъезжающую маршрутку, что удивительно, потому что обычно мне приходится по сто часов тут торчать, прежде чем хоть что-то появится на горизонте. Парень тормозит её, и мы протискиваемся внутрь. Народу — тьма. Все в это время едут домой с работы, поэтому транспорты забиты битком. Я ощущаю себя килькой в банке, которую кто-то трясёт, пытаюсь понять, достаточно ли рыбы здесь и стоит ли покупать именно эту. Егор оплачивает проезд и пробирается ко мне, вставая таким образом, чтобы оградить меня от людей. Я оказываюсь слишком близко к нему, ощущая его руку на спине, которая отгораживает меня от какого-то парня рядом. Благо мы оба в куртках, и я не так сильно чувствую его прикосновения.

Дорога кажется вечной, и когда мы, наконец, пробираемся к выходу и оказываемся на свободе, я облегчённо вздыхаю.

— В это время всегда так, — бросает Егор, смотря вслед уезжающей маршрутке.

— Ага. Очень весело.

Я осматриваюсь. В этом районе я ещё не была, поэтому каждое здание здесь мне кажется незнакомым.

— Пошли.

Штормов кивает на светофор — мы переходим на другую сторону улицы, проходим сбоку здания и останавливаемся перед небольшой дверью, над которой висит вывеска «Спарта». Часы работы: с 9:00 до 23:00. В сб и вс с 10:00 до 21:00.

Егор открывает дверь и придерживает её — я нерешительно прохожу внутрь и осматриваюсь.

— Сюда, — Штормов кивает на проход слева и первым идёт в ту сторону.

Я следую за ним, разглядывая коридор. Следующая дверь приводит нас в шумный зал. Здесь тепло, даже душно, и пахнет потом. Хотя нет, не потом. Это запах тренировок.

Звуки ударов о боксёрские груши наполняет пространство, я слышу смех, голоса, какие-то команды. Здесь словно своя собственная атмосфера. Я смотрю на ринг, на котором дерутся два парня, а тренер стоит сбоку и комментирует всё это, отдавая команды. Замечаю каких-то мелких парней, лет тринадцати, даже есть пара девчонок в дальнем углу.

— Привет, Егор, — какой-то парень, которому лет за двадцать, подходит к нам и пожимает руку Штормову. — Ты сегодня с дамой?

Он замечает меня и улыбается. У незнакомца разбита губа, которая до сих пор кровоточит.

— Привет, — мой голос звучит неловко.

— Да, она со мной, — Егор хватается меня под локоть и ведёт в сторону ринга. — Эй, па!

Мужчина, судя по всему тренер, оборачивается и замечает нас. Его взгляд задерживается на мне. Стоп. Он назвал его только что «па»? Это его отец?

Мне становится неудобно, и я нелепо переступаю с ноги на ногу, пытаюсь ненавязчиво вытащить локоть из захвата парня, но тот не отпускает.

— Это Соня, — Егора вообще ничего не смущает, и он ведёт себя так, словно ничего особого не происходит. — Это мой папаша.

— Добрый вечер, — улыбаюсь я.

— Приятно познакомиться, Соня, — мужчина скрывает своё удивление и посматривает то на меня, то на Егора. — Сергей Петрович. Тренер этого клоуна.

— Ой...

Штормов закатывает глаза и подталкивает меня подальше от ринга.

— Ты не говорил, что твой тренер — это твой отец, — шиплю я, чтобы меня мог услышать только парень. — Мог бы предупредить!

— Разве? — Егор на секунду замирает. — Да не важно. Посиди пока здесь, — парень буквально силой меня усаживает на скамейку. — С Матвейкой поболтай, а я пока переоденусь.

Я удивлённо смотрю на Штормова, который поспешно скрывается где-то в соседнем помещении, и пытаюсь сообразить, что вообще только что произошло. Только через несколько секунд я замечаю, что на скамейке рядом со мной сидит какой-то парень и жуёт сухарики.

— Привет, — тянет он.

— Привет. Ты...

— Я Матвей, друг Егора. А ты Соня, да?

— Ага.

Парень в клетчатой красной рубашке — его куртка лежит рядом с ним на скамейке. У него чёрные волосы и тёмные глаза, а губы налитые кровью, словно он недавно съел вишнёвое мороженое.

— Не обращай внимания, он всегда такой, — парень отправляет в рот сухарик. — Будешь?

— Не, спасибо.

Я расстёгиваю куртку, потому что находиться здесь становится жарко, но не снимаю её. Смотрю на Сергея Петровича, который командует парням на ринге, чтобы они правильно двигались, следили за ногами и уходили от ударов, снова осматриваю помещение, замечая на себе заинтересованные взгляды.

— А ты тоже тренируешься? — спрашиваю я у Матвея.

— Нет, — фыркает он. — Просто домой не хочу, вот и сижу здесь. Всё равно делать нечего.

Я ничего не отвечаю, снова осматриваю парней, которые разминаются, тренируются и выполняют какие-то упражнения, и вздыхаю. Ладно, проверим, так хорош Егор Штормов на ринге, как считают другие. Хотя... Я ведь совершенно в этом ничего не смыслю.

Thousand Foot Krutch — I Climb

Егор.

Я быстро стаскиваю верхнюю одежду и переодеваюсь. Натягиваю шорты, кроссовки, футболку, защитный шлем и перчатки, после чего поспешно покидаю раздевалку. Во мне сейчас столько энергии, что я готов взорваться, если сию же минуту не окажусь на ринге и не отправлю парочку парней в нокаут.

Я смотрю на Соню — она сидит спиной ко мне рядом с Матвеем и не замечает, как я решительно направляюсь к рингу. Обычно у меня такой энтузиазм только перед реальным боем, а никак не во время тренировки, но я ничего не могу с собой поделать.

— Разминка, — тянет отец, замечая меня.

Он с одного взгляда понимает, что сегодня я не намерен разогреваться. И тренер прекрасно знает, что спорить со мной бесполезно, я всё равно сделаю так, как хочу. Особенно на глазах у девчонки.

— К чёрту!

Я ловко взбираюсь на ринг и подпрыгиваю, нанося по воздуху пару ударов. Замечаю на себе взгляд Розиной и мысленно усмехаюсь.

Отец качает головой, поджимая губы.

— Дим, на ринг! — командует тренер, а потом манит меня к себе рукой. Я неохотно приближаюсь к нему, прекрасно представляя, о чём он сейчас мне скажет. — Егор, — отец понижает голос, когда я свешиваюсь через тросы. — Если ты решил выпендриться перед девчонкой, хотя бы не облажайся.

— Да я никогда не проигрываю, — улыбаюсь я.

— Думаешь, я тебя не знаю? — отец вскидывает брови. — Ты сливаешь бой каждый раз, когда пытаешься красоваться. Сосредоточься на противнике.

Я смотрю на Соню и улыбаюсь чуть шире.

— Это просто тренировка, — вижу, как Матвей что-то говорит Розиной, и та кивает.

— Каждая тренировка — это бой, — тренер ударяет меня ладонью по перчатке, чтобы я обратил на него внимание и перестал пялиться на Розину, но я не отрываю от неё взгляда, словно мысленно пытаюсь заставить посмотреть на меня. — Если ты здесь халатно относишься к спаррингу, то что говорить про профессиональный спорт? На ринге твои мысли должны быть только о противнике, а не о девчонке, которая тебе нравится. Будь серьёзнее, Егор. Сколько раз тебе повторять?

Я, наконец, отрываю взгляд от Розиной и смотрю на отца.

— Я приведу Соню к нам на ужин, ты не против? — делаю вид, что не слышал ни единого слова из лекции тренера. — Может, на этой неделе. Или на следующей.

Отец вздыхает.

— Если выиграешь этот бой, — отмахивается он.

Я фыркаю, затем отстраняюсь и возвращаюсь в центр как раз в тот момент, когда Дима

Поликарров, один из неплохих боксёров в этом клубе, поднимается на ринг. Мы стукаемся перчатками в знак приветствия, а потом отступаем. Я поднимаю руки перед собой.

— Начали, — командует тренер.

Я первым наступаю на противника, делая несколько пробных комбинаций, — Дима ставит блок и закрывает лицо, уклоняясь, затем пытается достать меня ударом левой снизу, но я бью по его перчатке и отвожу замах в сторону. Сгибаю колени, уклоняюсь от выпада Поликаррова, ухожу в сторону и натываюсь на тросы, с разворота перекачиваюсь вбок и оказываюсь зажатым в углу.

— Уходи из угла, — командует отец, Дима уже пытается прижать меня, но я ставлю блок и сильно ударяю ему по рёбрам, затем пользуюсь замешательством парня и провожу серию ударов. — Дима, за коленями следи. Ногами работай.

Я бросаю взгляд на Соню, которая смотрит на меня, и еле успеваю уклониться от замаха противника. Пытаюсь ударить его в голову, но Дима наклоняется в бок и уходит.

— Что вы как бабы на танцах! — орёт отец. — Поактивнее!

Я снова атакую, несколько раз ударяю по блоку Димы, затем захожу снизу по рёбрам, пытаюсь достать до его второго бока, но парень резко ударяет меня по носу, и я отшатываюсь назад.

— Защита, Егор! — громко говорит отец. — Уходи, что ты мнёшься!

Я отступаю под ударами Димы, уклоняюсь и случайно спотыкаюсь, падая на ринг. Успеваю подняться на ноги, пока меня полностью не прижали. Меня пытаются завести в угол, но я нагибаюсь, прохожу под рукой противника и провожу серию ударов по его рёбрам — тот отлетает к тросам и ставит блок, защищая лицо и корпус.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я случайно замечаю Соню, которая о чём-то болтает с Матвеем, затем она берёт у него из пачки сухарики и отправляет в рот. В этот момент я отвлекаюсь и пропускаю сильный удар в голову. На секунду всё темнее, и шум в ушах разрывает меня изнутри. Я отшатываюсь, с трудом слыша слова отца:

— Егор, сосредоточься!

Чёрт, я отвлёкся. Хватит с ним играть...

Ухожу от выпадов Димы, а потом резко ударяю ему в рёбра, затем пробиваю блок и несколько раз заезжаю по голове. Последний удар снизу в челюсть заставляет противника упасть на ринг.

Я победил.

— Молодец, Егор, — без энтузиазма хвалит меня тренер. — А теперь на грушу. Будешь сегодня отрабатывать удары. Дим, живой?

— Ага.

Я помогаю парню подняться на ноги. Мы дружескими хлопаем друг друга по перчаткам. Отец снова зовёт меня к себе.

— Так что на счёт ужина? — шучу я, когда оказываюсь рядом с ним. Папа поджимает губы и с упрёком смотрит на меня. — Что? Я же победил.

Тренер вздыхает и опускает голову, думая над чем-то, а затем снова смотрит на меня.

— Знаешь, в чём твоя проблема, Егор? — я облакачиваюсь на тросы, чтобы нагнуться чуть ниже к мужчине. — Ты думаешь, что ты круче всех, что ты непобедим, что ты самый сильный, самый ловкий, самый удачливый. Вышел на ринг, и уже победа у тебя в кармане, но вся проблема в том, что это совершенно не так. Если тебя сейчас выпустить на

профессиональные соревнования, ты ляжешь в первом раунде. Победы затуманили тебе мозги. Ты постоянно недооцениваешь соперников, ставишь себя выше него. Вот эта твоя черед побед на соревнованиях чистая удача. И когда-нибудь она закончится, если ты продолжишь и дальше так халатно относиться ко всему.

Я смотрю на отца, а потом говорю:

— Но ведь я действительно круче всех, — шучу я. Тренер закатывает глаза и отмахивается, мол, бесполезно с тобой разговаривать. Он разворачивается и направляется в сторону тренерской. — А что на счёт ужина?

— Я не против, — бросает отец.

Я улыбаюсь и спускаюсь с ринга — Соня смотрит на меня, пока я иду в её сторону.

— Круто, — говорит девушка. — Особенно последние удары.

Я фыркаю, довольно улыбаясь.

— Это ещё что, — тяну я, снимая перчатки, затем боксёрский шлем с головы. — Ты меня во время настоящего боя не видела. У нас скоро соревнования, так что ты должна обязательно прийти. И кстати, — я провожу рукой по волосам, убирая пот со лба. — Отец не против, если ты придёшь к нам на ужин как-нибудь.

— Что? — выпаливает Розина, затем смущенно отворачивается. — Я же сказала, что ещё не соглашалась на это.

— Я заранее спросил, — пожимаю плечом.

Матвей смеётся, и я залепляю ему оплеуху.

— Эй, за что?

— За всё хорошее! Я к груше. Потусите ещё немного без меня, — я улыбаюсь Соне, а потом отхожу в сторону.

Кажется, отец обиделся, раз поставил меня на всю тренировку отрабатывать удары. Сегодня мы должны были с ним заниматься с защитой, а он картинно развернулся и ушёл в тренерскую. Ну и ладно.

***

— Как тебе наш клуб? — спрашиваю я Соню, как только Матвей оставляет нас одних.

Мы возвращаемся после тренировки пешком — мне всё ещё дико жарко после упражнений, и даже вечерний мороз не остужает мой пыл.

— Здорово, — девушка улыбается. — Мне понравилось. Не думала, что будет так интересно наблюдать за тем, как тебя избивают.

Она смеётся.

— Слышь. Кто кого ещё там избивал, — я скольжу по льду, удерживая равновесие, а потом разворачиваюсь и иду спиной вперёд. — Так ты придёшь к нам на ужин?

— Может быть, — Розина пожимает плечом и лукаво смотрит на меня. — Как-нибудь.

— Могу позвать Матвея, если ты стесняешься, — улыбаюсь я.

— Как хочешь, — она хлопает меня по плечу, а потом опускает голову. — Что тебе говорил отец после боя?

Я неохотно кривлюсь, снова возвращаясь в нормальное положение, и иду прямо.

— Ругал, типа я несерьёзно отношусь к противнику, что я слишком зазнался из-за побед и что красуюсь перед тобой, — я замолкаю и прячу руки в карманах.

— А ты красовался передо мной? — издевается Соня.

— Ну, так. Немножко.

Девушка смеётся, сворачивая на перекрёстке, чтобы срезать дорогу до дома. Я следую за

ней, и мы молча проходим до конца улицы.

— Что на выходных делаешь? — спрашиваю я.

— Не знаю, — Розина пожимает плечом. — Есть предложения? — я открываю рот, но девушка добавляет. — Кроме ужина.

Мы снова смеёмся.

— Я что-нибудь придумаю, — обещаю я.

— Вот когда придумаешь, тогда поговорим, — Соня останавливается, потому что мы уже добираемся до её дома, и разворачивается на каблуках ко мне лицом. — Спасибо за вечер, Егор.

— Спасибо тебе, — улыбаюсь я.

Повисает неловкое молчание, где по закону фильмов должен будет произойти поцелуй. И мне дико этого хочется. Вся эта энергия, которая преследовала меня с момента выхода из раздевалки, была нужна именно для этого момента. Я хотел не выйти на ринг и побить кого-нибудь, я просто хотел поцеловать эту девчонку. И только сейчас, стоя перед подъездом её дома, я это понимаю.

Розина прикусывает губу, а потом разворачивается, чтобы уйти, но я чёрта с два её так просто отпущу.

Я хватаю её за локоть и разворачиваю, обнимая за талию. Соня шумно выдыхает, чуть ли не падая на каблуках, но я держу её крепко.

— Егор... — шепчет Розина.

— Что? — так же.

— Ты...

Я наклоняюсь, чтобы прикоснуться к её губам, но её проворная рука снова останавливает меня. И опять эта глупая варежка! Поэтому я терпеть их не могу. Думаю, сейчас должна последовать фраза «в другой раз».

— Ты вчера это говорила, — выдыхаю я, убирая её руку и решительно впиваясь в её губы поцелуем.

Соня не сопротивляется, и я сильнее прижимаю девушку к себе, проклиная всех на свете за то, что сейчас не лето. В куртках жутко неудобно. Такое чувство, что между нами целая пропасть, и как бы сильно я не притягивал к себе Розину, ничего не меняется.

Её руки обнимают меня за талию, наши дыхания сливаются, а разгорячённые поцелуи затягивают в водоворот, из которого я не могу вырваться. У неё такие сладкие губы, что хочется съесть их, словно мороженое. Я прикасаюсь ладонью к её щеке, затем опускаю руку на шею. Её тело горячее и испепеляющее, будто само пламя течёт в её венах вместо крови.

Где-то срабатывает сигнализация от машины, затем кто-то кричит. Соня отстраняется от меня — её веки немного опущены, взгляд томный, а щёки покрасневшиеся.

— Егор, — шепчет Розина.

Я легко целую её, а потом немного отстраняюсь. Девушка улыбается и отводит взгляд в сторону.

— О, Господи, — шарахается Соня, замечая кого-то, а потом начинает смеяться. — Чё ты подкрадываешься! Шпион.

Я отступаю и оборачиваюсь. В стороне стоит девушка в чёрном пальто, на голове у неё серый шарф и капюшон, волосы длинные тёмные, изящные чёрные брови. Она ниже Сони и миниатюрнее, хотя и на каблуках.

Незнакомка сдерживает смех.

— Да я подумала, вы испугаетесь, если я пройду незаметно и хлопну дверь подъезда, — она подходит ближе, заинтересованно разглядывая меня.

— Это моя сестра, — бросает Розина. — Маша.

— О, — я улыбаюсь. — Привет. Я Егор. Ну... — я неловко переступаю с ноги на ногу.

— Наслышана, — улыбается девушка, останавливаясь рядом с сестрой. — Извиняюсь, что помешала. Развлекайтесь дальше...

Маша дёргает бровями, а потом идёт в сторону подъезда.

— Подожди, Маш, — Соня заставляет сестру остановиться. — Я пойду, — девушка поворачивается ко мне. — Напиши мне на счёт выходных, когда придумаете.

— Хорошо, — я улыбаюсь.

Соня прикусывает губу, топчется на месте, а потом приближается и целует меня.

— Пока, — она смущённо отстраняется и поспешно отходит в сторону.

— Увидимся!

Девушка скрываются в подъезде. Я осматриваю окна дома, улыбаюсь себе под нос, а потом разворачиваюсь и ухожу. Не хватало ещё на её родителей наткнуться, а то, суда по её рассказам, они мне не обрадуются...

Соня.

— Милый мальчик, — подкалывает сестра, пока мы поднимаемся в квартиру. — Ну и как он целуется?

Я смущённо надуваюсь, вспоминая наш поцелуй перед подъездом, его руки, касающиеся моей шеи, обжигающее безумное дыхание и его крепкие объятия. Не могу перестать улыбаться: щёки горят, а приятное тепло разливается у меня в груди. Никогда в жизни подобного не испытывала!

— Неплохо, — довольно тяну я. — Очень даже...

— Да ты вся светишься! — Маша толкает меня локтём в бок.

— Ничего подобного, — я пихаю её в ответ, но чуть сильнее. — Только не говори маме, а то она отцу растреплет. Да и с вопросами пристанет.

— Пф-ф, — сестра вскидывает руки. — А то я не знаю. Проходила через это кучу раз. «А покажи фото, а какой он, а как зовут», — передразнивает она мать.

Я смеюсь.

— Не думаю, что папа обрадуется этому, — я взбегаю на лестничный пролёт и поворачиваюсь к Маше, чтобы подождать её. — Хотя, учитывая мою жизнь, я ещё удивляюсь, почему он мне жучок не подсунул, чтобы следить за мной. Он только и делает, что к тебе придирается, а я так, словно бы и не существую уже.

Сестра закатывает глаза и поджимает губы.

— Как-то лет в шестнадцать, когда я впервые переспала с парнем, он устроил дикий скандал, словно это конец света, а потом ходил покупать мне новый телефон со специальным списком, который нашёл в интернете. Там были модели, куда можно жучок запихнуть, — Маша качает головой. — Мама рассказала мне об этом только через пару лет. Говорила, что там столько крутых телефонов было, а он как дурак со своим списком ходил и искал именно те модели. Но жучок он мне так и не поставил.

Я фыркаю, пряча руки в карманах. Я помню что-то подобное. Мне тогда было десять, и я понятия не имела, из-за чего все кричат и злятся. Наверное, именно с того момента между сестрой и отцом появилась эта огромная пропасть. А, может быть, даже раньше.

— Да, что-то такое припоминаю, — тяну я, облизывая губы. — Учитывая, в каких тисках тебя отец держит, я словно так, для виду в доме нахожусь. Ты, кстати, только сейчас домой идёшь что ли?

Я вспоминаю, что днём сестра снова поругалась с родителями и куда-то ушла, как раз в тот момент, когда я вернулась со школы. Прошло уже несколько часов.

— Ага, — Маша удручённо кривится. — Гуляла с подругой. Не хотела домой возвращаться. Завтра на пары с утра, надо ещё лекции переписать, пока не забыла.

— А мне в шко-о-лу, — неохотно морщусь, останавливаясь перед нашей квартирой.

— Я даже не знаю, что хуже, — сестра толкает меня в бок и открывает дверь, заходя внутрь.

Я слышу звуки телевизора, закипающий чайник и маму, которая снова в миллионный раз за свою жизнь моет посуду. Здесь ничего не меняется: мать заядлая домохозяйка, отец

единственный, кто работает в нашей семье и кто считает это великим героизмом, мол, вы делаете всё, что я захочу лишь из-за того, что я зарабатываю деньги. Это бред. Полнейший. Мою сестру это бесит, потому что каждый раз при ссоре отец тычет в то, что оплачивает её обучение. «Пока ты живёшь в моём доме, делаешь всё, что я тебе скажу». По моему, он слишком переоценивает свою роль в семье, особенно, когда в очередной раз говорит матери, что она тупая и ничего не умеет. Я стараюсь не лезть в это, в отличие от сестры. Её вся эта ситуация раздражает, поэтому она вечно скалится в сторону отца и пытается убедить маму в том, чтобы она перестала прогибаться под мужа и нашла уже себе хоть какую-то работу. Потому такое отношение к человеку действительно настоящая низость.

Я раздеваюсь — Маша делает это быстрее, чтобы поспешно скрыться в своей комнате и не попасться на глаза родителей. Мне же всё равно. Я снимаю куртку, сапоги, стягиваю шапку. Ничего не сможет испортить мне настроение, потому я всё ещё могу почувствовать еле уловимый вкус губ Егора Штормова.

Родители не знают о нём. Тайна — она переполняет меня, живёт внутри меня и расцветает, словно красивый завораживающий цветок. Осталось только бороться с желанием поделиться ею, потому что тогда это всё перестанет быть секретом.

***

Егор ничего не пишет по поводу выходных, и когда они наступают, я решаю, что парень просто не смог ничего придумать, чтобы заинтересовать меня. Или, возможно, у него просто нарисовались свои какие-то дела. Суббота проходит незаметно и скучно — я весь день сижу в своей комнате и делаю уроки на понедельник, чтобы завтра не забивать ими голову и спокойно отдохнуть. Иногда ко мне заходит Маша и помогает с заданиями, мы болтаем, слушаем музыку и обсуждаем мальчиков.

Сестра снова говорит о бывшем. Пару лет назад она встречалась с одним мальчиком, но он её бросил из-за каких-то своих заморочек. Они продолжили общаться, и вот уже почти два года как являются «друзьями», которые периодически пересекаются в коридорах универа, обнимаются при встрече, болтают, постоянно перепиваются «вконтакте» и периодически обсуждают пошлости. Маша была влюблена в него, долго переживала из-за расставания, и до сих пор её маленький разбитый мирок вертится вокруг этого мальчика. Что бы она не говорила, я вижу, как он тянет её вниз, а она вроде бы и не против. Найти бы ей нормального парня, но вот тянет её вечно на всяких идиотов. У неё весьма специфический вкус.

Вечером, когда я полностью заканчиваю с уроками, мне пишет Егор и требует, чтобы я срочно одевалась и выходила на улицу. Мне ничего не остаётся, как повиноваться, а когда я спускаюсь вниз и выхожу из подъезда, вижу машину, возле которой стоит Штормов, нетерпеливо подпрыгивающий на месте, наверное, чтобы согреться. Меня чуть ли не силком заставляют залезть внутрь — за рулём какой-то незнакомый парень, возможно, водитель такси или просто знакомый Егора — и увозят прочь от моего дома. Я ничего не понимаю.

— Так, куда мы едем? — пытаюсь расспросить Штормова, но тот загадочно улыбается.

— Это сюрприз, — парень сидит на переднем сидении. — Только у меня просьба, если захочешь меня побить, бей в живот, а то отец решит, что я подрался с кем-то. У меня с ним договорённость, если буду драться помимо ринга в уличных передрагах, то он не будет меня тренировать.

Я хмурюсь, подозрительно поглядывая то на Егора, то на водителя. Что это за место, из-за которого я могу разозлиться и побить парня? Не нравится мне это.

— Почему я должна захотеть избить тебя? — спрашиваю я, прекрасно понимая, что даже если у меня возникнет такое желание, то у меня всё равно ничего не получится. Если только Штормов не будет сопротивляться.

— Ну, — парень улыбается.

Я прищуриваясь, узнавая дорогу, ведущую в школу, и едкое осознание ситуации начинает проникать в мои мысли.

— Только не говори, что везёшь меня к себе домой на ужин? — с упрёком тяну я.

Штормов виновато оборачивается, хотя я понимаю, что парень только этого и добивался, чтобы познакомить меня со своими родителями. Но зачем? Вот что за человек.

— Я ничего не мог поделать, — сознаётся Егор. — Отец рассказал про тебя матери, и она настояла, чтобы я тебя привёл домой на ужин. Я не смог отвертеться.

Я закатываю глаза.

— Так уж и настояла.

Штормов улыбается.

— Да не бойся, всё нормально будет.

Мы, наконец, доезжаем до нужного места: Штормов благодарит водителя, прощается с ним и выходит из машины. Я следую его примеру, понимая, что это всё-таки не такси, а просто какой-то друг, который согласился помочь боксёру.

Мне неловко, и я не особо горю желанием идти на встречу с родителями Егора, ведь мы даже не встречаемся, чтобы заходить так далеко, но отступать уже некуда, потому что парень решительно берёт меня за руку и тянет в сторону подъезда.

— Я всё-таки думаю, что мы слишком спешим, — бормочу я, когда мы поднимаемся на лифте.

— Да брось, это просто ужин, ничего такого, — отмахивается парень.

— Ага. Вечно у тебя так просто всё, — бурчу я. — А ничего, что мы с тобой знакомы меньше недели? И ты так просто тащишь меня на встречу с родителями. Это как минимум странно.

Штормов вздыхает.

— Расслабься, — двери лифта открываются. — С папой ты уже знакома, так что худшее уже позади.

Егор тянет меня на лестничную площадку — мы подходим к квартире, парень открывает дверь и пропускает меня вперёд. Переборов своё волнение, я переступаю порог квартиры, а когда Штормов закрывает за собой дверь, чувствую себя в ловушке.

— Ма, мы дома, — кричит Егор, небрежно стаскивая с себя ботинки и стягивая куртку.

Из кухни появляется улыбающаяся женщина с тёмно-русыми волосами чуть ниже плеч. Она ниже меня ростом в бежевой кофточке и подкрашенными глазами. Выглядит она молодой и бодрой.

— Добрый вечер, — здороваюсь я, начиная расстёгивать куртку.

— Привет, — женщина улыбается. — Егор помоги девушке раздеться, чего встал. Я уже накрываю на стол. Отец сегодня задержится, Виталий Аркадьевич заболел, ему придётся подменить его.

— О, — Штормов бросает шапку на тумбочку и забирает у меня куртку, пока я разуваясь. — Жаль. Да пофиг, Соня с ним уже познакомилась в зале, он не расстроится. По моему, он специально там остался, как думаешь.

— Не говори глупостей, — отмахивается его мама. — Сонечка, проходи.

Я кошусь на Егора и иду в сторону кухни.

— Егор рассказывал, что вы с ним в школе познакомились, — женщина ставит на стол тарелки с картошкой, салатом и ещё чем-то непонятным, пока я сажусь на диванчик.

— Ага. Я недавно перевелась в параллельный класс, — говорю я, высматривая Штормова в коридоре, но тот куда-то успел сбежать.

— А раньше где училась? — она ставит передо мной тарелку.

— Ну, я жила в области, недалеко отсюда, а потом мы с родителями переехали в этот город.

— Вот оно как, — женщина улыбается, расставляя посуду на столе. — Егор, давай быстрее! — кричит она. — Тебе положить?

— Я сама.

Коротко улыбаюсь и беру свою тарелку, накладывая всего понемногу. Есть особо не хочется, потому что я дома успела перекусить, а Штормов вообще даже не предупреждал о том, что сегодня намечается ужин. Когда парень появляется на кухне, он садится рядом и толкает меня, чтобы я подвинулась. Приходится сесть чуть дальше.

— Картошка с грибами, — тянет Егор, издеваясь. Он накладывает себе целую гору на тарелку. — Как ты любишь.

— Ага, — кошусь в его сторону.

Всё равно отказываться как-то неприлично, поэтому придётся есть нелюбимые грибы. Ну, мы не маленькие, не капризные, потерпим.

Я отправляю в рот кусочек картошки и с удивлением понимаю, что она получилась действительно вкусной. Моя мама готовит совершенно по другому, и я не особо люблю её стряпню, за некоторым исключением.

— Очень вкусно, — говорю я.

— Спасибо, дорогая, — улыбается мама Егора.

Я искоса поглядываю то на парня, то на его маму, и думаю о том, что даже не знаю, как её зовут. Она милая и добрая, по крайней мере мне так кажется. И глаза у неё точно такие же, как у её сына. Завораживающие.

Ужин проходит спокойно. Мы мило болтаем о всяких глупостях вроде учёбы и дальнейших планах после экзаменов. Я узнаю, что маму Егора зовут Марина Алексеевна. Она работает в больнице хирургом уже двенадцать лет и безумно любит нескончаемые бразильские сериалы на подобие «Клон» или «Хозяйка судьбы». Про своих родителей я ничего не рассказываю, лишь отмахиваюсь, что у нас всё хорошо и прекрасно, в основном Марина Алексеевна сама рассказывает разные моменты из жизни, так что напрягаться не приходится. Егор изредка вставляет какие-нибудь комментарии или шуточки — он сидит настолько близко, что мы иногда касаемся друг друга плечами.

— Я поставлю чай, будете сладкое? — спрашивает женщина, когда мы заканчиваем ужинать.

— Мы в комнате попьём, позови, когда вскипит, — бросает Егор, поднимаясь на ноги.

Я следую его примеру, коротко улыбаюсь Марине Алексеевне и плетусь за парнем.

Комната Егора Штормова напоминает тренажёрный зал. Здесь стоит боксёрский тренажёр в виде туловища человека на специальном креплении, силовой тренажёр со штангой, какие-то гантели, рюкзаки, специальные спортивные бутылки в углу, боксёрские перчатки и шлем валяются рядом на полу. Слева диван, напротив телевизор, ноутбук на тумбочке. Шкаф в другом углу — из него торчат какие-то вещи.

— Немного не убрано, — тянет Егор.

— Да ладно, — я осматриваюсь, скользя взглядом по комнате, а потом поворачиваюсь к парню.

Штормов проходит к дивану и садится на него с таким видом, словно только что пробежал пару километров — я подхожу к нему и присаживаюсь рядом.

— У тебя милая мама, — наблюдаю за тем, как парень включает телевизор.

— Ага, — Егор вытягивает руку и кладёт позади меня на спинку дивана, и я чувствую, как череда мурашек скользит по шее.

Всё начинает покалывать. Пальцы парня прикасаются к моим волосам, и я приятно морщусь, склоняя голову. Звуки телевизора заглушают биение моего сердца — я прикусываю губу и немного улыбаюсь.

— Ты красивая, — говорит Егор, и я только сейчас замечаю на себе его изучающий взгляд.

— Вообще нет, — отмахиваюсь я.

Он закатывает глаза и садится чуть ближе, утыкаясь носом в мой висок, а потом и в волосы, начиная вдыхать их запах. Я не отталкиваю его, потому что мне дико приятно. И щекотно. И хочется улыбаться, словно я ребёнок, которому купили мороженое.

Я осторожно поворачиваю в его сторону голову и чуть прикрываю глаза, пытаюсь уловить запах Егора, а потом его губы находят мои, и мы тонем в нежном поцелуе. Я хватаю ртом его улыбку, обнимаю за талию, чтобы оказаться чуть ближе, а его обжигающие пальцы обхватывают мою шею, зарываются в волосы, гладят плечи. И в эту секунду я понимаю, что именно это мне и надо, этого я хочу, словно это смысл моей жизни: чувства, которые Егор разжигает внутри меня, словно он бензин, от которого я начинаю пылать ещё ярче.

И когда я уже готова окончательно согласиться с этим, Штормов отстраняется и смотрит прямо мне в глаза.

— Давай замутим? — спрашивает он, тяжело дыша.

— Что? — я удивлённо вскидываю бровь.

— Ну, а что? Всё равно всё к этому ведёт. Ты мне нравишься, и я тебе тоже, чего тянуть?

— Всё так легко у тебя всегда, — шепчу я, коротко целуя Егора.

Он притягивает меня ближе за талию, и я немного выгибаю спину.

— Так что?

Я медлю, вглядываясь в его изумительные голубые глаза, от которых я теряю голову с каждой секундой всё больше и больше, смотрю на его губы и немного улыбаюсь.

— Ладно, давай. Я согласна, — сдаюсь я, понимая, что не могу сопротивляться этому человеку.

Егор довольно улыбается и снова целует меня, притягивая ещё ближе. Я почти заползаю к нему на колени, когда в дверь стучится его мама и зовёт пить чай. Нам приходится отстраниться друг от друга, чтобы для начала хотя бы отдышаться.

Я чувствую, как пылаю. Стораю изнутри, готовая возродиться заново из пепла, словно феникс, а потом взлететь к солнцу, чтобы подпалить крылья и рухнуть обратно на землю. И это чувство невероятно!

Вот так я и Егор Штормов начали встречаться. Быстро, дико, безвозвратно и без лишних вопросов. В этом был весь Егор. Он был простым прямолинейным наивным парнем, мечтающим вырваться в профессиональный спорт, считающим, что он непобедим, и по уши влюблённым в меня.

OleJes — На Марс

Соня.

Январь остаётся позади. Следом за ним незаметно пролетает февраль, уступая дорогу марту. Морозы спадают, и снег начинает постепенно таять, превращая улицы города в настоящее месиво. В этом году весна начинается раньше, но до зелёной травы и набухающих почек ещё далеко.

В школе всё по прежнему. Новость о том, что я начала встречаться с Егором Штормовым разлетелась быстро, и мне иногда даже кажется, что об этом уже знают за пределами учебного заведения. Парни ко мне больше не клеятся, более того они как-то стараются избегать меня, наверное, чтобы не нарваться на неприятности.

Юля с Яной единственные, с кем я продолжаю неплохо общаться, иногда мы гуляем после уроков или записываем у кого-то дома. Не меня, естественно. Мой отец с ума сойдёт, если я буду приводить в гости друзей. Его спокойствию придёт конец, а, следовательно, и моему тоже. Это как с моей любимой гитарой, которую он выкинул в окно.

О Егоре родители ничего не знают, да и он сам не говорит особым желанием знакомиться с ними. Скорее всего, я просто спугнула Штормова своими рассказами о моей сумасшедшей семейке. Это к лучшему.

Сам же парень разделяет свою жизнь на две части: тренировки и я. Если Шторм не занимается, то проводит свободное время со мной. Мы гуляем, держимся за руки, обнимаемся, целуемся под школьной лестницей и постоянно переписываемся. Часто созваниваемся. И я без ума от него. Никогда бы не подумала, что кто-то настолько сильно сможет овладеть мной, потому что я готова отправиться хоть на край света, лишь бы оказаться рядом с ним. Я порхаю, когда вижу его, улыбаюсь, слыша игривые нотки в голосе, забываю, как дышать, из-за его томного шёпота.

Егор Штормов — это настоящая загадка, но в то же время он как открытая книга. Парень безумно простой, весёлый и бесстрашный. Говорит то, что думает. Делает, что хочет. Его переполняют искренность и наивность, мечты о великом будущем и безграничная любовь к жизни. Он оптимист до мозга костей. Он весь им пропитан, у него вместо крови безграничный поток позитива. И я ни разу ещё не видела, чтобы парень грустил. И это действительно круто. В отличие от меня, он не проводит вечера в мыслях, что с его жизнью что-то не так. Он не думает, он действует. Просто живёт, наслаждаясь каждый моментом.

И я люблю его за этом. Люблю за то, что он делает меня счастливой. Люблю за то, что рядом с ним я становлюсь лучше.

***

— Ты когда дома начнёшь ночевать? — слышу голос матери.

— А что? — Маша проходит мимо моей комнаты. — Мне двадцать два, я могу ночевать, где хочу. Тем более я у друзей была, я сто раз говорила.

Я переворачиваюсь на спину и закатываю глаза. Опять скандалят. Ну, какая разница, где

сестра ночует? Она уже не маленькая, чтобы отчитываться. В её возрасте все уже отдельно живут.

— Что-то ты зачастила к ним! — мама не унимается.

— И? — сестра повышает голос. — Сегодня, кстати, тоже не жди меня.

— В смысле? — мама подходит к моей комнате. — У тебя свой дом есть, ты живёшь в семье, вот и живи здесь. Нечего шляться где попало! Отцу это не нравится!

Маша ничего не отвечает — хлопает дверь её комнаты, и тишина плавно опускается на меня. Достали... Слава богу, они про Егора не знают, а то тоже трагедию раздуют, словно это конец света. Быстрее бы вырасти и уехать отсюда. Я уж точно не буду слушаться родителей и перееду в общагу, как только появится возможность. Если сестра отсюда съедет, а я чувствую, что это случится уже скоро, то всё внимание предков обрушится на меня. Спокойно жить уже не дадут.

Мать уходит. Я жду ещё пару минут, а затем вскакиваю с кровати, выхожу в коридор и направляюсь к комнате сестры. Даже не постучав, я проникаю внутрь, прикрывая за собой дверь.

Маша лежит на кровати на животе перед ноутбуком и с кем-то переписывается. Она поднимает на меня взгляд, словно ожидает увидеть кого-то другого, и возвращается к экрану.

— Чё за кипишь? — тяну я, заваливаясь на её кровать.

Экрана я не вижу, потому что он повёрнут в противоположную от меня сторону.

— Да достала, — сестра шумно выдыхает. — Подумаешь, дома не ночую. Мне уже не шестнадцать, чтобы ровно в девять домой приходить.

Я фыркаю, подкладываю под голову руки и смотрю в потолок. Думаю о том, что вечером мы встретимся с Егором, чтобы погулять после его тренировки. Он сказал, что меня ждёт кое-что интересное. Я уже вся извелась, гадая, что же это за очередной сюрприз. Наверное, покажет мне таинственное место, где можно посидеть наедине и поговорить по душам. Надо будет тоже купить ему какой-нибудь подарок, а то Штормов избаловал меня своими приятностями.

— А где тусуешься? — тяну я, с трудом отвлекаясь от мыслей о своём парне.

Маша не ночует дома уже четвёртый раз за две недели. Это для неё вообще не свойственно, учитывая то, что она с друзьями собирается на вечеринки раз в полгода, а парней у неё нет, чтобы зависать с кем-то. Она вечно сидит дома и, как бы не был силён её протест против родителей, делает так, как они хотят.

Я поворачиваю голову в её сторону и вскидываю брови. Сестра расплывается в смущённой улыбке и отводит взгляд в сторону.

— Ну-ка, ну-ка! — заинтересованно поворачиваюсь на бок, подпирая голову рукой и забывая обо всём на свете. — Нашла себе кого-то? Колись! Я не скажу родокам.

— Ну, — она прикусывает губу. — Вроде как. Я не знаю. Всё сложно.

— Да рассказывай! — улыбаюсь я.

Маша вздыхает, потирает пальцами переносицу, морщится, смотрит на дверь, будто думая, что мать подслушивает нас, а потом тянет:

— Его зовут Миша. Мы с ним познакомились «Вконтакте». Встретились, погуляли и как-то всё завертелось, — сестра улыбается.

— Вы замутили? — нетерпеливо вожусь я. — Покажи его фотки.

— Нет, мы не замутили, — бормочет она, щёлкая мышкой. — Мы с ним переспали. В первый же день, — сестра поднимает на меня взгляд, словно думает, что я буду ругать её, но

я только присвистываю. — В общем, он не хочет отношений и всё такое, якобы у него был неприятный опыт с бывшей, и он не отошёл от этого, так что мы решили просто так тусить. Да и мне это на руку. Понятия не имею, как бы я сказала Диме, что у меня кто-то появился.

Я закатываю глаза. Дима — это её бывший парень, с которым она до сих пор общается. И я совершенно не понимаю, что между ними происходит. Ему не нравится, когда Маша гуляет с другими парнями, но и быть с ней он тоже не хочет. Дичь какая-то. А ещё как-то Дима ей заявил, что если она с кем-то начнёт встречаться, то он уйдёт и перестанет с ней общаться, потому что типа ему это будет больно и неприятно. Чушь. Не знаю, почему она с ним нянчится. Это же просто бред полнейший. Я считаю, что если вы расстаётесь, то нужно обрывать все связи, а не страдать подобной хренью.

— Хотя я бы согласилась с ним встречаться, — Маша поворачивает ко мне ноутбук. — Если бы он предложил.

Я смотрю на фотку парня. У него коричневые немного отросшие волосы, карие глаза, пухлые губы. Листаю фотографии дальше, разглядывая этого Мишу, и никак не могу понять, нравится он мне или же нет. На одних кадрах он весьма милый, а на других совсем не очень.

— Ничего такой, — наконец, говорю я. — Чем занимается?

Сестра отбирает ноут.

— Работает. Учится на заочке, — тянет она. — На год старше меня.

— Прикольно, — я снова откидываюсь на спину. — Сегодня к нему?

— Ага, — она отвечает кому-то на сообщение. — Он в шесть заканчивает, так что вечером позвонит.

— М, вместе пойдём, — я осматриваю комнату и замечаю какие-то лекции на столе. — Егор тоже примерно в шесть с тренировки уйдёт.

Маша смотрит на меня и усмехается.

— Как у вас дела?

Я улыбаюсь, смущённо вспоминая всё, что происходит между мной и Штормовым. Мечтательно вздыхаю и прикрываю глаза.

— Супер. Он просто чудо, — довольно бормочу я.

— Рада за тебе, — она тихо включает музыку. — Хоть у кого-то в этом доме в отношениях нет дичи.

Я смеюсь.

— Просто отправь Диму в чёрный список и найди себе адекватного парня, у которого нет заскоков по поводу бывших, — советую я. — А то что Миша, что Дима. Их тёлки портят тебе жизнь. Он ведь из-за неё тебя бросил тогда?

— Ну, вроде как, — неохотно бормочет Маша. — Тебе легко говорить. Меня прямо так и тянет к таким проблемным парням.

— Так, тянись к другим.

Я хлопаю в ладоши и поднимаюсь на ноги.

— Пойду поем. Может, что вкусненькое найду.

Сестра смеётся.

— Ага. Если найдёшь, мне принеси.

Я ничего не отвечаю и выхожу в коридор, направляясь на кухню. Осталось дожидаться вечера и встретиться с Егором. А дальше уже ничего не важно.

ЛСП & Охххуmiron — Мне скучно жить

Соня.

Вечер наступает быстро. Мы с сестрой исчезаем из дома, словно бы нас там никогда и не было, и разбредаемся в разные стороны. Она едет в одну часть города, а я направляюсь в противоположную. Маша сказала, что останется на ночь у своего Миши, а утром поедет на пары в универ, после чего вернётся домой, где её, конечно же, будет ждать очередной скандал со стороны матери. С отцом она старается не общаться, поэтому он передаёт все свои возмущения через жену. Эта сумасшедшая семейка меня когда-нибудь доведёт до нервного срыва. Иногда мне кажется, что я приёмный ребёнок. Или даже так, обычный сосед, снимающий у них комнату.

Я добираюсь до зала, в котором тренируется Егор, как раз в тот момент, когда парень вырывается из дверей здания, словно вихрь, и натягивает на голову капюшон. Улыбнувшись, я немного ускоряюсь и оказываюсь рядом с ним, крепко ухватив Штормова под руку.

— Привет, — довольно мурлычу я.

— Привет, — Егор нагибается, чтобы поцеловать меня, а затем отстраняется и поправляет мою шапку.

— Как тренировка?

Мы направляемся по дороге, оставляя позади пропитанный потом и тренировками зал. Воздух на улице не морозный, но от этого не менее ледяной. Вечер окутывает город, темнота съедает его, словно сладкий пирог, холодный ветер пробирается мне под куртку и сковывает движения — мне приходится плотнее прижаться к парню, чтобы хоть немного позаимствовать его тепла.

— Неплохо, — он достаёт телефон, смотрит на время, а затем убирает сотовый в карман. — Защиту отрабатывал с папой. В последнее время он меня гоняет, словно завтра мне на мировые соревнования ехать.

Я смеюсь, думая о Сергее Петровиче. Не о нашем учителе химии, а об отце Егора. Такое забавное совпадение, что они практически полные тёски.

— Ну, до этого не так уж и далеко, — улыбаюсь я.

— До чего? До мировых соревнований? Пф-ф, — парень непонятно машет рукой. — Мне до них, как до луны. Просто через месяц региональные, так что пашу, как лошадь.

— Приду поболеть.

— Ещё бы ты не пришла, — Штормов слегка подпрыгивает. — И чтобы футболку с моей фоткой надела и держала плакат с надписью «Штормов супер красавчик».

Я фыркаю.

— Скажешь тоже, — тяну я. — Ты слишком обнаглел.

— И что? — Егор косится на меня. — Плохо что ли?

Я пожимаю плечом, поправляя рукой свой шарф, чтобы ветер не пробирался за шиворот. Мы доходим до набережной — я вижу реку, покрытую плотной массой льда и снега, которые пока что не начали таять. На другом берегу замечаю парк с множеством

огней, и у меня возникает жгучее желание пойти именно туда.

— Так, что там за сюрприз очередной? — интересуюсь я, вспоминая, что парень обещал сделать что-то интересное.

— Увидишь.

Егор тянет меня в сторону моста: мы переходим через дорогу — резвые машины еле успевают затормозить (в этом городе, если не будешь проворным, то ни одна машина не остановится, чтобы пропустить тебя, даже на пешеходном) — и бредём дальше. Ветер здесь сильный и до безобразия ледяной. Не люблю такую погоду, когда на градуснике плюсовая температура, на улице холоднее, чем в минус пятнадцать.

Мы молча преодолеваем мост — я смотрю вниз и хмурюсь. Жду не дождусь, когда же лёд, наконец, треснет и окончательно исчезнет до следующей зимы. Хочу тёплого солнышка, майских деньков и зелёных листьев на деревьях. И плевать, что будут экзамены и окончание учебного года. Хочу вдохнуть весенний воздух и наполниться зарядом позитива, потому что Егора в такую погоду мне почему-то не хватает.

Мы идём в сторону парка, манящего нас огоньками, и, когда я уже думаю, что именно к нему мы и направляемся, Егор сворачивает в сторону и идёт в другом направлении. С тоской проводив красивую череду фонарей, я вздыхаю и смотрю на Штормова.

— Я думала, мы пойдём в парк, — немного капризно бормочу я.

— В другой раз, сегодня холодно, — Егор загадочно улыбается.

— И куда же мы тогда идём? — нетерпеливо тяну я.

Парень не отвечает. Проходит ещё минут десять, прежде чем Штормов останавливается возле лестницы, ведущей в подвальные офисы. Наверное, там какой-то магазинчик или кафешка. Вывески здесь нет.

— Пошли, — Егор берёт меня за руку — мы спускаемся по лестнице, секунду тормозим, словно собираясь постучать, а затем парень решительно хватается за ручку и открывает дверь.

Свет внутри тусклый, коридоры узкие, оформленные в уличном стиле. На стене справа граффити, слева вереница дверей. Штормов решительно направляется в самый конец, осторожно приоткрывает преграду и заглядывает внутрь. Я стою позади, прикусив губу, и разрываюсь от любопытства, гадая, что же там скрывается. Может быть, это салон татуировок? Или какой-нибудь тайный клуб любителей бокса?

Парень открывает дверь и манит меня за собой — я опасливо оборачиваюсь, осматривая пустой коридор, и протискиваюсь в проём вслед за Егором.

Это вовсе не салон тату и совсем не клуб любителей бокса. Это студия. Небольшое помещение разделено на две части: я вижу оборудования для записи (понятия не имею, как оно называется), небольшой диванчик у стены справа, мелочи вроде передвижной вешалки для одежды, какого-то шкафа и столика. Звукоизолированное помещение находится за стеклом — я вижу парня в наушниках перед микрофоном. Он что-то поёт, но я не слышу ни звука. У него яркие рыжие волосы и зелёные глаза. На лице куча веснушек.

— Это Жук, — Егор поднимает руку, чтобы поприветствовать музыканта, и тот отражает его действие. Он улыбается, когда мы встречаемся взглядом, но продолжает петь. — Антон Жуков. Он нас не слышит.

Парень бросает рюкзак на диванчик, подходит к пульту управления и нажимает на какую-то кнопку — помещение наполняется негромкой музыкой, и теперь я могу услышать голос Антона. Пока я вслушиваюсь в слова и пытаюсь определить, нравится мне исполнение

Жука или же нет, Штормов заваливается на диванчик и манит меня к себе. Я присаживаюсь к нему, вытягивая ноги, и расстёгиваю куртку, потому что в студии жарко.

Снова смотрю на Антона, не обращающего на нас никакого внимания, и думаю, что его трек смахивает на песни ЛСП или Оксимирона. Довольно неплохо для любителя.

— Иногда прихожу сюда, когда скучно, — Егор притягивает к себе свой рюкзак. — Это мой бывший одноклассник. Пару лет назад перевёлся в другую школу. В реперы подался. По моему неплохо тащит, как думаешь?

Он прикусывает губу и открывает рюкзак. Я снова смотрю на Жукова, который в этот момент осекается, замолкает на пару секунд, а потом, поймав момент, снова начинает читать реп.

— Да, ничего так.

Егор несколько секунд возится со змейкой.

— Смотри, что у меня есть, — он нетерпеливо возится на месте, переворачивает рюкзак и вываливает оттуда различные шоколадки и конфеты. Следом достаёт газировку.

— Ого, — выдыхаю я, немного отсаживаясь в сторону, чтобы все сладости поместились между нами. — Ты где это взял?

— Купил, — Штормов прикусывает губу.

— С ума сошёл, — бормочу я. — Мы столько не съедим.

— От тебя любой свихнётся, — парень улыбается, хватая меня за ворот кофты и притягивает к себе, неожиданно целуя.

На секунду я отстраняюсь — между нами всего пара сантиметров, дыхание рваное, взгляд дрожит, скользит по лицу, щёки пылают. Меня охватывает жар, когда Егор снова целует меня, поспешно отстраняясь. Он хватается за сникерс и решительно отрывает.

— Я проголодался после тренировки, — мурлычет он, с наслаждением откусывая кусочек. — М... такое чувство, что сто лет сладкого не ел.

— Только вчера уплетал за обе щёки, — фыркаю я, вбирая, что бы есть в первую очередь.

Достаю из кучи привлекательную конфетку, разворачиваю её и отправляю в рот. Ммм. Как вкусно! Я улыбаюсь себе под нос, смотрю на Антона Жукова, репетирующего за стеклом, кошусь в сторону Егора и думаю, что лучше момента на свете и быть не может. Не может же, да?

Егор.

Мы сидим долго, поедая сладкое, которое я купил до тренировок. Тихий голос Антохи звучит на заднем плане, фантики шуршат, а я получаю невероятное удовольствие, смотря на довольную мордашку Сони Розиной. Лучше момента и быть не может.

— На самом деле, я плохая девчонка, — неожиданно говорит девушка, смотря на меня. — Так что ты зря со мной связался.

Я склоняю голову и бросаю ироничный взгляд на неё.

— Я знаю, — усмехаюсь я. — Ты очень-очень плохая девчонка.

Щёлкаю её по носу, и от этого улыбка на губах Сони немного меркнет. Она отворачивается, хватая первый попавшийся фантик и начинает разглаживать его на своей ноге.

— Я серьёзно, — бормочет Розина. — Меня выгнали из школы, поэтому нам пришлось

переехать сюда.

Я хмурюсь, разглядывая профиль девушки, которая даже не улыбается. Она впервые начинает разговор на тему её переезда. Я знаю, что она не любит говорить о своей семье, поэтому никогда не спрашиваю о подобном, и сейчас, когда она настолько сосредоточена и серьёзна, мне становится не по себе. Хочется пошутить, разрядить обстановку, но у меня язык не поворачивается.

— Ты подралась с кем-то? — всё-таки шучу я.

— Нет, — Соня фыркает, шумно вздыхает и поджимает губы. — Я влезла в школу ночью, чтобы украсть деньги директора, собранные на ремонт спортзала.

— Оу...

Розина молчит почти минуту — я смотрю в сторону Жука, мельком думая о том, сколько же можно исполнять треки, ведь парень уже давно там зависает. Я бы сто раз как охрип после подобного.

— У меня в друзьях были практически все парни, — тянет Соня. — Мы с ними выросли в одном дворе, с детства дружили. Ходили в садик. В школу. Зависали в свободное время. Я была настоящей пацанкой. А прошлым летом они меня взяли на слабо, смогу ли я замутить с одиннадцатиклассником. Его звали Саша Малийский. И он мне не особо сильно нравился, но я была бы слабачкой, если бы отказалась от спора, — девушка отбрасывает в сторону фантик, когда тот случайно рвётся, и притягивает к себе новый. Розина не смотрит на меня, и я тоже не смущаю её своими взглядами. — В итоге я всё-таки начала встречаться с Сашей. Получила проспоренные две штуки наличкой и главаря местной шайки в придачу, — Соня поджимает губы. — Он притащил меня в свою банду, — она делает кавычки в воздухе, — и я начала проводить время в компании старших ребят. Мне было интересно с ними, весело. Казалось, так круто зависать среди старших, и я совсем забыла про своих старых друзей. Пропадала вечерами чёрт знает где, даже часто ночевать не возвращалась. Родители бесились, но мне было всё равно.

На пару минут Розина замолкает, словно давая мне время осмыслить все её слова. Значит, она из-за спора связалась с плохой компанией, из-за которой её потом выперли из школы. Я даже не знаю, как это всё комментировать, и нужно ли вообще что-либо говорить здесь.

— Они были настоящими безумцами. Весёлыми бесбашенными дикарями. Знаешь, что-то вроде гопников на районе, которые не боятся ничего и сами лезут на рожон, — Соня вздыхает, вспоминая всё это. — Я превратилась в настоящую оторву. Покрасила волосы в красный, начала носить вызывающую одежду, строила из себя крутую старшеклассницу. Брала пример с девчонок из нашей компании.

Антон замолкает и ненадолго уходит в угол помещения, чтобы выпить воды. Я вижу в его руках бутылку.

— А потом Саша узнал, что у директора в кабинете неплохая сумма денег, которая должна была пойти на ремонт спортзала. Тогда ещё столько шумихи было по этому поводу, мол, мэр выделил средства и всё такое. Даже в газете писали об этом, — девушка откидывается на спинку дивана. — Малийский предложил ребятам пробраться в школу ночью и забрать деньги. Говорил, что они всё равно на ремонт не пойдут, и директор заберёт их себе. Все согласились с ним, а я нет. Я не хотела заниматься воровством, — Соня делает вид, что меня здесь нет. — Но мне было страшно отказываться, потому что Саша при всех заявил, что я иду с ними, мол, это как посвящение. После этого я стану официальным

членом их банды. Я знала, если откажусь, то мне так просто не отвертеться, ведь я была в курсе про их план. Решила, что ничего страшного не случится, если я просто буду за компанию. Постою в стороне, пока парни сделают всё сами, но ничего не получилось. Они заставили меня разбить окно и пойти с ними в школу. Деньги они не успели забрать, потому что в этот день на посту был охранник. Обычно он уходил в десять вечера и запирает школу, на ночь никогда не оставался. Видимо, в этот раз был там из-за денег. Мы почти взломали кабинет директора, когда нас застучали. Все разбежались в разные стороны, а я запаниковала. Мне было так страшно, что ноги отказывали. Я даже не пыталась сбежать. Меня поймали с поличным, вызвали полицию, директора и родителей. Обвинили в порче школьного имущества и попытке кражи денег на сумму около ста тысяч рублей. Я не сдала никого. У меня не было до этого приводов. Да и кражи по сути тоже не было. Обвинили только в порче чужого имущества. Отделалась штрафом, но из школы меня исключили. Родители не смогли стерпеть такого «позора», поэтому решили переехать, а это место выбрали только из-за того, что сестра учится в местном вузе. Сашу Малийского я так и не видела, да и никого из их компании. По сути, я просто уехала. И вот я здесь.

Соня Розина замолкает, и я понимаю, что на этот раз говорить она больше ничего не будет. Я молчу, думая обо всём, смотрю на Антона, который, видимо, уже начинает закругляться, вздыхаю и кладу руку на макушку девушки.

— Знаешь, что? — она опасливо косится на меня. — Ты сожрала все конфеты...

Девушка вскидывает бровь.

— Что? — она трясёт головой. — Я только что тебе рассказала самую страшную тайну своей жизни, а ты о конфетах волнуешься?

Я пожимаю плечом.

— Ну, да. Сомнительная ситуация, вляпалась в дурную компанию и всё такое, но ведь иначе мы бы с тобой не встретились, — я склоняю голову и смотрю на Соню серьёзным взглядом. — Мне плевать, что там у тебя было в прошлом, если тебя это волнует.

Розина внимательно смотрит на меня, прикрывает глаза, снова открывает, а потом, наконец, улыбается. Я притягиваю её за шею и целую, чтобы наверняка избавить девушку от нелепых подозрений. В этот же момент дверь открывается, и Жук выходит из кабинки звукозаписи.

— Закругляйтесь, сладкие, мне студию закрывать надо, — бросает Антон.

Я отстраняюсь от девушки и усмехаюсь.

— Сладкий сам, — Егор поднимается на ноги. — У тебя не голосовые связки, а атомный реактор...

Жук закатывает глаза. Я наблюдаю за тем, как Соня поднимается на ноги и начинает убирать фантики, разбросанные по дивану. Я подхожу к ней и помогаю прибраться, а после этого мы одеваемся и выходим из студии. Что ж, хорошего помаленьку, пора и домой возвращаться.

Выходя из здания, я обнимаю Соню и плетусь в сторону остановки, чтобы проводить её до дома. Только сейчас понимаю, что хочу знать об этой девчонке всё. Даже самые страшные вещи, скрытые тайны и секреты. Хочу, что она мне доверяла на все сто, точно так же, как и я доверяю ей, но над этим мне нужно ещё поработать...

Syd Matters — To All Of You

Соня.

— А куда ты дела красные волосы? — спрашивает Егор, когда мы сидим у него дома в обнимку и смотрим телевизор.

После нашего разговора в студии проходит несколько дней, а я до сих пор кошусь на Штормова с опаской, боясь, что он в любую минуту схватит меня за плечи, заставит посмотреть в глаза и скажет, что я ужасный человек. Или прошепчет на ухо, пока его руки сжимают мою талию, что ненавидит меня.

Я сама себя ненавижу. Мне стыдно... Нет. Мне страшно вспоминать, что было полгода назад, когда мы все жили в старом доме, где я провела всё своё детство, где остались мои друзья и где я превратилась во что-то мерзкое. Не знаю, в какой момент я свернула не на ту тропинку, но возвращаться на неё я не хочу.

Саша Малайский исчез из моей жизни в тот момент, когда бросил меня в школе на растерзание охраннику. В тот день меня бросили все: ребята из компании Саши, мои собственные ноги, приросшие к полу возле кабинета директора, родители, школа и полиция. Я оказалась виноватой, хотя в глубине души понимала, что это не так. Следователь пообещал, если я расскажу, кто был со мной в ту ночь, то меня отпустят и не будут предъявлять обвинения, но я испугалась. Я больше не хотела иметь никаких дел с теми ребятами, а видеть их тем более. В случае, если бы я призналась, мне пришлось бы выступить в суде, а после него какой-нибудь идиот додумался бы подкараулить меня или мою семью и отомстить. Я в этом не сомневалась.

Я никогда никому не рассказывала об этом. И Егор Штормов стал первым, кто услышал эту историю с момента моего переезда. И я всё ещё боюсь, что он отвернётся от меня.

— Прекрасила, — безразлично бросаю я, удобнее устраиваясь на плече парня. — В тёмно-коричневый. Краска смылась, волосы посветлели. Стали как солома.

— Нормальные волосы, — говорит Егор, перебирая пальцами мои пряди. — Мне нравится. А у тебя фотки остались?

— Нет, — фыркаю, немного поднимаю голову, утыкаясь носом в шею Штормова, прикрываю глаза и вдыхаю приятный запах. — Стёрла всё своё прошлое. Вообще всё. У меня даже школьных фоток не осталось, если только у матери или у сестры где-то. Удалила всех из друзей, кто меня связывал с тем местом, фото, записи, видео, музыку. Хотела начать всё с чистого листа. Жаль, что в социальной сети это сделать куда проще, чем в своей голове.

Поворачиваюсь в сторону телевизора и немного улыбаюсь из-за пальцев парня, щекочущих мою шею.

— Жаль. Я бы посмеялся.

Он тербит меня по волосам, путается в них пальцами и делает из копны моих волос настоящий стог сена.

— Слышь, посмеялся бы он, — фыркаю я, легонько стучая Шторма по груди и поправляя волосы. — Это вообще-то не смешно.

— Почему? Ты с красными волосами — это весьма забавно, — шутит Егор.

Я закатываю глаза, вспоминая, как девчонки из той компании собственноручно сделали из меня русалочку Ариэль, вылив на волосы несколько банок яркой малиновой краски. Я была счастлива, словно ребёнок, воображала, что я крутая девчонка в кожаных костюмах, перед которой весь мир встанет на колени.

— Кстати, они мне нравились...

Возможно, когда-нибудь я снова решусь перекраситься в этот цвет, но уже по другим причинам и с иными целями. Люблю экспериментировать с внешностью, пусть от этого мои волосы превращаются во что-то страшное и некрасивое. В отличие от густой шевелюры моей сестры, у меня на голове три волосинки.

— Уверен, ты и с зелёными будешь симпатичная...

— Что? Нет! — смеюсь я.

Мы замолкаем и углубляемся в фильм. За стенкой родители Штормова о чём-то разговаривают, но я не слышу их слов. Голоса приглушённые, словно доносятся до меня из-под воды. Под ухом я слышу ровное биение сердца парня, и меня накрывает спокойствие. Его грудь то поднимается, то опускается, а вырывающееся дыхание из лёгких щекочет мою макушку.

Телефон в кармане вибрирует, и я неохотно достаю его, чтобы прочитать сообщение. Открываю приложение «Вконтакте» и скольжу взглядом по диалогом.

Письмо от сестры: «Сегодня у Миши. Останусь на выходных. Скажи матери, чтобы не названивала мне по сто раз».

Я безразлично отправляю ей: «Окей».

Следующее послание от Яны: «Го в следующую субботу на моё др? Юля с нами))))».

Я прикусываю губу.

— Когда у тебя отборочные? — я поднимаю голову, томно вглядываясь в лицо Егора, который увлечён очередным фильмом про бокс. «Левша», кстати, очень крутая картина, я на него в кино ходила пару лет назад.

— В следующую субботу, — бормочет Штормов.

Я хмурюсь и снова утыкаюсь в телефон.

«У Егора отборочные в субботу...»

— А что? — Шторм прижимает меня чуть сильнее.

— Да Яна зовёт на своё день рождения, — бросаю я.

«Софья Розина! Даже не смей говорить, что не придёшь! Это не обсуждается!»

А потом добавляет: «Ну, серьёзно...(((»

«Сонь».

«Со-о-онь!».

«:(».

Штормов смотрит на меня, затем на мой телефон, и пожимает плечом.

— Спарринг утром будет. Максимум до трёх. Успеешь и туда и туда, — Егор утыкается носом мне в волосы, и я улыбаюсь.

«Какие планы? — пишу я подруге. — Я после отборочных приду».

«Отлично! Мы идём в клуб!))))».

«В клуб? А нас пустят?».

— Она в клуб хочет, — с сомнением тяну я.

— В клуб? — Егор фыркает, мол, что получше идеи не могли придумать.

Я пожимаю плечом.

«Да. У меня друг охранником работает, да и там паспорт никогда не спрашивают», — пишет Яна.

«У меня нет платья».

«Я тебе одолжу!!! Так что, ты с нами?».

Я смотрю на Штормова, мол, как ты думаешь, стоит ли мне идти в клуб, где будет море алкоголя, мужиков и разврата. Парень не сразу замечает мой взгляд, а когда смотрит на меня, то вскидывает бровь.

— Что? Я с тобой иду без вариантов, — его голос серьёзный.

Я улыбаюсь и целую его в щёку.

— Ты такой классный у меня.

Он довольно улыбается и размякает, словно кот.

«Хорошо, я иду. Но Егор с нами».

«Отлично. В школе поговорим ещё».

Я блокирую экран и откладываю сотовый в сторону, прижимаясь к парню. Утыкаюсь в его грудь носом и прикрываю глаза.

— Я люблю тебя, — бормочу я, надеясь, что Егор меня не услышит, но естественно этого не происходит.

— И я тебя люблю...

Парень целует меня в висок, поглаживая талию, и мне становится невероятно тепло и хорошо. Я порхаю и трепещу, словно радостная собачка в руках своего хозяина, готовая на всё что угодно, лишь бы он был доволен. Я спрашиваю себя, в какой же момент я позволила этому человеку овладеть мной, но не нахожу ответа. Возможно, когда она поцеловал меня перед подъездом моего дома, а, может быть, в момент нашей первой встречи, когда Штормов упал к моим ногам.

Но мне всё равно. Это случилось, и уже ничего нельзя изменить. Да я и не хочу.

Eminem — Phenomenal

Егор.

В ушах шумит, адреналин подскакивает до предела, взгляд сосредоточен на противнике. Я прикрываю голову руками, чтобы удары не пробились через блок и не добрались до лица. Дыхание прерывистое, тяжёлое — я выиграл несколько раундов, этот для меня последний. Если я отправлю в нокаут и обойду по очкам парня, который мнётся передо мной, то стопроцентно пройду отборочные и перейду на областные соревнования, а дальше и до региональных недалеко. Возможно, на одном из спаррингов, меня заметит спонсор и предложит перейти под его руководство, хотя отец вряд ли отпустит меня. Кто-нибудь да и захочет заключить со мной контракт. Мне просто нужно показать себя, доказать, что я не просто мальчишка, увлекающийся спортом. Я Егор Штормов. На моём счету двадцать три победы и пять поражений. И больше я не собираюсь проигрывать.

Пока мне семнадцать, я могу участвовать только в подростковых состязаниях. Дальше я планирую выйти в любительский бокс среди тяжеловесов, а потом и до профессионалов недалеко. Моя цель не только Россия. Весь мир. Я поставлю на колени весь мировой бокс.

Я уклоняюсь и ухожу в сторону, заставляя противника промахнуться, отступаю назад, снова ухожу в бок, огибаю парня и провожу серию ударов по его корпусу. У него хорошая защита, и сложно пробиться через неё. Прикрываю лицо, пропуская один удар в нос, ухожу влево, слыша, как отец командует мне отойти от тросов и следить за ногами. Я отступаю в цент, бросая мимолётный взгляд на Соню, которая сидит рядом с Матвеем и пристально наблюдает за мной.

Отборочные проходят в спортивном дворце перед несколькими десятками зрителей и жюри. Здесь не так много народу, и это меня расстраивает. Зато полно знакомых, которые пришли поболеть за меня. Они что-то кричат, когда я провожу крутую серию ударов, и свистят мне, подбадривая, но я практически не обращаю на них внимания. Сейчас есть только я и мой противник.

Я ставлю блок, и меня снова оттесняют к тросам. Мы сцепляемся в захвате — противник пару раз ударяет меня по спине, но рефери успеваает разнять нас. Мы разбегаемся по разным углам, а затем оказываемся в центре.

Я сгибаю колени, уклоняюсь от удара, целившегося мне в челюсть, а затем прорываю блок парня. Бью его в лицо, затем провожу несколько ударов по корпусу. Раз-два. Раз-два. Как учил отец. Увожу руку противника в сторону ответным замахом, и со всей силы с помощью правого хука отправляю парнишку в нокаут. Бедняга падает на ринг, совершенно не понимая, что происходит, с трудом пытается подняться на ноги, но мельтешищий перед ним рефери уже отсчитывает последние цифры.

— ...8, 9, 10!

Свисток разносится по залу, и крики людей оглушают меня.

— Молодец, Егор! — слышу крик Сони, и довольно улыбаюсь.

Осталось только дождаться решения жюри, обошёл ли я по очкам противника или же

нет. Сердце бешено бьётся — я радостно вскидываю руки и улыбаюсь, показывая каждому, кто находится в этом зале, что при любом раскладе победа всё равно будет за мной.

Жюри обсуждает очки, а я в это время подхожу в свой угол, где меня ждёт отец, и перевешиваюсь через тросы.

— Я сделал его, — довольно мурлычу я. — Видел, какой хук был в конце? Интересно, кто-нибудь на видео записывал?

Папа хлопает меня по перчатке, немного качая головой.

— Молодец, Егор, — хвалит меня отец, когда я отстраняюсь назад, чтобы вернуться на ринг.

Я поправляю боксёрский шлем, который жуть как не люблю использовать на спаррингах (но это просто отборочные, так что не мне жаловаться), и встаю рядом с рефери. Я нахожусь слева от него, а мой противник справа. Холодная рука судьи сжимает моё запястье, и я сплываю. Волнение вонзается в меня противными иглами, и долька сомнения, а что, если я не набрал достаточно очков для победы, сковывает меня.

Я нахожу взглядом Соню, затем смотрю на отца.

Один из жюри поднимается на ноги, чтобы огласить результат, и я чувствую, как пальцы судьи напрягаются. Он должен поднять мою руку. Просто обязан сделать это.

— С отрывом в одно очко победил... — мужчина замолкает, и в этот момент я проклиная всех на свете. — Костя Леонов.

Я падаю. Меня оглушает решение жюри, словно ударяя в солнечное сплетение. Рефери поднимает руку моего противника, а мою продолжает сжимать холодными пальцами, которые скользкими змеями обвивают моё запястье. Я смотрю на отца, но тот лишь поджимает губы и отворачивается. Зрители шумят, осуждающе вскрикивая, мол, пересчитайте очки, мы не согласны с решением комиссии. Соня с Матвеем о чём-то переговариваются

Я прикрываю глаза, до сих пор не понимая, что проиграл Косте всего одно очко. Неприятная желчь скапливается у меня во рту, и мне хочется сплюнуть её прямо на ринг, но я всего лишь медленно распахиваю веки и разочарованно, даже как-то стыдливо, смотрю себе под ноги.

Я хотел выйти в профессиональный спорт, но только что проиграл какому-то школьнику, который тренируется от силы два года. Злость на самого себя сковывает мои движения, и утягивает в пучины ада.

— Однако по решению комиссии, на областные соревнования отправятся оба бойца. Костя Леонов и Егор Штормов, который неплохо показал себя во время этого спарринга и предыдущих, — мужчина пытается перекричать бесконечные «у-у-у» и «судью на мыло». — Так что можно считать, что у нас сегодня два победителя.

Рефери неожиданно поднимает мою руку вверх, но тошнота к себе и к окружающим уже переполняет меня. Я стою несколько секунд ровно, а затем вырываю руку, избавляясь от захвата судьи, и спускаюсь с ринга.

Факт того, что всё-таки попал на областные соревнования, ничуть не радует. Я проиграл — этого достаточно, чтобы потерять настроение и разочароваться в себе.

***

— Ну, не расстраивайся, — Соня держит меня под руку, пока мы поднимаемся на лифте, направляясь в квартиру Яны. — Ты же прошёл на следующий этап, а это самое главное.

Я фыркаю, пряча руку в кармане. Идти в клуб после проигрыша у меня уже нет никакого желания, но я обещал Розиной, что составлю ей компанию, а отпускать её одну мне тем более не хочется.

— На поражениях я далеко не уеду, — бурчу я. — Сегодня проиграл одно очко, а завтра меня начнут в нокауты отправлять. Отец опять на тренировке начнёт читать лекцию, что я отношусь ко всему несерьёзно.

Двери лифта открываются, и девушка тянет меня на лестничную площадку. Она останавливается и поворачивается ко мне лицом, смотря прямо в глаза. Несколько секунд она молчит — её выбившаяся прядь волос из-под шапки отвлекает меня, и я борюсь с желанием убрать её под ткань.

— Даже профессионалы проигрывают, — заявляет Соня. — Это должно тебя мотивировать. В следующий раз ты будешь куда круче, чем сегодня. По крайней мере, для меня ты всегда будешь чемпионом.

Она улыбается, и я смягчаюсь. Да, действительно. Я отправил Костю в нокаут, и если бы смог заработать ещё парочку очков, тогда бы точно победил. Надо было протянуть на ринге ещё минуты три, но какая разница теперь. Очки — это просто формальности. Боксёр проигрывает в тот момент, когда касается третьей точкой (коленом или рукой) ринга, а рефери досчитает до восьми, а затем и до десяти. Костя сегодня проиграл, и он это прекрасно знает. Никакие очки ему не помогут...

Соня целует меня, а потом отстраняется и решительно нажимает на дверной звонок. Проходит меньше минуты, прежде чем дверь открывается и нас встречает Яна.

— С Днём Рождения! — Розина набрасывается на подругу и затаскивает её в квартиру — мне приходится зайти следом и прикрыть за нами дверь.

— Поздравляю, Ян, — говорю я, как только Соня отстраняется от бедняги и протягивает ей подарок.

— От нас с Егором, — Розина решительно стаскивает ботинки и начинает раздеваться.

— Спасибо, — именинница довольно улыбается и уходит в комнату.

Никогда не был дома у Куркиной, да и как-то особо не горел желанием. Прихожая просторная, кухня виднеется слева, напротив дверь, справа коридор, уходящий вглубь квартиры. Я разуваюсь, пока Розина прихорашивается возле зеркала, и расстёгиваю куртку. Из кухни выбегает кошка и опасно шипит в мою сторону — я поджимаю губы.

— Так, Егор, — Яна возвращается к нам. — Ты дуй на кухню и ставь чайник. Там торт в холодильнике и всякие ништяки. А мы пока с Соней пойдём выбирать наряды. Скоро должна Юля прийти, откроешь ей, понял?

Я вскидываю бровь, мол, чего ты раскомандовалась здесь, смотрю на Розину, но та лишь пожимает плечом, улыбаясь.

— Есть, сэр, — неохотно отдаю честь и, поджав губы, направляюсь налево.

Яна хватая Соню под руку и силком тащит в противоположную сторону, оставляя меня в одиночестве искать в чужой квартире чайник и «ништяки в холодильнике». Терпеть не могу копаться в чужих вещах, а особенно в чужой еде. Но кто ж меня спрашивает-то...

Всем спасибо за отзывы и "нравится". Очень приятно знать, что кому-то интересен мой бред:))

Даже парочка слов всегда мотивирует писать продолжение, так что буду рада всем читателям ^^

Monarch — Stay

Егор.

— Ты уверена, что это хорошая идея? — спрашиваю я Розину, когда мы выходим из такси и останавливаемся недалеко от местного клуба.

Не могу назвать себя заядлым любителем ночных развлечений, громкой музыки и алкоголя, но иногда у меня просто нет выбора. В прочем, как и сейчас. Оставлять Соню одну в подобном заведении у меня нет никакого желания, особенно в компании Яны, заядлой тусовщицы, но и запрещать своей девушке идти на День Рождения подруги я тоже не имею права. А так убью двух зайцев одним ударом: и Розина будет довольна, и я не стану тонуть в пучине беспокойства.

— Да! — девушка радостно улыбается, осматриваясь. — Там, где я жила раньше, клубы — это настоящий отстой. Там только бухие алкаши и музыка девяностых. Хочу хоть раз побывать в нормальном месте и потанцевать.

Соня поправляет свою куртку, из-под которой виднеется подол фиолетового платья, заканчивающийся на середине бёдер. Девушка в туфлях на шпильке и без колготок. Если заболит — сама будет виновата. Я же особо не напрягался на счёт одежды. Джинсы и чёрная рубашка. Я даже, кажется, плохо её погладил...

— Не думаю, что ночной клуб можно назвать «нормальное место», — делаю в воздухе кавычки. — И вообще, что ты сказала предкам?

Соня крепко хватает меня под руку и оборачивается в сторону Яны и Юли, которые как раз вылезают из автомобиля. Обе девушки красивые и нарядные. Если бы я их не знал, даже не подумал бы, что они ещё школьницы.

— Правду, — как ни в чём не бывало бросает Розина, и я вскидываю бровь.

— Да ну? — фыркаю я.

— Сказала, что буду на др у своей новой подружки, которая устраивает пижамную вечеринку, — поясняет девушка, замечая мою насмешливую улыбку.

— Только ты забыла уточнить, что пижамная вечеринка будет проходить в клубе, — издаваюсь я.

— Ой, иди знаешь куда? — надувается Соня.

Я смеюсь — она легко стучает меня по плечу рукой, но не отстраняется.

— Закругляйтесь, голубки! — торжественно тянет Яна, подходя к нам. — Нас ждут великие дела!

Юля хихикает, поправляя сумочку на плече. Мы не задерживаемся на улице — здесь холодно и мерзко — и двигаемся в сторону клуба. В смежном коридоре тепло — охранник стоит возле вторых дверей и роется в телефоне, совершенно не обращая на нас внимания. На нём обычный официальный костюм, на вид ему за двадцать, волосы короткие и неопрятные, тёмного цвета. Уже здесь я слышу приглушённую музыку, басами отдающую в стены и заставляющую её вибрировать.

— Ма-а-акс, — именинница радостно вскрикивает, и парню приходится оторваться от экрана и вскинуть голову.

— Яна, — он ловко убирает телефон в карман брюк и усмехается.

Они обнимают друг друга в знак приветствия.

— С праздником, — тянет Макс, когда они отстранятся друг от друга. — Документы только предъяви и можешь проходить.

Куркина скрещивает руки на груди и с упрёком смотрит на друга, но тот выглядит серьёзным и непреклонным, словно ничто на свете не заставит его нарушить правила. Я бросаю взгляд на камеру над дверью и немного хмурюсь. Проходить в клубы без паспорта — это, в принципе, нормально. Сюда каждый день проскальзывают школьники и умудряются не попасться, даже я как-то был среди них.

— Ладно, шучу, — Макс расслабляется и кривится в усмешке. — Проходите.

Я встречаюсь с его пронзительными зелёными глазами, когда охранник открывает перед нами дверь и пропускает внутрь. Музыка тут же набрасывается на нас, словно голодное животное, и желание заходить внутрь пропадает, но Соня решительно тянет меня в сторону дверей, увлекая в полутёмное помещение вслед за своими подругами.

Единственный минус в этом месте — здесь нет гардероба. Вещи приходится тащить с собой и сваливать на соседние сидения — я бросаю свою куртку поверх одежды девчонок и сажусь на диванчик, вытягивая ноги под столом.

Вокруг полно народу, музыка давит на уши и сжимает голову своими тисками, хотя на самом деле она не оглушающая. На грани, когда можно потанцевать и поговорить.

— Расслабься, — Соня толкает меня в бок локтём, когда садится рядом. Яна с Юлей уходят в сторону барной стойки за напитками, и мы с Розиной остаёмся одни.

— Я расслаблен, — вскидываю руку, мол, куда ещё больше расслабляться. — Сама безмятежность! Можно хоть эйфорию из меня высасывать.

— Заметно! Всю дорогу небось только и думаешь о проигрыше, я же вижу.

— Я думаю о бесконечности этой вселенной и о том, есть ли кроме нас в этом мире разумные существа, — шучу я.

Девушка закатывает глаза и поправляет платье. Я наблюдаю за её движениями, скользя взглядом по обнажённым ключицам и шее: волосы собраны в красивую причёску, локонами спадающую на уши. У неё большая родинка на плече, а рядом совсем маленькая.

— Твои родинки похожи на Землю и на Луну, — провожу пальцами по коже Сони, кладя локоть на спинку диванчика.

Розина непонимающе хмурится, начиная разглядывать своё плечо, чтобы убедиться в правдивости моих слов. Её взгляд резко перемещается на меня, а губы трогает улыбка.

— Всегда думала, что это неправильный снеговик, — она снова толкает меня локтём в бок.

— Да что ты бьёшь меня всё время? — бормочу я, притворно потирая рёбра.

— Тебе же нравится, — не унимается она.

— Когда меня бьют? — фыркаю, бросая взгляд на соседний столик, за которым девчонка в коротком красном платье смеётся, разговаривая с каким-то парнем. Они сидят почти вплотную, и я вижу его руку под столом, которая навязчиво гладит колено девушки. Парень перемещает её выше, но, прежде чем пальцы добиваются до укромного места, я отворачиваюсь. — Я получаю удовольствие, когда бью других, а не когда меня избивают.

Соня Розина смеётся и снова стучает меня локтём в рёбра.

— Я тебя не избиваю, — она приближается чуть ближе и утыкается носом в мою шею. — Но могу укусить...

Девушка прикусывает мочку моего уха, а затем снова ударяет меня по рёбрам, но уже ладонью.

— Да хорош, — улыбаюсь я. — Синяк будет.

— Не будет, — она отстраняется и садится ровно. — Я совсем легонько...

Песня на мгновение замолкает, а затем начинается новая. Я скучающе осматриваюсь, бросая взгляд на танцпол, где девушки и парни проворно извиваются под музыку, соединяюсь в одну сплошную неугомонную массу. Возле бара стоят Яна с Юлей — я разглядываю их спины, пока девушки не прекращают флиртовать с барменом и не направляются в нашу сторону. В их руках я замечаю бутылку ликёра и четыре бокала. На мгновение я думаю о том, что скажет отец, если я вернусь домой пьяным, но потом мне резко становится всё равно. В ближайшие дни у меня нет тренировок.

— Смотрите, что у нас есть! — Куркина садится за стол и ставит перед нами бутылку. — Самый вкусный ликёр, который можно достать в этом городе!

Юля ставит на столешницу бокалы и присаживается рядом. Не ней бежевое платье с просторным подолом по колено, обтягивающим корсетом и рюшками на груди. На Яне же наоборот короткое блестящее чёрное платье, подчёркивающее её тонкие ноги.

Я скептически беру в руки бутылку и рассматриваю этикетку. Baileys Mint Chocolate. С мятой и шоколадом. Никогда такое не пил.

— Ты точно уверена, что мы не отравимся?

— Точно, — Куркина недовольно смотрит на меня.

— С шоколадом? — Соня забирает у меня бутылку. — Должно быть вкусно! Наливай скорее! Обожаю шоколад...

— Тебе лишь бы жопу нарастить, — я отбираю обратно ликёр и начинаю открывать. — Тут всего 17 %... Это же бабский напиток...

Куркина громко и демонстративно цокает языком и пододвигает ко мне бокалы.

— А тебе что, нажраться надо? Мы же не собираемся упиваться в хлам, — Юля роется в своём телефоне, с кем-то переписываясь.

Я ничего не отвечаю, разливая напиток. Сливки и виски, плюс мята с шоколадом. У меня будет заворот кишок...

— Вообще не знала, что у нас такое продают! — Соня нетерпеливо наблюдает за вязким напитком, заполняющим бокал.

— Просто нужно места знать, — Яна улыбается, довольная собой.

Я заканчиваю с напитками и ставлю бутылку в сторону. Каждый из нас берёт по бокалу, но мы не спешим пить. Все смотрят на Яну: её щёки горят от смущения, улыбка застыла на лице, словно на фотографии. Мы молчим, а потом поднимаем бокалы и хором вскрикиваем «С днём рождения!», словно заранее готовились к этому моменту.

С этого всё и начинается.

Мы веселимся в клубе почти до самого закрытия. Танцуем, заказываем новые напитки (откуда у Куркиной столько денег на алкоголь, я понятия не имею), разговариваем о всякой ерунде, я обнимаюсь с Соней и говорю ей всякие глупости о своих чувствах, и совершенно забываю об утреннем поражении, о соревнованиях и даже о своих родителях, которых я даже не предупредил, что вернусь домой поздно (у меня нет комендантского часа, и я могу приходить, когда захочу).

Я забываю обо всём, потому что я пьяный и влюблённый подросток, развлекающийся на Дне Рождения у подруги своей девушки. И в этот момент мне плевать на всё.

***

Мы садимся в такси и уезжаем, после того, как какой-то пьяный мужик начинает приставать к Куркиной. Розина держит меня на поводке, словно собаку, чтобы я не полез защищать Яну и не устроил в клубе потасовку.

Девчонки остаются ночевать у Яны, чтобы не палиться перед родителями, а мне приходится отправиться домой. Сейчас где-то три часа ночи, родители, скорее всего, уже давно спят, поэтому я рассчитываю на незаметное проникновение в квартиру. Из меня плохой ниндзя, особенно когда я пьяный: открыть дверь бесшумно у меня не получается. Я не сразу попадаю ключом в замок, а все мои усилия осторожно повернуть ручку и зайти внутрь проваливаются. Я хмурюсь, пытаюсь собрать остатки сил, чтобы добраться до комнаты и завалиться на кровать, стаскиваю ботинки и шумно вздыхаю. Все мои планы на незаметное проникновение рушатся, когда я понимаю, что на кухне горит свет.

Это не есть хорошо.

Я замираю посреди коридора, словно олень в свете фар, и смотрю на отца, медленно появляющегося из кухни. Кажется, он недоволен, но я не уверен, потому что с трудом могу сфокусировать взгляд на его лице. Я не двигаюсь, прекрасно понимая, если я сделаю шаг, то пошатнусь, и тогда сразу станет понятно, что я пил.

— Три часа ночи, Егор, — устало бормочет папа, скрещивая руки на груди.

— Чего не спишь? — я собираю все свои силы, чтобы мой голос звучал не как у заядлого алкаша.

— Тебя жду, — он пристально вглядывается в меня, но единственная мысль, которая вертится у меня в голове: я хочу прилечь и уснуть до следующего вечера.

— Я был на Дне Рождения, — стоять ровно у меня больше нет сил, поэтому я осторожно снимаю куртку. Меня слегка и почти незаметно шатает. Или мне это просто кажется? — С Соней.

Папа прислоняется плечом к косяку, и под его взглядом мне становится даже стыдно. Нет, не стыдно. Дико подозрительно и странно. Никогда ещё отец не ждал меня по ночам, чтобы прочитать лекцию о моём плохом поведении. Хотя, признаться, обычно я не хожу по клубам и не возвращаюсь в три часа ночи. Максимум в двенадцать или в час, и то трезвым. Да и в последнее время у меня в жизни одни лишь тренировки.

— С Соней? — он немного поджимает губы. — Ты что, пьян?

Я замираю, всем видом показывая, что это ложь.

— Нет, — напряжённо говорю я. Папа с упрёком наблюдает за мной, и я понимаю, что врать бесполезно. — Ладно, я пьян.

Как камень с души. Я расслабляюсь и неумело вешаю куртку на крючок. Не люблю врать родителям, да и вообще любому человеку. Я слишком прямолинеен, чтобы придумывать ложь.

— Я был в клубе на Дне Рождения Яны Куркиной, так что да. Я пьян, — я взмахиваю руками. — Завтра воскресенье. Я расстроен из-за проигрыша, так что позволь мне пойти в свою комнату и поспать, а завтра можешь отчитывать меня сколько пожелаешь.

Я не дожидаясь ответа и скрываюсь в своей комнате, заваливаясь на кровать и даже не раздеваясь. Спа-а-а-ать. Завтра разберусь со всеми проблемами. Сейчас у меня нет ни сил, ни настроения, так что зря отец прождал меня до трёх ночи. Хотя, это его проблемы...

дайджа x svmvrivn — Ветром

Соня.

Всё начинается с одного единственного сообщения «вконтакте». Это было в начале мая на праздниках, ночью, когда я сижу за ноутбуком и слушаю музыку, попутно переписываясь с Егором. Все уже давно спят, Маша как обычно ночует у своего друга-парня, и я единственная, кто не собирается ложиться в ближайшие несколько часов.

Мне грустно и немного тоскливо, как обычно бывает по ночам. Печальная музыка не разбавляет всей этой атмосферы, да и, признаться, для весёлых песен совершенно нет настроения. Я листаю ленту, щёлкаю фотографии, изредка отвечаю на сообщения Штормова. В остальном в сети настоящий штиль.

До тех пор, пока слева внизу не всплывает неожиданное оповещение.

«Привет, Сонь».

Я замираю, потому что имя человека, написавшего мне, кажется каким-то нереальным и пугающим. Всё внутри застывает и я даже перестаю дышать, пристально впиваясь взглядом в оповещение, пока то медленно растворяется. До последнего надеюсь, что мне просто показалось, я меняю страницу в сети на «диалоги» и смотрю на сообщение.

Нет. Этого не может быть. Этого просто не может быть.

Никита Верховский.

Часть моего прошлого. Один из моих старых друзей, с кем я тусила до того, как произошёл случай с Сашей Малийским. С Никитой я общалась лучше всех из нашей компании, но после того, как я согласилась на спор и начала зависать со старшеклассниками, я перестала поддерживать с ним контакт. Так же как и с остальными.

Что ему нужно? Почему он пишет мне спустя столько месяцев, словно бы ничего не случилось?

Я не открываю диалог: нажимаю на его имя и открываю страничку. На аватарке картинка с волком — я щёлкаю фотографии. У парня их немного, в основном все старые, ничего нового так и не добавилось. Верховский ничуть не изменился, по крайней мере на фото. Кожа болезненно-белая, волосы чёрные, глаза серые. Нос с горбинкой и россыпь красных точек на скулах. Я смотрю на него и на меня накатывают воспоминания. Всё это теперь для меня как какой-то далёкий и давно забытый сон. Смотри на его фото я чувствую стыд, ведь это я их бросила, я перестала гулять с ними, когда потерялась среди старших.

Я листаю его стену и вижу записи из пабликов для парней. В основном там мотивирующие цитаты на подобие «брат за брата» и посты с песнями. Особо не задерживаюсь на его странице и закрываю её. Снова задумчиво смотрю на диалоги. Отвечать или же нет?

Курсор мышки замирает на крестике в углу, и стоит мне нажать всего лишь на одну кнопку, как я удалю диалог, даже не прочитав сообщение. Взгляд скользит к сообщению от Егора, и у меня возникает желание рассказать ему, кто мне только что написал, но потом я листаю страницу чуть ниже и нахожу диалог с сестрой. Она онлайн с телефона, наверное,

сейчас лежит в постели с Мишей и смотрит телевизор. Или они уже начали заниматься сексом. А может, ни то и ни другое.

Я неожиданно открываю её страницу, нажимаю на список друзей и нахожу её парня-друга. Друга-парня. Кто их разберёт. Открываю его страницу. Он тоже онлайн с телефона. У него на стене одна запись, и то просто фотография обновления профиля. Тридцать пять фотографий, девять интересных страниц, двадцать две видеозаписи и двести тридцать восемь аудиозаписей. А ещё девяносто семь друзей. Я щёлкаю на его фото и просматриваю несколько шпук. Ну такой. Егор гораздо симпатичнее...

Фотки из армии, с друзьями. Какие-то ещё военные фотографии. С Машей нет ни одной, да и у неё тоже с ним нет снимков. Только в «инстаграме» у неё я видела парочку кадров, которые она делала у него в комнате. Просто селфи. И ещё у него есть кот.

Зачем я зашла на страницу Миши? Понятия не имею.

Снова открываю профиль сестры. Замечаю, что Миша написал у неё на стене какую-то ересь на тему одной из компьютерных игр, и полностью закрываю страницу браузера.

Возвращаюсь к диалогам.

Пишу два сообщения. Сестре: «Ты блять не поверишь, мне Никита Верховский написал!!!».

И Нику: «Привет».

Прикусываю губу и откидываюсь на подушку, удобнее устраиваясь на коленях ноутбук. Любопытство сильнее меня, поэтому я не могу просто взять и проигнорировать старого друга. Просто узнаю, чего он хочет и всё.

Маша отвечает почти сразу: «Да ла-а-а-адно! Чё ему надо? Шли к херам».

«Я хз. Написал «Привет, Соня». Я тоже тип «привет»».

Мне пишет Егор: «Чего замолчала?».

Я ему не отвечаю, потому что замечаю, что Верховский читает моё сообщение и начинает что-то печатать. Всё внутри меня замирает. Иконка «печатает» мигает долго, и это начинает раздражать.

Пока он пишет, приходит сообщение от сестры: «Да в чс кидай его и всё. Зачем вообще ответила? Он же на голову больной».

Я фыркаю. Нет. Никита не больной на голову. Он немного трусливый и в то же время отчаянный хулиган. Мы часто с ним лазали по гаражам на окраине и воровали яблоки.

«Как дела? Давно не общались. Хотел извиниться, это ведь из-за мы развели тебя на спор. Если бы не мы ничегбы не случилось».

Я закатываю глаза из-за ошибок и опечаток. Господи. Если уж собрался извиняться, то хотя бы писать научился бы нормально. Терпеть не могу людей, которые в элементарных вещах ошибки делают. Наверное, у меня это от сестры, её тоже неграмотные болваны раздражают.

«Ничего страшного. Всё забыто. У меня всё отлично. Ты что-то хотел?», — пишу ему, а потом пересылаю сообщения Маше.

Егор не оставляет меня в покое, но у меня нет сейчас желания отвечать ему:

«Со-о-онь».

«Любовь моя».

«Луна моей жизни».

«Или как там карлик говорил. Сраный сериал».

«А, это не карлик. Эта та тёлочка с драконами».

«Ну, Сонь».

«Не молчи».

И куча грустных смайликов, а следом за ними сердечки.

Сестра выходит из сети, и я понимаю, что она теперь полностью уделила внимание своему Мише. Верховский снова что-то печатает.

«Просто неудобно получилось».

«Ты уехала и даже не попрощалась».

«На звонки не отвечаешь страницу вк удалила».

Я прикусываю губу. А что здесь странного? Я сменила номер. Думаю, и так понятно, что я не хочу общаться ни с кем из своего прошлого.

«Случайно наткнулся на профиль твоей сестры а потом нашёл твой. Решил написать. Всётаки мы дружили когда то. Всё как то неправильно выходит».

«СО-О-О-ОНЯ», — Егор.

Я вздыхаю.

«Ник, всё нормально. Я не обижаюсь. Просто такая ситуация случилась, и её уже не изменить. Сейчас у меня всё отлично, так что не переживай. Как там остальные?», — пишу Верховскому.

На меня накатывает ностальгия и я улыбаюсь.

«Да я засмотрелась видео, — пишу Штормову. — Не злись, пусь:».

«Я как раз тебе и пишу по этому поводу, — сообщение от Ника. — Мы в городе будем. Я и Тим. Вот думали мож ты захочешь пересечься и потусить где нить. Как раньше. Поболтаем и всё такое».

Я зачем-то снова пересылаю сообщения Маше, хотя та давно уже не в сети. Ну, потом прочитает.

Пересечься? Даже не знаю. Хочу ли я встречаться со своим прошлым и поговорить о былых днях? У меня новая жизнь и как-то не хочется снова окунаться в старое. Но ведь это же Ник. И Тим. Я даже не помню, когда мы в последний раз виделись. Всё-таки когда-то мы были не разлей вода, постоянно гуляли, болтали о всякой ерунде, промышляли шалости. Детство теперь кажется таким далёким и недостижимым.

Может быть, ничего страшного не случится, если я встречу со старыми друзьями и проведу с ними пару часов. Сейчас я вдруг понимаю, что совсем чуточку скучаю по ним...

«Ок. Давай. Когда и где?».

Верховский не отвечает долго. Он висит онлайн минут десять, затем выходит из сети. В это время возвращается Маша. Даже думать не хочу, чем она занималась последний час, а может, и не занималась...

«Пойдёшь на встречу?», — пишет сестра.

«Да. Они всё-таки мои друзья. Были ими когда-то».

«Как знаешь. Потом расскажешь чё, как».

«Ага».

Она снова пропадает, наверное, уходит спать. Егор тоже исчезает, даже не пожелав спокойной ночи, а я ещё недолго сижу онлайн. Спать не хочется, но заняться совершенно нечем. Буквально перед тем, как я решаю выключить ноутбук и попытаться отправиться в мир снов, мне пишет Ник.

«Завтра. В три. В центре возле парка. Норм?».

«Ага. Договорились».

Я отключаю ноутбук, чтобы меня больше не соблазняли никакими сообщениями, и забираюсь под одеяло. Что ж, завтра меня будет ждать долгий и трудный день. Завтра мне нужно будет встретиться со своим прошлым, и я понятия не имею, как всё пройдёт, а пока нужно поспать, иначе на утро буду как ходячий мертвец. А что, было бы прикольно...

Plan Three — Still Broken

Соня.

Утро оказывается болезненным и тяжёлым. Я сплю до самого обеда, пока желание валяться в постели не пропадает, и только после этого вылезаю из-под одеяла и направляюсь в душ. Тело ломит, а мысли о том, что через несколько часов мне нужно будет идти на встречу со старыми друзьями, удручают. Не знаю, хорошей ли была идея соглашаться на предложение Ника, но отказываться уже поздно.

Дома никого нет, что странно, потому что у отца выходной, а мама редко покидает квартиру. Сестра пробудет все праздники у Миши, а я, словно бедный родственник, должна наслаждаться одиночеством.

Взбодрившись под прохладными струями воды, я привожу себя в порядок и направляюсь на кухню, чтобы перекусить. По пути захожу в комнату и прихватываю с собой сотовый, машинально заходя «вконтакт». У меня парочка непрочитанных сообщений от Егора.

«Прости, вчера уснул. Утром тренировка, не хочешь пересечься вечером?».

«Хорошо. Напиши, когда освободишься», — отвечаю Шторму.

Я широко зеваю, потирая глаза, кладу телефон на стол и подхожу к чайнику. Воды в нём достаточно, поэтому я просто нажимаю на кнопку и включаю его. Мама вечно ругается, что мы по сто раз кипятим одну и ту же воду, мол, чайник испортится, и придётся покупать новый, но графин уже полон, поэтому всё равно это добро девать некуда.

Форточка открыта, и тёплый майский ветерок врывается в квартиру. Солнце пригревает всё ещё отходящий от зимы город, погода на улице — настоящая сказка. После морозов и слякоти, которые преследовали меня последние месяцы, я чертовски рада, что теперь можно надеть джинсовую куртку и кеды, больше не заботясь о холодах.

Но приближающееся лето готово обрушить на меня не только жару и каникулы, но и предстоящие экзамены. Девятый класс почти позади, буквально через две недели последний звонок прозвучит для старшеклассников и для тех из нас, кто собираются покинуть школу. В их числе и Егор Штормов, отказывающийся идти в десятый, даже не смотря на мои уговоры.

Выпускной намечен буквально после экзаменов, так что платье нужно покупать уже сейчас, чтобы не возиться с ним в последний момент. Я понятия не имею, купит ли мне его отец, у него же хроническая отмазка «денег нет». В любом случае, я могу взять платье сестры, которое она надевала в одиннадцатом классе. В принципе, мне всё равно.

А что на счёт экзаменов? Я всё-таки решила сдавать обществознание, потому что это самый лёгкий предмет из всех, биологию, ибо она у меня получается лучше всего, и литературу. Плюс основные — это русский и математика. Выбора особо не было. Я не сильна в датах и исторических фактах, путаюсь в географии, а химия с физикой вообще не для меня. А уж про английский я вообще молчу... Я даже сомневаюсь, что смогу сдать литературу, но надеюсь, что раз у сестры неплохо получается писать сочинения, то я тоже наскребу пару строчек для анализа какого-нибудь текста. Тем более по этому предмету у

меня твёрдая четвёрка.

В принципе, самое главное, набрать проходные баллы, затем отучиться последние два года, сдать следующие экзамены и поступить куда-нибудь в вуз. Надо найти что-нибудь, где точно есть бесплатное обучение. Может, поступить в какой-нибудь технический вуз на инженера? Вроде как востребованная профессия, и берут всех подряд. Пока что я понятия не имею, кем хочу быть в этой отстойной жизни.

Чайник закипает и щёлкает кнопкой, оповещая, что ожидание закончилось. Я вырываюсь из своих мыслей и поднимаюсь на ноги. Заварив себе чай, я достаю печенья и сажусь за стол. Вообще в нашем доме нечасто можно найти что-нибудь вкусное к чаю. Мы редко покупаем печенья и ещё реже конфеты, потому что съедаем их практически сразу же.

Мама не работает, а выбить у отца денег хоть на какие-то вкусняшки просто нереально. Понятия не имею, куда он спускает всю зарплату, но каждый раз, когда просишь у него немного средств на «погулять» или «что-то купить», он говорит одно и то же. Денег нет.

Бабушка у нас точно такая же. У неё тоже вечно нет ни копейки, хотя сама получает неплохую пенсию и сидит на мешке с золотом.

Я допиваю чай и понимаю, что сидеть дома нет никакого настроения, особенно когда на улице такая прекрасная погода. А ещё я не хочу пересекаться с родителями или вообще хоть с кем-то из родственников, поэтому я одеваюсь, закрываю квартиру и ухожу.

Свежий весенний воздух майских деньков обрушивается на меня, заставляя улыбнуться. Всё-таки я люблю весну. Ничто не сравнится с моментами, когда мир только начинает зарождаться. Распускаются листья на деревьях, трава пробивается сквозь слой сгнившей за зиму листвы, солнце приветливо улыбается каждому, кто покидает свой дом.

Я в распахнутой джинсовой куртке и в любимых кедах, что может быть лучше этого?

До встречи с Никитой Верховским и Тимом Красиным у меня чуть больше часа — я намереваюсь пешком отправиться к центральному парку, чтобы хоть как-то убить время и заодно насладиться хорошей погодой. Достаю из кармана спутанный клубок наушников и на ходу начинаю распутывать их, думая о том, что даже такие мелочи не испортят мне сейчас настроение.

Музыка поглощает меня, когда я выбираюсь из переулков на главную улицу и медленно бреду в сторону центра города. Шум машин и звуки оживлённого района добираются до меня сквозь песни, и я улыбаюсь чуть шире.

За эти месяцы я сильно привыкла к новому месту жительства, и теперь даже не представляю, свою жизнь где-то ещё. Все эти дома и магазины, парки и кафешки, речка с её казалось бы бесконечными водами, и ещё куча неизученных мною мест. Всё это стало для меня родным меньше чем за полгода.

До парка я добираюсь долго, но даже не смотря на то, что я прихожу чуть раньше назначенного времени, парни меня уже ждут. Я замечаю их сразу — они сидят на скамейке недалеко от фонтана и о чём-то разговаривают. Ребята совсем не изменились. Никита — черноволосый мальчишка чуть выше меня ростом в зелёной распахнутой куртке вытянул свои тонкие ноги и откинулся назад, облокотившись руками позади себя о скамейку. Тим в джинсовой куртке, парень крупнее своего друга, он более коренастый и волосы у него рыжие.

Ещё не хватает Андрея и Дэна. Обычно мы тусовались впятером, и сейчас, медленно и неохотно приближаясь к своим старым друзьям, я невольно вспоминаю моменты, когда мы были детьми. Как мы смеялись, вытворяли всякие глупости, как соседи жаловались на нас.

Такое чувство, что это было сто лет назад.

Ник первым замечает меня — он на мгновение замирает, замолкая, и мне кажется, что его улыбка на долю секунды меркнет, но затем ко мне оборачивается Тим, и вся иллюзия в моей голове испаряется. Я вынимаю наушники, небрежно убирая их в карман, и останавливаюсь в паре шагов от парней.

— Привет, — неловко бормочу я.

Я выдавливаю из себя улыбку, переступая с ноги на ногу. Теперь, когда между нами всеми такая большая пропасть, я просто не знаю, о чём можно поговорить с ними.

— Привет, — Тим первым поднимается на ноги после недолгого ступора, и обнимает меня.

Я не ожидаю подобного, но всё-таки машинально стискиваю его руками. Парень отстраняется и кивает на скамейку, намекая, чтобы я села. Стоя мне гораздо комфортнее, но я всё-таки благодарно улыбаюсь и присаживаюсь. Теперь я ощущаю себя уязвимой.

— Даров, — Ник протягивает мне руку, и мы стучаемся кулаками, как и в старые времена. — Ну, как дела?

Я неопределённо пожимаю плечом, вытягивая ноги, и недолго молчу.

— Нормально, — говорю я. — Новая школа, новый город, знакомства и всё такое. Начала жить с нуля. Волосы перекрасила, — шучу я.

— Да, мы замели, — Тим усмехается. — Неплохо выглядишь, кстати.

— Спасибо.

Неловкость нарастает — я прикусываю губу, пытаюсь зацепиться хоть за какую-нибудь ниточку и начать разговор, но в голове настоящая каша. Даже подумать страшно о том, что когда-то мы могли безмятежно болтать обо всём на свете.

— Вы то как? — интересуюсь я. — Как остальные?

— Да всё так же, — Ник отмахивается. — Дэн всё никак не может байк свой собрать до конца, Андрей решил после девятого свалить в техникум. Его отец совсем спился, а мать с новым любовником свалила путешествовать по стране. Он вроде как дальнобойщик или типа того.

Я прищуриваюсь из-за припекающих солнечных лучей, ветер приятно шевелит волосы и голос Верховского становится тише, словно кто-то убавил громкость радио.

— А вы? — интересуюсь я.

Тим достаёт сотовый и кому-то печатает. Ник отмахивается и садится ровно.

— Мы думаем после девятого поступить сюда, переехать в общагу, — бросает Верховский. — Но сначала надо с экзаменами разобраться. У меня брат здесь в техникуме учился, говорит, норм местечко. И бюджетные места есть.

— Звучит неплохо, — комментирую я.

— А вообще, на самом деле ничего нового, — Никита облакачивается предплечьями на колени. — Всё так же. После того, как ты уехала, кипиш стоял недолго, говорили, мол, ты хотела школу грабануть и всё такое. Типа с тобой ещё кто-то был, но ты никого не сдала. Учителя пытались нас вразумить, что так делать плохо и бла, бла, бла. Ты у нас там типа новой звезды. Половина школы тебя боготворила, а половина осуждала, но сейчас уже всё улеглось. Сплетней было много, но это просто разговоры. Как обычно бывает.

— М, — я фыркаю. — Поэтому мы и свалили оттуда, чтобы дерьмо никто не перемешивал. Здесь, кстати, гораздо лучше.

— Это да, город-то большой всё-таки, — Тим убирает сотовый в карман, затем достаёт

пачку сигарет и прикуривает. Дым нервно вырывается из его рта. — Все сюда рвутся.

— Вы тоже, — замечаю я.

— Ага, — Ник усмехается. — Жду не дождусь, когда свалю из той дыры. Там уже совсем делать нечего.

Я ничего не отвечаю, вспоминая «ты дыру». Двор, где я выросла, гаражи, по которым мы лазали в детстве и воровали яблоки, старую потрёпанную школу, магазинчики, своих одноклассников, старые велики и посиделки вечерами на задворках. Тогда это казалось всем для меня. Сейчас же просто затухающие воспоминания, которые приносят мне одну лишь тоску по былым временам.

— А вы здесь как? — спрашиваю я, чтобы не молчать. — Гуляете или по делам?

Тим затягивается, шумно выдыхая дым, и поддевает носком кроссовка какой-то камень, который катится в сторону и исчезает в траве.

— Да просто решили выбраться, — Ник пожимает плечом. — Погода хорошая. Да и ты тут живёшь, подумали, почему бы и не встретиться.

— А чего остальных не взяли с собой?

Парни переглядываются. Ник неопределённо качает головой, а Тим выбрасывает окурок под ноги и тушит его ботинком. У меня создаётся впечатление, что ребята как-то напряжены. Хотя, может быть, мне просто кажется. Я сама неловко чувствую себя рядом с ними после всего, что случилось.

— Не знаю, — Верховский улыбается, когда смотрит на меня. — Мы с ними не особо общаемся в последнее время. Они вроде как начали зависать среди старших.

Я хмурюсь, облизывая губы.

— С Малийским? — осторожно спрашиваю я.

— Не совсем, но да, — Тим прокашливается. — Малийский... Он типа сюда переехал. Живёт у своих друзей где-то в городе. И...

— Прости, Сонь, — выпаливает Никита, и я не понимающе смотрю в его сторону.

Взгляд Верховского направлен куда-то за моё плечо — я медлю, а потом резко оборачиваюсь. Всё внутри меня замирает, сжимается, а затем разлетается на тысячи кусков. Холод неприятного страха сковывает мои внутренности, и я падаю куда-то в пропасть, совершенно забывая обо всём, что происходит вокруг меня.

В нашу сторону решительно направляется Саша Малийский. Я узнаю его фигуру мелькающую между прохожими, и меня накрывает неожиданный приступ тошноты. У него коренастые плечи, чёрная толстовка с накинутым капюшоном, синие джинсы и кеды.

— Он что здесь делает? — с ужасом выпаливаю я.

— Прости, — Тим отступает, чтобы не нарваться на мою горячую руку. — У нас не было выбора. Он прессует нас уже месяц. Парни рассказали, что мы с тобой типа хорошо ладили раньше, Малийский заставил нас тебя вытащить. Грозился избить нас, если мы не послушаемся.

— Сонь... — Ник пытается дотронуться до меня, но я резко вскакиваю на ноги.

Ужас охватывает меня до самых кончиков пальцев, и я на дрожащих ногах почти бегом бросаюсь в противоположную сторону от приближающегося призрака из моего прошлого. Что ему от меня надо? Столько времени прошло, зачем он опять хочет связаться со мной?

— Сонь! — кричит Тим, но я не обращаю на него внимания.

Единственное желание, заполняющее мою голову до самых краёв, — поскорее убраться отсюда и ни за что на свете не пересекаться с Малийским. Что бы он не задумал, о чём бы не

хотел поговорить со мной.

Всё перед глазами мутнеет — я случайно налетаю на какого-то прохожего, который чуть не сбивает меня с ног, и, даже не извинившись, поспешно двигаюсь дальше. Мне чертовски страшно. Всё внутри то ли горит, то ли покрывается льдом.

— Ро-о-озина! — тяжёлая рука ложится на моё плечо, но я резко сбрасываю её и отшатываюсь в сторону.

— Отвали!

Я замираю. Передо мной стоит Саша Малийский, его когда-то тёмные волосы высветлены до белоснежного отека, карие глаза практически не имеют зрачков, еле заметная щетина покрывает челюсти. Я уже совсем забыла, как выглядит этот человек.

— Чего тебе? — грубо бросаю я, не скрывая своего отвращения.

— Воу, — Саша вскидывает руки, мол, не кипятись. — Просто хотел увидеться. Извиниться. Типа отстойно с тобой поступили тогда. Но ты тоже хороша, не надо было стоять там как статуя. Я думал, ты следом за нами бежишь.

Я скрещиваю руки на груди и опускаю взгляд, не в силах больше смотреть на парня. Внутри меня с невероятной скоростью нарастает напряжение.

— Хотел сказать спасибо, что ты не сдала нас, — продолжает он, делая шаг ко мне. Я снова отступаю.

— Всё? — бросаю я. — Я пошла. Пока.

Я разворачиваюсь, собираясь демонстративно уйти как можно дальше от парка, но Малийский сильно хватает меня за локоть, заставляя остановиться. Его пальцы цепкие и чертовски болезненные.

— Да куда ты всё бежишь, — он шмыгает носом, пытаясь притянуть меня поближе. Я замахииваюсь, чтобы оттолкнуть Сашу, но он перехватывает руку и сильно сжимает моё запястье. — Я соскучился...

Его тошное отвратительное дыхание касается моей кожи, и я еле сдерживаюсь, чтобы не поморщиться в омерзении. Соскучился? Он что с дуба рухнул совсем?

— Отпусти! — голос срывается. Я выдёргиваю одну из рук и пытаюсь избавиться от второго захвата. — У меня есть парень, ясно?! Отвали от меня!

— Что, блять? — Саша резко дёргает меня на себя. — Какой, сука, парень. Ты моя, Розина. Была ей и остаёшься. А то, что ты сбежала на все эти месяцы, это твоя проблема. Мы не расставались с тобой. Так что мне поебать, кто там у тебя.

Я шокировано выдыхаю, замирая, словно остолбеневшая.

— Ты что, больной? — кривлюсь я. — Ты меня бросил там, подставил меня. Это из-за тебя мне пришлось уехать. Я ничего не хочу иметь общего с тобой, понял? — сильно дёргаю руку, вырываясь из его хватки, а потом отшатываюсь назад. — Дураку понятно, что мы с тобой больше не мутим. Всё давно уже кончено. Да и я просто поспорила на тебя! — голос срывается на крик. — Так что между нами изначально ничего не было! Мудак! Больше не подходи ко мне никогда!

Я резко разворачиваюсь и бегом направляюсь в сторону выхода из парка, чтобы Малийский не решил пойти за мной. Придурок. Встречаемся мы с ним, ага. Совсем с ума сошёл! Чтобы я ещё раз с ним связалась!

Чёрт... Не надо было вообще соглашаться на эту встречу. Знала же с самого начала, что это всё плохо закончится...

Охххуmiron — Переплетено

Соня.

Я не помню, как добираюсь до квартиры, — двери хлопают, когда я врываюсь в коридор, нервно поворачиваю ключи, скидываю кеды и скрываюсь в своей комнате. Только когда я забираюсь на кровать и обнимаю колени руками, я прихожу в себя и медленно начинаю понимать, что произошло в центральном парке.

Саша Малийский. Он подговорил моих бывших друзей, чтобы они вытащили меня на встречу, потому что прекрасно понимал, что я ни за что в жизни не соглашусь поговорить с ним, если он лично меня позовёт. Я удалила старую страницу «вконтакте», сменила номер и ему понадобилось бы куча времени и усилий, чтобы отыскать меня. Если бы не сестра, никто бы не смог найти мой профиль в сети, потому что у меня там ненастоящее имя. Да и фотографий почти нет. Надо попросить Машу, чтобы она меня скрyla.

И что я теперь имею? Саша живёт где-то в городе, и я могу в любой момент случайно столкнуться с ним на улице. И я сомневаюсь, что он так просто оставит меня в покое. Чего он хочет? Снова отношений? Но я теперь с Егором и мне плевать на то, что жаждет человек, испортивший мне когда-то жизнь.

Я долго сижу в комнате и думаю, что же делать дальше? Рассказать родителям? Но что они сделают? Егору? Он сразу пойдёт разбираться, а я не хочу, чтобы у Штормова были проблемы из-за этого придурка. Смогу ли я сама отделаться от Саши, не наворотив ещё больше проблем на свою голову?

Не знаю, сколько проходит времени, прежде чем я слышу, как открывается входная дверь. Я думаю, что это кто-то из родителей, поэтому не обращаю на возню в коридоре никакого внимания. Я напряжена, мне страшно и ужасно противно. Я потираю запястья, которые недавно сжимали сильные пальцы Саши, и неприятно морщусь. Наверное, синяки останутся.

Дверь комнаты резко распахивается, и я вздрагиваю, еле сдерживаясь, чтобы не вскрикнуть от неожиданности. Внутрь врывается сестра, она прикрывает преграду и облокачивается на неё спиной. Мы несколько секунд смотрим друг другу в глаза — они у сестры расширены и наполнены каким-то нескрываемым ужасом, и я невольно думаю о том, что её друг-парень сделал ей что-то плохое. Неужели обидел или... даже не знаю. У них вроде всё нормально было.

— Меня Малийский нашёл, — выпаливает Маша.

— Да ладно! — меня охватывает страх.

Она трясёт головой и пересекает комнату, забираясь на кровать.

— Я с Мишей была, мы направлялись к его другу. Ему надо было там что-то забрать, но не суть, — сестра покрасневшая, она переводит дыхание, прежде чем продолжить. — Не знаю, как он меня нашёл. Может, случайно увидел на улице. Хз. Он такой догоняет нас и окрикает меня, типа «Эй, Розина». Сначала не узнала вовсе его, а потом он капюшон

снимает, волосы белые, высветленные. Я думаю, ну всё. Капец. Спрашиваю, мол, что надо, а он мне «хочу с твоей сестрой перетереть, устрой встречу».

Я выдыхаю, обнимая ноги. Внутри меня трепещет напряжение, и я вдруг понимаю, что совершенно ничего не хочу слышать по поводу Малийского, но сестра не останавливается.

— Я ему говорю, чтобы не приближался к тебе, а он меня начинает убеждать, мол, я её люблю и всё такое. Хочу извиниться перед ней. Начал выпрашивать наш адрес, твой номер телефона. Я его послала и сказала, что у тебя есть парень и чтобы он держался от тебя подальше. Если приблизится, я его собственноручно прибью, — Маша на мгновение останавливается, прокашливаясь. — Так он как услышал, что у тебя кто-то есть, совсем двинулся. Начал наезжать, что ты его девушка и всё такое, а там уже Миша вмешался, когда понял, что всё слишком далеко заходит. Ну, Малийский и слился. Мой-то покрупнее его немного, да и не брился, выглядит как мужик брутальный, — она на мгновение улыбается, а затем возвращается в реальность. — Короче, это жуть.

Я фыркаю и недолго молчу. Меня ещё больше охватывает неприязнь и тошный отголосок страха. Если Саша добрался до сестры, то что будет дальше? Это ещё он не знает, где мы живём. Если пронюхает, по любому будет караулить возле подъезда. Такими темпами он пересечётся с Егором, и не дай бог решит избавиться от Шторма. Парень, конечно, боксёр, но Малийский больной на голову...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я виделась с ним сегодня, — бормочу я, и Маша резко поворачивает ко мне голову. Я неловко дёргаю плечом и шумно вздыхаю. Не хочется говорить об этом, но выбора нет. — Он заставил Верховского вытащить меня на встречу. Я как дура согласилась, пришла в парк. Там Ник и Тимом. Ну, поболтали немного, а потом пришёл Малийский, и они начали извиняться, типа у них выбора не было, а я испугалась и рванула в другую сторону, но Саша меня догнал, — я осекаюсь, вспоминая, что было дальше. Сестра выжидающе смотрит на меня. — Он начал извиняться, нести бред, что скучал и всё такое. Сказала, что у меня есть парень, а он взбесился, типа я только его и что сама виновата, раз сбежала. Якобы, раз мы официально не расставались, то всё ещё встречаемся. Я его послала и убежала.

— Жуть, — тянет сестра, откидываясь назад спиной и облокачиваясь на стену. — Надо что-то с этим делать. Если он и дальше будет преследовать тебя, это добром не закончится.

Я качаю головой.

— А что здесь сделаешь? Он просто так не отстанет. Его бесполезно отшивать, — я вздыхаю, облизывая губы.

Вот за что мне всё это? Если бы я знала, что какой-то спор разрушит мою жизнь, никогда бы не согласилась на него. И не связалась бы с этим маньяком ни за что на свете. Что будет в следующий раз, если он меня поймает на улице? Или узнает, где я живу. Я теперь даже из дома буду бояться выйти, меня убьёт паранойя. Мне как-то не особо хочется дёргаться из-за каждого шороха и бояться даже свою собственную тень.

— Я могу попросить Мишу с ним разобраться. Или Диму, — предлагает сестра. — Они найдут его и отвадят от тебя.

Я снова качаю головой.

— Его это не остановит, — бормочу я. — Если его побить, он соберёт своих приятелей и пойдёт мстить. Он не из тех, кого можно припугнуть и надеяться, что он будет обходить нас стороной.

Маша морщится и поджимает губы. За окном включается сигнализация какого-то авто,

и я даже вздрагиваю, опасно косясь на виднеющиеся соседние здания. В любом случае сидеть вечно в этой комнате — это не выход. Надо решить проблему раз и навсегда.

— Ладно, — сдаётся Маша, очевидно, взвешивающая все за и против своего предложения. — Но всё равно тебе нужно рассказать Егору об этом. Пусть он хотя бы провожает тебя до школы и обратно, пока не уляжется всё это дерьмо. И носи перцовый баллончик в кармане. Я тебе свой отдам. Мало ли...

— Ага, — я киваю. — А ты?

Она отмахивается.

— Я Саше не нужна, — бросает сестра. — Могу и сама за себя постоять. На крайняк вместо перцового можно воспользоваться обычным дезодорантом. Или возьму шокер у отца, — она смеётся и поднимается на ноги. — А ещё лучше пневматический пистолет, которым он раньше воробьёв убивал. Так. Ладно. Я пойду перекушу и снова сваливаю к Мише, мы планировали заказать суши и купить немного пива. Не хочу пересекаться с предками.

— Ага, — снова бросаю я.

Сестра направляется к выходу, но в дверях останавливается.

— А ты обязательно поговори с Егором, поняла? Или я сама это сделаю.

— Да ладно, ладно, — выдыхаю я. — Всё нормально. Я была и не в такой жопе, так что не волнуйся.

Маша закатывает глаза и скрывается в коридоре, а я остаюсь в одиночестве на своей кровати думать о том, что же мне делать дальше. В одном сестра права: я должна рассказать о Малийском Штормову. И даже не для того, чтобы он меня защищал, а чтобы Егор был осторожным и не нарывался на неприятности. Может быть, проблемы смогут обойти нас стороной.

Зомб — А мы мешали любовь с табаком

Егор.

Я совершенно забиваю на приближающиеся экзамены, погружаясь в тренировки. Областные соревнования проходят для меня не так идеально, как я хотел бы, и поэтому сейчас у меня нет времени заниматься математикой. Мне совершенно не важно, сколько баллов я наберу на ОГЭ, а минимальный порог я с лёгкостью смогу набрать на тестах. Я собираюсь посвятить свою жизнь боксу, поэтому мне совершенно нет никакого дела до школы и всей этой суеты. Алгоритмы и сочинения по русскому не пригодятся мне в жизни.

Теперь моя жизнь поделилась на две части: тренировки и Соня. Иногда они пересекаются, бывает, проходят параллельно друг другу, а порой вообще смешиваются и превращаются в кашу.

Я прошёл на региональные соревнования, но с трудом вошёл даже в первую десятку. Восьмое место — это не то, на что я рассчитывал. Отец говорит, что моя защита провисает и что я слишком много даю себя бить, поэтому мы меняем стратегию наших тренировок. Я должен постараться на следующих спаррингах и выиграть главный приз: сто двадцать штук.

— Подними плечо и прижми к подбородку, — говорит отец. — Вот так, да. Держи плечи параллельно.

Я поднимаю левое плечо, а правое опускаю — это позволит мне избежать ударов в челюсть. Эта стойка сложная и непривычная, но в ней меня не сможет достать правый хук, зато я смогу с лёгкостью использовать свою руку.

— Плечо защищает челюсть, — говорит папа. — Стой боком к противнику, работай корпусом и ногами. Вот так.

Он показывает парочку приёмов, и я киваю.

— А зачем вот это? — я киваю на тросы, которые папа натянул на ринге от одного угла к другому. — Левшу пересмотрел что ли? — смеюсь я.

Отец закатывает глаза.

— Я не смотрел, — он отряхивает руки. — Будешь отработать уклонения от атаки. Смотри, — тренер в одном из натянутых тросов и встаёт к нему спиной. — Прислоняешься спиной, а затем уходишь под ними вот так.

Он нагибается, проходит корпусом под тросом и оказывается с другой стороны.

— Держишь угол параллельно, понял? — отец снова повторяет движение, подняв руки перед собой в защитной стойке. — Плавно в сторону. Вот так. Не забывай про плечо. Ставь им блок, это твоя защита. И коленями работай. Ноги особо не открывай от пола. Пусть противник промахивается. Давай ты.

Я шумно вздыхаю и встаю на место папы, прислоняясь плечами к тросу. Нагибаюсь и прохожу под ним, словно уходя от атаки.

— Медленнее, — командует отец. — Не спеши. Шаг, — я делаю движение. — Хорошо. Шаг, — снова прохожу под тросом. — Шаг, — опять повторяю то же самое. — Плавно. Шаг.

— Да брешешь, что не смотрел, — прохожу под тросом. — В точности всё как в

фильме.

— Заткнись и отработывай, — раздражается папа.

Я усмехаюсь, но ничего не отвечаю. Не хочет признаваться, и не надо. В фильме чувак стал гораздо сильнее благодаря таким тренировкам, так что мне это только на руку. Новые приёмчики мне пригодятся.

Шаг. Замер. Шаг. Прошёл под тросом. Поднял плечо. Согнул колени.

Я долго тренируюсь, прежде чем отец разрешает мне передохнуть. Спустившись с ринга, я обмениваюсь шуткой с парнем, сидящем на скамейке и отдыхающим после работы с грушей, и направляюсь в раздевалку. Жарко. Смахиваю пот со лба, снимая перчатки, и падаю на скамейку. Достая бутылку с водой, делаю шумные глотки спасительной жидкости, затем бросаю перчатки под ноги и нахожу в рюкзаке сотовый. Соня звонила мне три раза. Прислала сообщение «надо поговорить, позвони».

Хм. Окей.

Перезваниваю своей девушке, пытаюсь выровнять дыхание, чтобы лёгкие меня не подводили во время разговора, снова делаю парочку глотков. Впереди у меня ещё груша и пробежка вечером. Сегодня буду спать, как убитый.

Розина не берёт трубку. Перезваниваю ей ещё раз, но быстрые гудки оповещают меня, что линия занята. Ну, вот как обычно...

Собираюсь уже убрать телефон в сторону, чтобы позвонить позже, но в этот момент высвечивается входящий вызов от девушки.

— Да, зайка моя, — улыбаюсь я, зажимая бутылку коленями и закрывая крышку правой рукой. Левой держу телефон возле уха.

— У меня проблемы, — выпаливает Соня.

Я настороженно замираю, оставляя своё занятие и перехватывая бутылку пальцами.

— Что-то случилось? Ты где?

Она шумно вздыхает и бурчит нечто невнятное.

— Я дома, — тянет Розина. Затем медлит. — Ну... Я... Помнишь, я рассказывала, что типа... как бы...

— Да не мямли, говори, как есть, — раздражаюсь я.

Ставлю банку на скамейку и облакачиваюсь локтями о колени, перехватывая сотовый в другую руку. Не люблю, когда начинают тянуть резину и говорить непонятные вещи. Проще по сути разложить что да как, а не размешивать бессмысленную воду.

— Короче, меня Саша Малийский нашёл, — неохотно выдавливаю из себя Розина.

Я мгновение медлю. Саша Малийский? Это ещё что за перец?

— Это... Эмм... — а я вообще знаю его? Вроде что-то знакомое.

— Это мой бывший, — вкрадчиво поясняет Соня. — На которого я поспорила. Затусила с ним и со старшими, а потом он меня бросил в школе, когда мы пытались ограбить директрису. Помнишь, я как-то рассказывала.

— А-а-а, — вспоминаю я. — Да. Помню. Просто сразу не сообразил, только с ринга выполз. Так и чё он хочет?

Я потираю рукой шею, опуская голову. В раздевалке душно и не хватает кислорода. Нужно выйти на улицу и подышать свежим воздухом, но вставать со скамейки чертовски лень.

— Я точно не знаю, — неуверенно тянет Розина. — Но он заставил моих старых друзей вытащить меня на встречу, чтобы выловить меня. Он... Короче, Саша думает, что мы с ним

всё ещё встречаемся. Якобы официально не расстались, значит ещё мутим. Говорил, что скучал и всё-такое. Я ему сказала, что у меня есть парень, и он разозлился. Сказал, что я только его. Я, в общем, сбежала. А потом сестра мне сообщила, что её тоже Малийский нашёл, просил устроить со мной встречу. Я... Я не знаю, что делать. Я боюсь, он будет преследовать меня...

— Вот урод, — вырывается у меня. — С тобой всё хорошо? Он что-нибудь сделал?

Я невольно сжимаю бутылку с водой, и она жалостливо стонет под натиском моих пальцев.

— Нет-нет, — поспешно говорит Соня. — За запястье только остановил, но я вырвалась. Не переживай. Просто... я хотела сказать, чтобы ты был осторожен. Если Малийский узнает, что это ты мой парень, я боюсь, что он что-нибудь сделает тебе...

— Я убью его, — уверенно бросаю я, чувствуя, как отвращение переполняет всё внутри меня. — Чёрт, если я его увижу, то прибью.

Я зло сжимаю зубы. Не позволю, чтобы какие-то уроды прикасались к моей девушке. Всё внутри меня сжимается и напрягается. Этот парень и так подпортил жизнь Соне, что ему ещё от неё нужно? Она теперь моя, и я не позволю, что её обижали.

— Егор, — голос Розиной возвращает меня в реальность. — Всё хорошо. Просто не лезь на рожон, ладно? Пообещай мне, — я ничего не отвечаю. — Пообещай мне, Штормов, — настойчиво повторяет она.

Я вздыхаю и потираю переносицу.

— Ладно. Ладно! — выдыхаю я. — Но если он меня найдёт, я его отделаю. И если ещё раз до тебя будет докапываться. Я это просто так не оставлю.

Девушка тихо смеётся, и я расслабляюсь. Люблю её смех. И её голос...

— Завтра утром зайду за тобой, вместе в школу пойдём, — заявляю я. — И не смей встречать в неприятности, а то ты это умеешь. Пообещай мне.

— Обещаю, — тихо бормочет она. — Люблю тебя.

— И я тебя люблю, — я вздыхаю и секунду тону в тишине. — Ладно, пойду дальше тренироваться. Напишу позже.

— Ага, пока.

Она отключается, а я ещё несколько минут сижу на скамейке с телефоном в руке и думаю обо всём случившемся. Александр Малийский. Попробуй только попасться мне на глаза, я тебя уничтожу. Не позволю тебе навредить Соне, ты уже и так достаточно всего испортил в её жизни...

P.S

Разгадка уже близка, скоро узнаете, почему Соня рассталась с Егором. Но скажу больше, это будет не конец, а только начало. Самое интересное и вкусное ещё впереди)))

Спасибо за отзывы и комментарии)

Зомб — #ОНАМОЯМАНИЯ

Соня.

Я ставлю лайк в инстаграме сестры, где она выложила фотографию суши, которые вчера хомячила вместе со своим горе-бойфрендом, и поднимаю взгляд на открывающиеся двери лифта. Я только что спустилась на первый этаж, чтобы отправиться в школу, и теперь осматриваюсь, прежде чем выйти из кабинки — меня всё время преследует напряжение и подозрительность. Не могу отделаться от чувства, что Малийский узнал, где я живу, и теперь поджидает за каждым поворотом.

В подъезде пусто — я осторожно выскакиваю из лифта, последний раз осматриваюсь и только после этого направляюсь к двери. Открываю первую преграду, жму на кнопку и вырываюсь на улицу.

Здесь прохладно — утро накрывает город, и приветливое солнце ещё не успевает поднять температуру. Я замираю, поправляя закатанные рукава джинсовой куртки, и удобнее перехватываю сумку. Сглатываю и прохожу ближе к дороге, замечая одинокую фигуру Егора, сидящую на скамейке. Парень обещал зайти за мной перед школой, чтобы проводить.

— Привет, — я облегчённо улыбаюсь, подходя к нему.

Шторм вытаскивает из ушей наушники и прячет в карман, прежде чем подняться на ноги. Парень подходит ближе и легко целует меня, переплетая пальцы наших рук.

— Привет, — отзывается он, отстраняясь от меня. — Отлично выглядишь.

Егор чуть отступает и осматривает меня с ног до головы — я смущённо улыбаюсь и поправляю волосы, убирая прядь за ухо. Парень цепляется взглядом за мои движения, хмурится и перехватывает моё запястье.

— Это что? — он поднимает руку и смотрит на синяки, которые остались после моей вчерашней стычки с Малийским.

Я прикусываю губу, пытаюсь высвободить свою руку, но парень не отпускает. Опустив голову, я стыдливо смотрю себе под ноги, совершенно не понимая, почему меня мучает совесть. Я ведь ни в чём не виновата.

— Это он сделал? — голос Егора становится серьёзным.

Я киваю, боясь поднять глаза и взглянуть на своего парня. Штормов вздыхает. Он плотно сжимает челюсть, когда я всё-таки решаюсь поднять голову и посмотреть на него. Становится не по себе.

— Ничего страшного, — отмахиваюсь я. — Пошли, а то опоздаем.

Я тяну его в сторону остановки, где мы должны будем сесть на маршрутку и поехать в школу, но парень идёт медленно и неохотно. Он подозрительно молчит — наши пальцы всё ещё переплетены, и я чувствую, как рука Егора напряжена.

— Ты же помнишь, о чём ты мне вчера обещал? — спрашиваю я.

Егор отвечает не сразу.

— Что?

Я поджимаю губы и собираю силы, чтобы продолжить дальше.

— Чтобы ты не нарывался на неприятности, — напоминаю я.

— А. Ну, да, — небрежно бросает он, дёргая плечом. — Конечно.

Я подозрительно смотрю на Штормова — его брови сдвинуты, а лицо мрачнее тучи. Не нравится мне это. Не хватало ещё, чтобы Егор начал искать Сашу, чтобы проучить. Я же прекрасно знаю, чем это всё закончится. Ничем хорошим.

— Правда, Шторм, — бурчу я. — Я не хочу, чтобы у тебя были неприятности из-за меня. Если ты вдруг полезешь...

— Я же сказал, что помню, — резко обрывает меня парень, и я замолкаю. Становится неприятно от его тона, но я ничего не отвечаю. — Всё в порядке. Если этот урод будет держаться от тебя подальше, я не буду ничего делать.

Я прикрываю глаза, понимая, что такое развитие событий вряд ли воплотится в жизнь. Малийский так просто от меня отстанет, учитывая, что после нашего разговора он сразу начал преследовать мою сестру. За Машу я не беспокоюсь, у неё есть те, кто постоит за неё, да и Саше она не нужна. Ему нужна я.

Не думала, что он настолько отмороженный, что после всех событий, произошедших с нами, решится снова связаться со мной. И почему сейчас? Почему не после того, как меня поймали? О нашем переезде, наверное, знал весь район, а о том, как я вломила в школу, скорее всего, весь город, поэтому я почти уверена, что Малийский был в курсе того, что я уезжаю. Он мог найти меня, если не хотел отпускать, так почему не сделал этого? Боялся, что если нас увидят вместе, то его сцапает полиция? Струсил? Или что? Зачем тогда сейчас вернулся, зная, что я могу сдать его в любой момент.

Хотя, что я могу? Вряд ли копы заинтересуются такими пустяками, тем более дело уже давно закрыто. А меня могут ещё привлечь за дачу ложных показаний. Хотя, какие тут ложные показания? Я просто взяла всю вину на себя.

И теперь чертовски жалею об этом.

***

— Вы уже купили платье для выпускного? — Яна сидит на подоконнике в школьном коридоре, высматривая кого-то среди учеников.

Мы с Юлей стоим рядом, лениво зевая и изредка переговариваясь по поводу уроков или девчонок из параллельного класса, которые в этот момент смеются как ненормальные.

— В эти выходные пойду выбирать с мамой, — Юля облакачивается локтём о подоконник, поправляя волосы. — Хочу какое-нибудь длинное, чтобы подол был в каких-нибудь крутых штуках. Может быть, синее или бежевое. Я пока не решила.

Яна картинно вздыхает и вытягивает ноги, рассматривая свои туфельки. Я в пол уха слушаю разговор подруг, думаю о своём. Точнее, о Саше Малийском и о Егоре, который последние дни ведёт себя слишком подозрительно. С момента, как парень узнал о моей стычке в парке, проходит почти неделя. За это время о Саше не было никаких вестей, а мой парень выглядит так, словно замышляет провозку контрабанды через границу. Разговорить его не получается, Матвей тоже молчит. Всё это мне чертовски не нравится.

— А я обошла почти все магазины в городе и ничего подходящего не нашла! — Яна жалостливо стонет, морщась. — Уже думаю, может быть, на заказ сшить, пока время есть. Или в интернете заказать. Не знаю. Мне ничего не нравится, а хочется, чтобы этот день был особенным. И платье тоже, — Куркина опускает ноги и хлопает себя по коленям. — Сонь, а ты?

— А? — я возвращаюсь в реальность, понимая, что упустила всю суть разговора. Потом я резко вспоминаю вопрос подружки про платье, и расслабляюсь. — Да я не знаю. Вряд ли отец даст денег, так что возьму платье сестры. Тем более, будет ещё выпускной в одиннадцатом классе, чего париться. Другой вопрос, почему мы так и не выбрали, где будем справлять?

— Вот, да, — Юля поддерживает меня, и я благодарно улыбаюсь блондинке за то, что она взяла инициативу на себя. — Классная предлагает просто собраться в школе. Типа все параллельные классы, родители и всё такое.

Яна фыркает, отмахиваясь.

— Одиннадцатые классы снимут ресторан, — заявляет она. — А мы должны тусить в школе на каком-то балу, потому что слишком маленькие для этого. Бред.

— Я слышала, что учителя хотят объединить девятый и одиннадцатый классы, чтобы устроить общий бал, — бросаю я. — Чтобы одним ударом двух зайцев убить. До выпускного больше месяца, надо ещё сдать экзамены.

— Зато последний звонок уже в следующую пятницу! — Яна вскидывает руками. — Мы репетируем так много, что мне мои слова снятся уже.

Я фыркаю, качая головой, и замечаю в дальнем конце коридора Егора. Он стоит рядом с Матвеем и что-то рассказывает ему. Я внимательно наблюдаю за его активными движениями рук, за тем, как шевелятся его губы, как его фигура то появляется, то исчезает за телами других школьников. Что они там обсуждают?

В последнее время я совсем схожу с ума от подозрительности.

— А мне снятся задачи по математике и прочая ересь, — Юля вздыхает и достаёт свой сотовый. — Готовиться к экзаменам так сложно! Не представляю, как буду сдавать их.

— Не напоминай, — Куркина спрыгивает с подоконника, замечая приближающуюся фигуру учителя, и хватает свою сумку. — Пошлите в класс, здесь слишком шумно.

— Ага, — Юля не отрывается от телефона.

Я всё ещё смотрю на Штормова, изнывая желанием подойти к нему и поговорить, но понимаю, что если сделаю это сейчас, то точно буду доставать его с вопросами, что он задумал и что с ним происходит. Егор снова психанёт, и я испорчу всем настроение. В последнее время он сильно раздражается, если я пытаюсь поговорить с ним на тему моих проблем с бывшим. Не понимаю, почему.

Так, Розина. У тебя просто паранойя. Кажется, Малийский даже не собирается тебе искать, так что хватит думать о всякой ерунде.

Даже если Егор что-то задумал на счёт Саши, я всё равно не смогу его переубедить. Пока что всё хорошо, так что беспокоиться не о чем.

***

Такими темпами проходит следующая неделя. Мы все репетируем последний звонок, готовимся к предстоящим экзаменам, нервничаем из-за платьев и причёсок, кто-то уже сейчас задумывается о поступлении после девятого.

От Саши Малийского нет никаких вестей, поэтому я, в конце концов, успокаиваюсь и перестаю постоянно оглядываться по сторонам, ожидая увидеть его за углом. Думаю, если бы он действительно хотел, давно бы связался со мной. Наверное, разговор с сестрой был предельно убедительным, чтобы парень понял, что лезть ко мне — это плохая идея.

А что на счёт Маши? Она уже закончила диплом и готовится к ГОСам. Вообще насколько я знаю, ГОСы уже отменили, но некоторые университеты всё равно используют

их в качестве итоговой аттестации. Она говорила, что сначала у них будут экзамены, потом они защитят диплом, а затем всё. К июлю она уже выпустится.

Но предстоящая суматоха не отгораживает её от очередных скандалов. Родителям не нравится, что сестра постоянно тусуется у Миши, якобы они думают, что она насовсем к нему переехала и теперь живёт в чужой семье. А, собственно, что с того? Не вечно же ей с предками зависать. Не понимаю, как она вообще терпит их.

В этом духе и заканчивается мой учебный год. Последний звонок двадцать пятого мая проходит идеально. Мы все в школьной нарядной форме выпускников выступаем на концерте, первоклашки дарят нам сувениры, мы отпускаем шарики, которые прощаются с нами и улетают в небо, словно вырывавшееся из наших рук детство, фотографируемся, а после отмечаем прощание со школой вместе с учителями и родителями.

А дальше экзамены. Все мы суетимся, готовимся в последние свободные часы, чтобы успешно всё сдать, и даже не замечаем, когда весь этот водоворот событий заканчивается.

Выпускной через два дня, там нам выдадут результаты ОГЭ, а потом мы сможем попрощаться со всеми, с кем уживались целыми днями в школе. С теми, кто покинет нас безвозвратно и больше не вернётся.

Мне, как человеку, который проучился здесь всего несколько месяцев, грустно. И я даже не представляю, что чувствуют те, кто знал друг друга с первого класса. Наверное, это чертовски тоскливо знать, что ты больше не увидишь в этих стенах людей, с кем проучился девять лет. И следующие два года уже как-то не привлекают...

The Killers — Four Winds

Соня.

Как я и говорила, всё началось с сообщения Никиты Верховского, который написал мне два месяца назад и предложил встретиться, чтобы вспомнить былые времена, вот только он забыл упомянуть, что компанию нам составит Малийский, которого видеть в своей жизни я хотела меньше всего.

После странной стычки с моей сестрой, Саша так и не соизволил найти меня. Для такого человека, как он, отыскать адрес кого-то — лёгкая задача. Тем более, что у него есть связи и друзья, которые живут в этом городе и знают каждый его уголок. За два месяца они запросто могли разыскать мой дом, вот только почему-то не стали этого делать. И меня это беспокоило больше всего.

После того, как Малийский кричал, что я всё ещё его девушка и что ему плевать, с кем я там встречаюсь, парень подозрительно затих. Отступил? Понял, что всё равно ничего не сможет изменить в этой ситуации? Сдался? Я с трудом в это верила. Тот Саша Малийский, которого я знала год назад, ни за что на свете не стал бы разбрасываться словами на ветер, а потом сливаться, словно трусливая шавка.

Но чем дольше продолжалось это затишье, тем сильнее я расслаблялась. Впереди меня ждали каникулы, и я не собиралась думать о всяких глупостях и проблемах. Даже если Саша что-то задумал, мне плевать. У него всё равно ничего не получится, ведь я не собираюсь бросать Егора ради того, кто подпортил мне всю жизнь. От той Сони Розиной, которая ходила с красными волосами и проводила время в компании старшеклассников-отморозков не осталось и следа.

— Ты прекрасна, — Егор убирает прядь волос за моё ухо и склоняется, чтобы поцеловать меня.

Я цепляюсь руками за края его пиджака и приподнимаюсь на носочках — наши губы встречаются, и я чувствую, как всё внутри меня порхает. Правая нога так и норовит взлететь вверх, как это бывает в романтических фильмах, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не запищать от восторга.

Мы стоим в объятиях друг друга посреди школьного спортзала, который сегодня служит для нас местом, где мы отмечаем выпускной. Всё украшено в шариках, ленточках и поздравлениях, свет приглушён, музыка разрывается на части, отражаясь от стен, в стороне стоят столы с угощениями и напитками (в основном соки), в которых кто-то из организаторов подмешал алкоголь. Есть просто спрайт и кола. Со стороны так и не скажешь, что здесь дети занимаются физкультурой.

Я на каблуках в чёрном длинном платье моей сестры с вырезом возле правого колена, которое она надевала на свой выпускной в девятом классе примерно шесть лет назад (я ещё удивляюсь, как я умудрилась втиснуться в него), мои волосы уложены в красивую причёску, а на лице лёгкий макияж. И я счастлива, потому что обнимаю в медленном танце Егора

Штормова, на котором даже чёрный классический костюм смотрится идеально. И он целует меня, словно интереснее занятия на свете и быть не может. Его руки лежат на моей талии, мои — на его.

— Вот и всё, — говорю я, когда парень отстраняется.

— Что «всё»? — Егор улыбается.

Мне приходится наклониться к нему, чтобы музыка не заглушала мои слова. Я говорю ему прямо в ухо, кладя подбородок на плечо.

— Школа. Теперь мы будем видаться ещё реже, — я сильнее прижимаюсь к нему. — Ты уйдёшь, без тебя будет скучно.

— Я всё равно в параллельном классе, — фыркает Шторм, утыкаясь носом в мои волосы.

— И что? — я обиженно фыркаю. — Ты будешь тренироваться, я пойду в десятый класс. У меня ещё два года, чтобы выбрать, куда поступать. Я вообще не представляю, кем хочу быть. Тебе хорошо, у тебя есть цель.

Парень смеётся, и я несильно хлопаю его по спине, чтобы он перестал.

— Ты мне сама рассказывала, что твоя сестра выбрала специальность только в начале одиннадцатого, — Егор опускает руку немного ниже и почти кладёт её на мою попу.

— И толк от этого? — я качаю головой. — Она говорила, что потом передумала поступать на психологию, решила идти на филологический, но было поздно сдавать другие экзамены. Вдруг я тоже не успею выбрать, и сдам не то, что нужно?

— Господи, Сонь, — фыркает парень. — У тебя выпускной. До следующих экзаменов ещё два года, ты успеешь решить, куда поступать. Зачем сейчас об этом задумываться?

Я обиженно надуваюсь, но в этот момент плавная музыка резко обрывается, а спустя мгновение спортзал заполняет громкая и ритмичная песня. Егор отстраняется от меня — я даже недовольно вздыхаю — хватает за руку и заставляет меня двигаться под новую музыку. Я тут же забываю о своих мыслях по поводу поступления (не знаю, почему вдруг вообще на меня накатили эти тоскливые размышления) и начинаю танцевать.

Громкая музыка проникает в мою голову, заставляя двигаться в хаотичном танце, что немного трудновато в моём платье. Хотя, если подумать, я мало на что обращаю внимание в этот момент: жарко, весело и безумно приятно. Особенно, когда Егор нелепо двигается рядом со мной, смешно кривляясь. Сознание разрывается: хочется всего и сразу. Мои глаза часто закрываются от ярких прожекторов и порой ловят изящные тела рядом с собой. Яна с Юлей развлекаются недалеко от меня, Шторм танцует со мной, изредка касаясь руками моей талии, одноклассники хаотично разбросались по «танцполу» — всё это даёт невероятный заряд позитива!

В какой-то момент парень хватается за руку и тянет в сторону столиков, и я послушно пробираюсь между выпускниками, следуя за ним. Мы останавливаемся возле столика с едой и переводим дыхание.

— Жарко! — тяну я, шумно дыша.

Штормов наливает мне сока и протягивает стаканчик — я послушно забираю его и делаю глоток, немного морщась и понимая, что нам попалась бутылка, где подмешан алкоголь. Для нас, вроде как ещё несовершеннолетних, учителя решили запретить алкоголь, поэтому официально его на выпускном быть не должно, но когда мы вообще следовали правилам?

— Хочешь, выйдем на улицу? Подышим воздухом? — предлагает Егор.

— Давай! — я допиваю стаканчик с соком, хватаю кекс с тарелки и только после этого мы направляемся в сторону выхода. Кекс я тут же запихиваю в рот.

Мы пересекаем школьный коридор — музыка уходит на задний план, но её до сих пор слышно — и выходим во двор. На улице уже стемнело, прохладный воздух охватывает меня в свой кокон, и я ёжусь от внезапных мурашек. Егор замечает это и снимает пиджак.

— Держи.

Я благодарно улыбаюсь, рассматривая парня. Он в белой рубашке и в брюках, прячет руки в карманах. Выглядит в свете школьных фонарей чертовски красивым. Набрасываю на плечи пиджак и улыбаюсь, вдыхая прохладный воздух. Город шумит где-то очень далеко, а здесь на крыльце тихо и спокойно. Никого нет, и не должно быть, ведь все сейчас в спортзале веселятся и празднуют выпускной. Сейчас около двенадцати, может быть, почти час, но вряд ли кто-то из учеников собирается возвращаться домой. Праздник в самом разгаре, но здесь, стоя в ночной тишине, я почему-то не ощущаю никакого веселья. Меня вдруг накрывает меланхолия и тоска.

Это ведь конец. Никаких уроков, никаких экзаменов до осени. Большую часть своих одноклассников я больше не увижу. И Штормова в школьном коридоре тоже. Как-то грустно.

Дверь позади нас открывается, и мы оборачиваемся.

— И вы здесь, — Матвей усмехается, словно подумал о чём-то неподходящем.

Он достаёт пачку сигарет, стучит по ней, вытаскивая одну пленницу, и зажимает её губами.

— Пошли за угол, — Егор шмыгает носом. — Учителя увидят, снова выговор получишь.

— Да толку-то от них, — фыркает Матвей, но послушно направляется в сторону угла школы, где обычно ребята прячутся от взрослых на переменах, чтобы покурить.

Шторм кивает мне, мол, пошли с нами, и двигается вслед за другом. Я плетусь позади, кутаясь в пиджак парня и незаметно вдыхая его запах. Обожаю одежду Егора, она всегда пахнет вкусными духами и излучает свой особенный уют. Я бы не прочь была зарыться в куче барахла парня и никогда не вылезать из него.

— Там душно, жуть просто, — жалуется Матвей.

Мы заходим за школу и проходим ещё несколько метров, прежде чем остановиться. Матвей щёлкает зажигалкой и прикуривает. Здесь нет фонарей, поэтому тень скрывает нас. Тлеющий огонёк то меркнет, то разгорается с новой силой, когда парень вдыхает дым в лёгкие. Я чувствую едкий запах и немного морщусь. Егор стоит рядом со мной — его руки всё ещё в карманах.

— Да, — тянет Шторм. — Поэтому мы вышли подышать.

Я молча наблюдаю за ребятами, опускаю голову и смотрю на свои туфли. Я без колготок, и прохладный ветер сковывает мои ноги. Здесь музыка из спортзала практически не слышна, и тишина наваливается на нас, словно пытаюсь спрятать от чего-то.

— А я, пожалуй, как вернусь, сожру чего-нибудь, — бросает Матвей. — Чёт я за весь вечер даже пирожка не съел. Всё Куркина со своим «пошли танцевать». Я же не танцую...

Егор смеётся. Я смотрю на него и немного улыбаюсь. Внутри приятно щекочет, и я не могу оторвать взгляд от очертания его профиля. Шторм мой. Только мой. Никому его не отдам. Я готова урчать от удовольствия от одного только взгляда на парня.

— Что? — Штормов замечает, что я плююсь на него и глупо улыбаюсь.

Я отворачиваюсь.

— Ничего, — довольно мурлычу я, продолжая лыбиться себе под нос. Снова смотрю на

парня, подхожу ближе и целую его в губы, чувствуя, как его крепкая рука ложится на мою талию.

— Ой, вот только не при мне, — стонет Матвей, изрядно уставший от того, что мы с Егором постоянно обнимаемся при нём.

— Не завидуй, — показываю ему язык.

— Чему? — парень затягивается. — У меня нет никакого желания сосаться с Штурмом.

— Да ладно! — обижается тот. — Ты разбиваешь мне сердце!

Егор делает шаг к другу, но тот отступает.

— О, нет. Даже не думай, — предупреждает Матвей.

— Что? — издевается парень и надувает губы бантиком. — Ты только что оскорбил меня до глубины души. Как мне теперь жить? Ты понимаешь, что это психологическая травма на всю жизнь!

Егор пытается перехватить Матвея за плечо, но тот ловко уклоняется и уходит в сторону.

— Отвали, чувак!

Я смеюсь, наблюдая за ними. Ну, как дети, ей богу! Сильнее кутаюсь в пиджак, затем всё-таки решаю надеть его и просовываю руки в широкие рукава, чуть ли не пища от удовольствия. Парни бесятся, а я стою в стороне и смотрю на них, пытаюсь запомнить это мгновение, чтобы потом вспоминать его и улыбаться. Егор, наконец, отстаёт от друга и смотрит на меня — его взгляд падает мне за спину, и весёлая улыбка чуть сползает с его лица.

Veto — You You

Я медлю, а затем оборачиваюсь, думая, что нас застукали учителя или кто-то из родителей, но вижу только четыре фигуры, скрытые в темноте, которые направляются к нам. Пыл парней стихает, словно они не хотят, чтобы кто-то посторонний видел их поведение, слышу, как парни позади меня переговариваются и стучаются кулаками, но мой взгляд прикован к незнакомцам, которые подходят ближе.

Я смотрю на самого крайнего из них и с медленно подступающим к горлу ужасом понимаю, кто это. В тёмной фигуре я узнаю того, кого меньше всего ожидала здесь увидеть. Малийский.

Я отступаю на шаг назад, чтобы оказаться ближе к Егору, но ноги не слушаются. Их четверо. Нас... Нас всего двое, если не считать меня. В памяти всплывают воспоминания, когда ребята из старших вместе с Сашей устраивали разборки с другими группами, и дрались они не всегда честно. Дико, безудержно и безжалостно.

Я не хочу даже думать о том, что затеяли эти парни, но страх внутри меня сковывает все движения. Я делаю ещё один небольшой шаг и загораживаю Егора, словно это спасёт его и спрячет от пристальных взглядов незнакомцев. Кто другие трое парней, идущие рядом с Малийским, я понятия не имею, но выглядят они устрашающе.

Ребята останавливаются в паре метров от нас.

— Закурить не найдётся? — спрашивает Саша.

Ни Егор, ни Матвей не в курсе, как выглядит мой бывший и что это именно он стоит перед ними и просит сигарету. Я напряжённо молчу, пристально наблюдая за каждым

движением парня. Чего он добивается? Зачем пришёл на мой выпускной и подкараулил нас?

Еле дрожащая надежда внутри меня заставляет верить, что это просто ради показухи, что он просто хочет доказать мне, что-то, продемонстрировать. Вот только что? Голова идёт кругом, и я путаюсь в собственных мыслях из-за напряжения.

Матвей достаёт из кармана пачку сигарет и делает несколько шагов в сторону Саши, а я мысленно кричу ему, чтобы он отошёл, чтобы держался подальше, чтобы не был таким доверчивым. Я снова отступаю и натываюсь на Егора, который обнимает меня за плечи, словно чувствуя моё напряжение. Его пальцы сжимают меня крепче, чем это нужно.

Малийский забирает пачку, достаёт одну сигарету, а потом исподлобья смотрит на Матвея.

— Возьму две, не против?

Тот пожимает плечом.

Саша спокойно достаёт вторую сигарету, возвращает пачку владельцу, прикусывает фильтр губами и прикуривает. Пламя сигареты на мгновение освещает его лицо, и холод паники скользит по моим внутренностям. Я с трудом сглатываю, осторожно нащупываю рукой ногу Штормова и пытаюсь совладать со своим дыханием, потому что лёгкие предательски подводят меня.

Саша затягивается и шумно выдыхает дым.

— Красивое платье, Розина, — как бы просто так бросает Малийский.

Я не отвечаю, потому что вообще не могу контролировать своё тело, не то что совладать с голосом. Я так напряжена, что хочется просто упасть в обморок и очнуться, когда всё это уже закончится.

— Ты его знаешь? — спрашивает Егор, но я продолжаю молчать.

Осторожно откидываю голову назад и прислоняюсь затылком к плечу парня, а спиной к груди, словно это просто стена. Взгляд продолжает пристально наблюдать за Сашей, и я чувствую себя жертвой, которую заметил хищник. Один неверный шаг, одно движения, и я готова бежать, но вместо этого я превращаюсь в камень.

— Так, это и есть твой новый парень? — Малийский смотрит на Егора. — А я то думал, на кого ты меня променяла.

Я открываю рот, чтобы возразить, но голос пропадает. Я не могу произнести ни слова. Матвей, словно почуввав опасность, отступает на шаг назад, чтобы держать дистанцию, но Штормов вместо этого, наоборот подаётся вперёд, даже не обращая внимания на то, что я всем своим телом пытаюсь остановить его.

— Ясно, — в голосе Шторма я слышу иронию. — Как там тебя? Саша, да?

Егор делает шаг в сторону и отводит меня за спину — мы меняемся с ним местами.

— Я два раза повторять не стану, — продолжает Егор, склоняя голову к плечу. Он обычно так делает перед спаррингом, когда собирается побить кого-нибудь, и я хватаюсь за его рубашку, пытаюсь остановить, но мои пальцы слабые и, наверное, напоминают сейчас хватку ребёнка. — Соня — моя. Если ты ещё хоть раз подойдёшь к ней, я тебе все кости переломлю.

Малийский смеётся, затем медленно вынимает сигарету изо рта, сбрасывает пепел и качает головой.

— Тогда тебе пора начать ломать их прямо сейчас, — бросает он.

Егор шикает и делает шаг вперёд, но остальные парни срываются с места, словно собаки по приказу хозяина, и преграждают Шторму дорогу. Парня это не останавливает. Он с

одного удара в челюсть заставляет незнакомца отшатнуться назад, уклоняется от замаха второго, ударяет его под дых и заставляет повалиться на землю. Третьего берёт на себя Матвей.

Я закрываю рот рукой, наблюдая за дракой, и отхожу назад, чтобы не попасть под раздачу. Егор добирается до Саши, который спокойно стоит и курит, хватая его за грудки и резким ударом отправляет на землю.

— Я же сказал, — сплёвывает Егор, затем ударяет Малийского в челюсть. Поднимает за грудки и снова ударяет. — Чтобы я не видел тебя рядом с Соней.

Штормов отпускает парня и отступает назад. Он отряхивает руки, словно испачкался в чём-то, и поворачивается ко мне. В полумраке я вижу его улыбку, мол, ничего сложного — разобраться с плохими парнями.

В это время Малийский поднимается на ноги у него за спиной — я вижу, как в его руке сверкает лезвие, и в ужасе открываю рот, чтобы крикнуть «осторожно», но вместо меня это делает Матвей. Егор оборачивается, сгибает колени и отводит удар в сторону, выбивая нож из руки Саши. Мой бывший снова пытается ударить его, но Штор плавно уходит в сторону и опять заваливает противника на лопатки.

— Ты что тупой? — бросает Штормов. — Я тебе не уличный шпана. Грязные штучки со мной не прокатят.

Егор ударяет парня ногой в челюсть.

— Я сказал, что два раза не повторяю, — он шмыгает носом. — Но это уже третий раз. Для особо тупых, — парень ударяет Сашу кулаком в лицо. — Никогда, — снова удар, — не подходи, — ещё один, — к Соне Розиной! — последний мах, и Малийский окончательно падает на землю. Боюсь даже представить, что творится у него с лицом...

Я облегчённо вздыхаю. Все мои худшие опасения испаряются, и я протираю лицо ладонями, забывая про макияж. Как я могла подумать о том, что Егор проиграет такому придурку, как Малийский? Даже его грязный приём в виде ножа не прокатил... Но всё равно... Это... Боже, я чуть не умерла от страха.

Я не успеваю убрать руки от лица, как слышу удар и железный звон, вскидываю голову. Матвей лежит на земле, а рядом с ним стоит один из парней. В его руке монтировка. Тут же мимо меня кто-то пронесётся, почти задевая моё плечо, и я наблюдаю за тем, как пятый парень, до этого прятанный за школой, подлетает к Егору и с размаху ударяет его битой по спине. Я вскрикиваю. Штормов падает на колени. Следующий удар заставляет его упасть на бок. Егор пытается перехватить битку, но парень с монтировкой заезжает ему по лицу ногой, затем по рёбрам, в живот. Егор группируется, и три последних удара приходятся ему по рукам и плечу.

— Хватит! — кричу я, срываясь с места. Оцепенение постепенно проходит — я толкаю парня с битой в спину, но он слишком мощный и крепкий. — Перестань! — одним движением руки он отталкивает меня, и я отшатываюсь. Каблук ломается, я падаю.

Егор пытается подняться, чтобы помочь мне, но ещё один удар ногой приходится ему в голову, и парень отключается. В это же время из-за угла появляются какие-то парни с параллельного класса.

— Эй! — кто-то кричит.

Всё перед глазами расплывается — я смотрю только на Штормова, который лежит на земле без сознания. Его когда-то белая рубашка покрыта чёрными пятнами и кровью. Я с трудом поднимаюсь на ноги, не обращая внимания на то, как шайка Малийского, которую

спугнули выпускники, ретируется куда-то за школу, и оказываюсь рядом с Егором.

Переворачиваю его на спину и с ужасом отшатываюсь, потому что его лицо всё в крови. Бровь, губа, кажется, нос.

— Егор, — хрипло зову я, но парень не отвечает. — Позвоните в скорую, — на выдохе прошу я, когда ребята подбегают к нам. — Боже, позвоните...

Я осекаюсь и смотрю на Матвея. Он лежит в паре метров от нас без сознания, и, кажется, у него пробита голова. С ужасом понимаю, что это всё моя вина. Из-за меня сюда пришёл Малийский, я втянула парней в это... Боже... Это всё я. Я...

***

— Ничего серьёзного, — говорит врач, поправляя белый халат.

Я стою в коридоре больницы, куда привезли недавно Егора с Матвеем, и смотрю через большое стекло на кровать, где без сознания лежит Штормов. К нему подключены приборы, и они мерно пикают, показывая его состояние. Рядом со мной стоит Сергей Петрович, отец Егора, который разговаривает с доктором. Я в это время неотрывно смотрю на парня, и мне чертовски хочется плакать. Напряжение, преследовавшее меня по пятам с момента появления Малийского, постепенно исчезает, оставляя только пустоту.

— Синяки, ссадины. Никаких переломов или сотрясения, — продолжает врач. — Парень в рубашке родился. Ушибы пройдут быстро, но ему нужен отдых. Пусть побудет в больнице пока парочку дней, а там дальше посмотрим.

Слышу, как Сергей Петрович облегчённо вздыхает.

— А вот со вторым парнишкой немного хуже, — доктор прокашливается. — У него сильное сотрясение. Небольшая трещина в затылке. Пока его состояние стабильно, но нужно подождать, пока он очнётся. Тогда можно уже точно говорить о последствиях.

— Спасибо, доктор, — говорит мужчина.

Я слышу шаги — врач уходит. Несколько секунд нас накрывает тишина, а затем тихие шаги добираются до меня и останавливаются рядом. Краем глаза я вижу, как Сергей Петрович встаёт справа от меня. Мы молча смотрим на Егора, который в этот момент лежит в постели, подключённый к приборам и к капельнице. Его лицо в синяках и ссадинах, самые проблемные места залеплены пластырем.

— Всё будет хорошо, — говорит его папа.

Я не отвечаю. Я смотрю на Штормова, но не вижу его, только кровать с белым одеялом и мерно дышащее тело. Не знаю, сколько проходит времени, прежде чем мужчина снова начинает говорить.

— Я знаю, что вы любите друг друга, — тихо говорит он. — И я ничего не имею против тебя, Сонь. Ты хорошая девочка.

Я не хочу, чтобы Сергей Петрович продолжал, потому что прекрасно знаю, чем всё это закончится. Он вздыхает.

— Не пойми меня неправильно, — пауза, — но я думаю, что будет лучше, если вы расстанетесь. Ты его постоянно втягиваешь в какие-то неприятности. Сейчас с ним всё хорошо, но в следующий раз он может не отделаться просто ушибами. Если он получит серьёзную травму, ему придётся забыть о боксе. А ты знаешь, что бокс — это всё для него. И ты тоже. Он может пожертвовать боксом, ради тебя, а потом жалеть об этом всю жизнь. Не знаю, что с ним станет, если он лишится его. Он боец, ты это знаешь. Он по другому не умеет жить.

Я смотрю на Егора и не понимаю, что я чувствую. Мне кажется, что его отец обращается вовсе не ко мне.

— Я не могу тебе запрещать видеться с ним, — продолжает он. — Но я надеюсь, что ты поймёшь меня. Вы ещё дети, у вас всё впереди. Но если Егор сейчас лишится возможности заниматься боксом, это убьёт его. И даже ты не сможешь его спасти.

Я набираю в лёгкие воздух и медленно выдыхаю. Молчание давит, и я не знаю, стоит ли мне отвечать на слова мужчины или же лучше промолчать.

— Я знаю, — тихо говорю я.

Я вспоминаю, как Егора избивали, и пустота внутри меня увеличивается. Я с самого начала знала, чем это всё закончится, но просто не хотела это принимать. В тот момент, когда Малийский снова появился в моей жизни, я поняла, что это конец. Он не оставит меня в покое, пока не доберётся до Егора. Он не из тех, кто просто отступает. Он действует по принципу «не моё, значит, никто другой тоже не получит».

И Шторм тоже не отступит. Он будет защищать меня до последнего. Сергей Петрович прав — я постоянно втягиваю парня в неприятности, я причина того, почему он сейчас лежит в палате без сознания и почему у Матвея тяжёлая травма. Только я во всём этом виновата.

— Не говорите ему ничего, — прошу я, пристально вглядываясь в лицо Шторма.

— Хорошо.

— До свидания, Сергей Петрович, — я закрываю глаза, отступаю и разворачиваюсь, чтобы уйти.

— Прощай, Соня, — мужчина не смотрит на меня.

Я хромаю по коридору, потому что правый каблук сломан, оставляя позади Егора Штормова в адски-белоснежной палате. Так будет лучше. Пусть он сосредоточится на боксе, а я на учёбе, тогда Малийский больше не станет преследовать Шторма. Егор должен стать хорошим боксёром, когда-нибудь он скажет мне спасибо. А пока он должен забыть про меня...

Fallulah — Give Us A Little Love

Егор.

Когда тебя со всей силы ударяют бейсбольной битой по спине — это как минимум неприятно. Я, человек, привыкший к постоянным избиениям на ринге, который всю жизнь только и делал, что получал от противников удары по лицу, рукам и корпусу, искренне негодую, как вообще можно использовать грязные приёмчики и нападать со спины. В принципе, возмущаться мне было некогда.

Всё происходило слишком быстро, чтобы соображать над своими поступками. Прежде чем боль пронзила область лопатки, я увидел Матвея, падающего на землю, и в тайне порадовался, что удар прилетел мне не в затылок. Я уже валялся на земле и не мог подняться, поэтому машинально сгруппировал тело, чтобы избежать серьёзных травм. Сквозь блок я видел друга и думал о том, что нужно помочь ему. Когда тебе прилетает удар монтировкой в голову — это гораздо хуже, чем пара пинков в лицо и сломанный нос.

Я думал лишь о том, чтобы не отключиться, потому что если я потеряю сознание, то не смогу защитить ни Соню, ни Матвея. Мне нужно было выбрать момент, перехватить биту ударить парня по ногам, но чувак с монтировкой портил мне все планы.

Да и вообще, о чём я говорю? Какие планы? Всё происходило так быстро, что я действовал на автомате. Боль разрывала меня, адреналин зашкаливал, я сомневаюсь, что вообще мог трезво оценивать ситуацию. В какой-то момент я просто открылся, получил удар в голову и потерял сознание. Очнулся через пару дней в больнице, врачи сказали, что со мной всё в порядке и что скоро я смогу отправиться домой. Матвей был всё ещё без сознания.

— Ты Соню видел? — спрашиваю я отца, когда тот в очередной раз приходит навестить меня.

— Нет, — он пожимает плечом. — После выпускного не видел.

Я поджимаю губы, листая в телефоне ленту «вконтакте» и пытаюсь не думать о многочисленных сообщениях, которые прислали мне друзья, чтобы подбодрить и пожелать скорейшего выздоровления. Я ни на одно из них не ответил.

— Она трубку не берёт, — бормочу я, лениво проводя пальцем по экрану. — На сообщения не отвечает. Куркина говорит, что та уехала к бабке в деревню.

Отец не отвечает, и я поднимаю на него взгляд, чтобы убедиться, слушает ли он вообще меня.

— Ну, — он шмыгает носом. — Наверное, уехала в деревню, — безразлично бросает папа.

Я фыркаю и поправляю съехавшую повязку на руке, которая чертовски мешает. Скорее бы уже выписаться и отправиться домой: больничная еда просто ужасна.

— Она не могла уехать после того, что случилось, и даже не прийти ко мне, — недовольно бурчу я. — Это на неё не похоже.

Проходит ещё одно сообщение, телефон вибрирует, и я замираю, поспешно возвращаясь

к диалогам. Нет. Это не от Розиной. Вздыхаю и ставлю сотовый на блокировку.

— Может быть, родители отправили её в деревню как раз из-за этого, — предполагает папа. — Связь там не ловит, вот она и молчит.

Я прищуриваюсь, подозрительно всматриваясь в отца, затем недовольно морщусь и вздыхаю.

— Может быть, — бурчу я. — Как там Матвей?

Отец качает головой, несколько секунд молчит.

— Ещё не очнулся, — бросает тренер.

— Неделя прошла, — говорю я, потирая лицо ладонями и шумно вздыхая. Пытаюсь избавиться от картинки, как друга ударяют монтировкой по голове. И как я не заметил, что тот урод начал доставать её? — Ко мне копы приходили вчера, — смотрю на отца. — Сдал им этих ублюдков.

Папа кивает, потирая переносицу. Выглядит он уставшим и потрёпанным. В палате тихо, пахнет какими-то лекарствами, во рту у меня привкус пресной каши, которую давали на завтрак. Хочется уже выйти на улицу и погреться в лучах солнца, а не лежать в этой постели целыми днями. У меня ведь ничего серьёзного нет, почему они меня здесь держат?

— Я знаю, — говорит он. — Их ещё не нашли.

Поджимаю губы, поправляя подушку под спиной, чтобы было удобнее сидеть.

— Сомневаюсь, что вообще ищут. Это же полиция. Они там ни черта не делают, — бурчу я.

— Вот только давай без самодеятельности, — упрекает меня отец. — Не надо искать и мстить им, пусть следователи делают свою работу.

Я отмахиваюсь, ничего не отвечая. Заняться мне больше нечем, как искать этих упырей. Я всё равно практически не помню, как они выглядели. Темно было. Если только связаться с бывшими друзьями Розиной, которые её подставили в тот раз, выпытать их, где искать Малийского, а там дальше вместе с ним найду и остальных. Они, наверное, залягут на дно, пока ажиотаж не поутихнет.

— Егор, — отец возвращает меня в реальность. — Пообещай, что не будешь искать их и нарываться на неприятности.

Где-то я уже это слышал.

— Ладно. Когда меня уже выпишут? Хочу на тренировку. У меня соревнования скоро, — недовольно бурчу я.

Папа цокает и вздыхает.

— После завтра. Врач сказал пока никаких нагрузок, так что когда полностью восстановишься, тогда и поговорим о тренировках, — он поднимается на ноги, намекая, что ему пора на работу. Или ещё куда, не знаю.

— Но, па, — ною я. — Я в порядке. Всего лишь синяки!

— Никаких «па», — он хлопает меня по плечу. — Завтра зайду, не скучай.

Я фыркаю, провожая его недовольным взглядом, а когда дверь за отцом закрывается, возвращаюсь к телефону. Куда же делать Розина? Если бы её предки силком отправили в деревню, чтобы избежать встречи с Малийским, она бы как минимум написала мне и предупредила. Или попросила бы кого-то из подруг.

Но она исчезла, словно её никогда и не существовало. Не нравится мне всё это. Жопой чую, что что-то не так.

***

Утром через день меня выписывают. Я с радостью покидаю палату, в которой провёл почти полторы недели, разбрасываюсь прощальными фразочками, адресованными пациентам или медсёстрам, и заклинаю себя, что никогда в жизни больше не вернусь в это жуткое, холодное, пропитанное болезнью, место. Хватит с меня таких приключений...

Перед уходом я заглядываю к Матвею. Он лежит без сознания, и у него изо рта торчит противная кислородная трубка. Голова перебинтована. К телу прикреплены провода от пикающих приборов. Жуткое зрелище. Я достаю телефон и делаю пару снимков, чтобы потом показать другу и поиздеваться над ним, но затем вдруг понимаю, что это глупая идея. Фото не удаляю.

Матвей не просыпается с того самого вечера, и чем дольше он валяется без сознания, тем сильнее я беспокоюсь за него.

От Сони Розиной нет никаких вестей. «Вконтакт» она не заходит, на звонки не отвечает. Я даже решаю написать её сестре, но та лишь отмахивается, что Соня в деревне. Эта тишина продолжается почти месяц, пока однажды мне не приходит неожиданное сообщение.

«Всё кончено, Егор. Мы расстаёмся. Не пиши мне больше».

Я ничего не понимаю, поэтому предупреждение Розиной меня не останавливает. Я заваливаю её сообщениями — она в ответ отправляет меня в чёрный список. Я звоню ей — она меняет симку. Спрашиваю номер у её сестры, Куркиной, Юли, но те говорят, что Розина запретила им вообще разговаривать со мной. Караулю её у подъезда чуть ли не каждый день, но выловить получается только Машу. Она говорит, что Соня пробудет в деревне до самого сентября. Причины, почему Розина внезапно решила расстаться со мной, она не знает. Хотя, скорее всего, просто не хочет сообщать мне.

Мне ничего не остаётся, как окунуться с головой в тренировки, чтобы не думать о Соне, но мысли всё равно сводят меня с ума. Я решаю пойти в десятый класс, чтобы хоть где-то пересекаться с ней и попытаться выяснить, что же произошло. Ей снова угрожал Малийский? Или её родители узнали обо мне? Может быть, я сделал что-то не так?

Спустя ещё две недели Матвей приходит в себя. Врач говорит, что его состояние стабильное, но друг всё равно жалуется на адские головные боли. В остальном с ним всё нормально, хотя доктор не спешит его выписывать. Больше месяца Матвей проводит в больнице, шутит, что в армию теперь ему дорога точно закрыта.

Александра Малийского так и не нашли.

***

Наши дни.

— Ты издеваешься? — спрашиваю я Розину, поджимая губы, когда девушка заканчивает рассказывать, почему вычеркнула меня из своей жизни.

— В смысле? — не понимает она.

— В прямом, — недовольно смотрю на неё, и Соня неловко отводит взгляд в сторону. — Я, понимаешь ли, всё лето места себе не находил, думал, где накосячил и что вообще случилось с тобой. Представлял самые ужасные картины, с ума сходил, а ты просто из ничего раздула проблему и игнорировала меня почти четыре месяца. До октября отшивала, потому что, видите ли, мой отец намекнул тебе, что ты мне не пара.

Девушка фыркает и взмахивает руками.

— Это тебе не шутки, Егор! — возмущается она. — Тебя избили из-за меня. Повезло, что никаких серьёзных травм не было. Ты только посмотри на Матвея, он инвалид на всю жизнь. Ему обезболивающее ежедневно пить приходится. А если бы с тобой что-то такое случилось? Тебе бы пришлось забыть о боксе! Малийский так просто бы не отстал от тебя.

— Да насрать мне на этого уroda! — почти вскрикиваю я. — Я сдал его копам, так что...

— Его всё ещё не нашли, — перебивает меня Соня, затем стихает и отворачивается, бросая взгляд на поле.

Нас накрывает молчание, и я недовольно вожусь на стуле, делая обиженный вид. Поверить не могу, что отец подтолкнул Розину к тому, чтобы она меня бросила. Я ему ещё устрою сегодня вечером, он так просто не отвертится.

— Слушай, Сонь, — вздыхаю я. — Давай вот ты не будешь ебать мне голову, да и себе тоже. Со мной ничего не случится, я в рубашке родился. Постоять за себя смогу, тем более, что от этого козла уже давно ничего слышно не было. Просто сделаем вид, что этих четырёх месяцев не было.

Я смотрю на её профиль — девушка хмурится, думая. Её пальцы постукивают по коленке, и я знаю, что она хочет достать сигарету и затянуться. До того, как мы с ней разошлись, Розина не курила.

— Уже всё кончено, Егор, — она смотрит на футболистов. — Я больше ничего не чувствую к тебе. Давай просто оставим всё, как есть.

— Ага. Ну, щас, — вырывается у меня. — Я в десятый класс пошёл только из-за тебя, ты мне должна.

Она кривится и смотрит на меня, склоняя голову к плечу. Её взгляд скользит по моим губам, затем снова впивается в глаза.

— Мечтать не вредно, Штормов, — тянет Соня, печально улыбаясь. — Всё уже в прошлом.

Я шикаю и резко подаюсь вперёд, впиваясь в её губы поцелуем. Розина от неожиданности дёргается в сторону, но я перехватываю её за шею и снова притягиваю к себе. Как же долго я представлял этот момент, когда, наконец, смогу снова прикоснуться к её коже и поцеловать губы. Теперь, когда всё встало на свои места, больше ничего не имеет значения.

— Егор, — Соня пытается отстраниться. — Егор, ну, постой же...

— Заткнись...

Я притягиваю её ближе, кладя руку на талию, и девушка размякает в моих объятиях. Мы целуемся страстно, но недолго, поэтому, когда Розина всё-таки легко отталкивает меня и вскакивает на ноги, я недовольно морщусь. Она смотрит на меня сверху вниз, тяжело дыша, хватается за спинки сидений и отступает на шаг.

— Всё слишком быстро, — жалуется Соня, вдруг перелезая на трибуну ниже, чтобы я не смог добраться до неё. — Я...

— Ну, короче, мы снова вместе и всё такое, — я поднимаюсь на ноги, но Соня быстро трясёт головой.

— Не подходи, — она тычет в меня пальцем. — Мне нужно подумать! Не смей приближаться, Штормов!

Она делает шаг в сторону, затем закрывает рот руками, зажмуривается и

разворачивается. Девушка поспешно бросается в сторону выхода со стадиона, оставляя меня в одиночестве. Я уже хочу побежать следом за ней, но что-то меня останавливает, и вместо этого я кричу.

— Убери меня из ЧС!

Соня не оборачивается. Она спускается по ступеням вниз и исчезает из виду, а я, довольно улыбаясь, опускаюсь обратно на сидение. Начало положено, я узнал, что случилось и почему Розина разорвала со мной все связи.

А ещё я понял, что Соня всё ещё испытывает ко мне чувства, не смотря на то, что говорит обратное, значит, не всё потеряно. Я один раз её добился, смогу и второй. Тем более, что она сама не особо-то и против.

И меня не остановят никакие Малийские и его дружки. Если потребуется, я всех их сотру в порошок.

Макс Корж — Мотылёк

Соня.

Вот поэтому я и не хотела, чтобы Егор знал причину, по которой я рассталась с ним. Я избегала его, игнорировала, перестала вообще с ним общаться и запретила всем своим друзьям контактировать с ним, думала, что он побесится и успокоится. Смирится. Забудет меня.

Но скорее всего я сама пыталась таким образом перестать думать о нём, и у меня почти получилось, вот только Штормов слишком упрямый, не успокоится, пока не получит ответы. Наверное, стоило бы придумать что-то, оправдывающее меня, но тут и дурак поймёт, что я вру. Исчезнуть сразу после стычки с Малийским и потом нести чушь на тему, что чувства исчезли и прошла любовь? Шторм бы не поверил.

И теперь я не знаю, что мне делать. Я очень много раз собиралась рассказать ему правду, почти сдавалась, заходя на его страницу «вконтакте», практически поддавалась на уговоры встретиться и обсудить всё, а потом начать всё с начала. Мне было тяжело, поэтому я и сбежала к бабушке в деревню, где не было доступа в интернет и возможности сорваться и позвонить Егору. И каждый раз, когда я вспоминала стычку с Сашей после выпускного, я боялась, что это может повториться. Не хотела, чтобы из-за меня он снова пострадал, и только это придавало мне сил и уверенности в том, что я поступаю правильно.

А теперь, когда Егор знает правду, его уже ничего не остановит. И я боюсь, что не смогу ему сопротивляться, если парень начнёт преследовать меня ещё усерднее. Ведь я всё ещё люблю его...

Егор.

— Ты сказал Соне, чтобы она порвала со мной? — с ходу выпаливаю я, залетая на кухню и даже не успев стянуть кроссовки.

Отец удивлённо впивается в меня взглядом, сидя за столом и попивая чай с конфетами. Он неопределённо пожимает плечом, открывает рот, чтобы что-то сказать, а потом закрывает его. Чешет нос, делая вид, что не при чём, бросает взгляд на включённый телевизор.

— Серьёзно, да? — недовольно выдавливаю, упираясь рукой в косяк. — Я, сука, четыре месяца тебе ныл, что мне без неё херово, а ты знал и ничего не сказал мне? Ты издеваешься что ли надо мной?

— Егор, — вздыхает папа. — Так было лучше. После того, что с тобой случилось...

— Да это не твоё дело! — выпаливаю я. — Не надо лезть в мою личную жизнь, иначе я найду себе нового тренера, и в своём зале ты меня больше не увидишь.

— Ты не сделаешь этого, — предупреждает меня он, но я лишь скрещиваю руки на груди.

— Уверен?

— Что за шум? — мама выходит из комнаты с книгой в руках и непонимающе смотрит то на меня, то на отца.

Я поджимаю губы и поворачиваюсь к ней, пытаюсь сдержаться, чтобы не повысить голос, но у меня это получается с трудом.

— Он приказал Соне, чтобы она бросила меня, — выпаливаю я.

— Ты что сделал?! — выдыхает мама, очевидно, бывшая не в курсе событий. Она огибает меня и заходит на кухню, скрещивая на груди руки, словно отчитывая непослушного ребёнка.

Отец виновато опускает голову и чуть отодвигается в сторону, чтобы не быть побитым.

— Я не приказывал ей, — вздыхает он. — Просто сказал, что будет лучше, если они расстанутся. Она втягивала его в неприятности, он мог пострадать ещё сильнее.

Я фыркаю, качая головой, мол, какой бред ты несёшь. Это моя жизнь, с кем хочу, с тем и буду встречаться, и мне плевать, что какие-то там отморозки пытались меня припугнуть. Да какая разница вообще, если рядом со мной будет Соня? Я смогу её защитить, просто в тот раз я не был готов, а в следующий всё уже будет по другому. Да и вряд ли этот следующий раз вообще будет, потому что Малийского ищет полиция, он просто так высовываться не будет, да и вестей от него вообще не было после выпускного.

— Дурак совсем? — недовольно тянет мать, ударяя папу книгой по голове. — Ещё хоть раз, — отец уклоняется, и удар приходится ему в спину, — сделаешь что-то подобное, — снова удар, — я тебя убью.

Я улыбаюсь, наблюдая за тем, как моя мама избивает отца книгой, а тот виновато морщится, словно собака, которая нашкодила. Вся злость тут же пропадает, и я расслабляюсь. Надо было сразу её натравить на отца, она ведь так сильно любила Розину, что чуть ли не каждый день интересовалась, не помирились мы с ней.

— Сегодня без ужина, — скалится она в сторону папы, и, надувшись, словно воздушный шар, подходит ко мне. В её голосе уже нет ни намёка на злость. — Зови Сонечку в гости, пусть приходит. Я сделаю вкусный торт и ещё что-нибудь.

— Ага, — улыбаюсь, смотря на недовольного отца, показываю ему язык и ухожу в свою комнату.

Заваливаюсь на диван и включаю телевизор. Сегодня у меня нет тренировки, лишь пробежусь перед сном и всё, а завтра в школе снова выловлю Розину и сделаю так, чтобы она пришла к нам на ужин. Теперь-то уже точно всё должно наладиться, иначе я никогда не прощу отца за его поступок.

Конечно, его тоже понять можно, но таким низким способом пытаться отвести девушку, зная, как я к ней отношусь, — это подлость.

Немного полежав и подумав, я беру телефон и захожу в социальную сеть. Никто не пишет, совсем не вспоминают обо мне. Кажется, я теряю свою популярность...

Пишу Матвею: «Чувак, как ты? Встретимся на днях?».

Недолго листаю ленту, делаю ретвит записи с песнями из сериала «Закон каменных джунглей», лайкаю фотку Андрея Матюшина, а потом вздыхаю и открываю свой профиль. Ничего интересного. Надо аватарку обновить...

«Я как в аду, — пишет Матвей. — С этими таблетками как наркоман, а без них голова трещит. Завтра заскочу к тебе в зал, поболтаем. Океу?».

«Океу. Я с Розиной вроде как помирился».

«Да ладно?».

Я засматриваюсь на телевизор, где по ТНТ прокручивают рекламу нового сезона физрука, и широко зеваю, вспоминая, как сегодня целовался с Розиной на стадионе. Это, наверное, самое приятное событие за последние месяцы.

«Ага))). Она рассказала, типа отец мой её надоумил со мной расстаться. Типа это она виновата в том, что на нас напали тогда и что ей надо теперь держаться подальше от нас».

«Ну, по сути, так оно и есть», — присылает Матвей, и я недовольно фыркаю.

«Слышь».

«Сорри, братан, но из-за её уroda бывшего я теперь на колёсах сижу. Она, конечно, не при чём, но те твари должны заплатить за то, что сделали».

Я перечитываю сообщение друга несколько раз, не зная, что ответить. Он прав. Их так и не нашли, а ему теперь страдать всю жизнь из-за травмы. Вряд ли копы вообще занимаются этим делом, ведь столько времени уже прошло. Если бы они хотели, давно бы нашли их.

Вздыхнув, я блокирую экран телефона и задумчиво смотрю в телевизор, совершенно не замечая, что там показывают. Матвею сейчас несладко, все его планы пойти в армию и свалить подальше от отца с матерью провалились. Сейчас он почти из дома не выходит, потому что шум города уничтожает его. Сплошные таблетки, с ними он чувствует себя, словно под водой. И всё из-за одного сраного удара по голове. Это я должен был быть на его месте, для меня предназначалась эта монтировка.

Снова включаю телефон и пишу другу.

«Поговорим завтра. Я согласен, что их надо проучить. У меня есть план».

«Океу».

Бросаю телефон на диван и ложусь на спину, смотря в потолок. Наверное, это плохая идея влезать во всё это дерьмо. Мне лично уже плевать на них, я полностью восстановился, но то, что чувствует Матвей, я понятия не имею. В последнее время редко его вижу. В десятый класс он не пошёл, поступать куда-либо тоже отказался. Всё время дома среди своих мыслей и раскалывающейся головы. И я знаю, что если не помогу ему, то парень сам начнёт искать тех уродов, а один он не справится...

Рем Дигга — Кабардинка

Соня.

Всю ночь я ворочалась и никак не могла перестать думать о разговоре с Егором на стадионе, постоянно вспоминая его взгляды, голос и поцелуи. Я скучала по нему, и теперь, когда мой секрет раскрыт, тоска обрушивается на меня с новой силой. Надежда, что можно всё вернуть, перестать бегать от парня, снова начать прикасаться к нему и проводить с ним время, раздирает меня на кусочки и беспощадно уничтожает. Сомнения затуманивают разум, и я жду всего лишь одного сигнала, щелчка, команды, чтобы послать всё к чёрту и оказаться в объятиях Штормова. Я уже готова сдаться, но часть меня всё ещё помнит, как друзья Малийского избивали Егора, не забывает, что Матвей теперь с травмой и сидит на таблетках, медленно сходя с ума, и мысли об этом останавливают каждую попытку отступить. Я думаю много и беспощадно и никак не могу выбрать правильный вариант.

Позволить Егору затащить меня обратно в свою жизнь или же запретить ему подпускать меня к себе?

Спросить себя, чего же хочется мне? Конечно же первый вариант. Быть рядом с ним каждую секунду, каждое мгновение, никогда не отпускать и никогда... Но ведь какая разница, чего хочу я? Будет лучше, если Егор забудет обо мне, тогда у Малийского не будет причин преследовать Штормова. А самое адекватное решение — уехать куда подальше, оборвать все связи, чтобы Саша меня вообще никогда в жизни не нашёл. Забыть Егора и начать жить заново. Но нужна ли мне эта новая жизнь без Шторма? А если уехать с ним?

Парень не бросит бокс, не оставит своего отца-тренера. Он не откажется от своей мечты ради меня, потому что будет жалеть об этом всю свою жизнь. А я не хочу смотреть на него и чувствовать вину за то, что отобрала у него смысл жизни.

Да и куда мы поедем? Мы школьники, несовершеннолетние. Без денег и без образования. Как же всё сложно...

— Опять сегодня у своего Миши? — слышу голос матери, доносящийся из кухни, когда я выхожу в коридор из своей комнаты, чтобы одеться и пойти в школу.

— Вроде того.

— Возьми хоть что-нибудь, а то на халяву там живёшь, — мама, кажется, моет посуду.

Слышу, как мяукает кот, затем пронесется по квартире и исчезает в гостиной. Топот его ножек стихает.

— Ой, мам, — отмахивается сестра.

— Вот, вы же не женаты, зачем ты там вообще остаёшься? Это некрасиво...

Я натягиваю кеды и куртку, потому что сегодня погода совсем не радует. Пасмурно и ветер холодный, пробирающий до костей. От вчерашнего тёплого солнышка не осталось и следа.

Не собираясь слушать споры родных, я тихо выхожу из квартиры и прикрываю за собой дверь. Признаться, идти на занятия у меня совершенно нет никакого желания. Не хочу встречаться с Егором, плюс всё равно буду думать о посторонних вещах, а не слушать

учителя. Смысл вообще туда отправляться? Думаю, прогуляю сегодня уроки, никто и не заметит.

Вот только погода отстой. По городу особо не погуляешь, а тёплых мест я не знаю, где можно провести несколько часов. Походить по торговым центрам? Не люблю разглядывать одежду, если не собираюсь покупать, в маке или в чикене сидеть тоже смысла нет, я без денег, а вкусные запахи сведут меня с ума.

Пока я спускаюсь на первый этаж, рассматриваю своё отражение: тонкая шапочка серого цвета, зелёные глаза в коричневую крапинку, осенняя голубая куртка и серый шарф. Никакой косметики, еле заметные синяки под глазами, уставший вид только напоминает о бессонной ночи. Настроения вообще нет.

Точно надо просто проветриться. Погуляю часок, другой, вернусь домой и скажу, что уроки отменили. Мама всё равно звонить классной не будет, а отец на работе.

Кутаюсь сильнее в шарф и, когда лифт замирает на первом этаже, выхожу из кабинки. Достāju наушники из кармана и начинаю распутывать, пока медленно подхожу к дверям. Открываю первую преграду, нажимаю на кнопку и толкаю железную дверь плечом, морщась от внезапного порыва ветра. Сразу хочется вернуться обратно и запереться в комнате, чтобы закутаться в одею и посмотреть какой-нибудь фильм в тепле, но стоит мне выйти на крыльцо, я тут же замираю.

В стороне стоит Егор в накинутаю на голову капюшоне и ёжится, прячась за колонной от ветра. Я не ожидаю его здесь увидеть, поэтому меня охватывает неловкость и неуверенность. Зря он пришёл сюда, я же просила его дать мне немного времени.

— Что ты здесь делаешь? — убираю наушники обратно в карман и осматриваюсь.

— Хотел узнать, почему из чс не убрала, — парень смотрит на меня, и под его пронзительным взглядом я теряюсь.

— Забыла, — пожимаю плечом. — Когда зайду «вконтакт», уберу.

— И дай мне свой новый номер, — заявляет парень, продолжая пристально смотреть на меня, словно пытаюсь загипнотизировать.

Я фыркаю и прячу руки в карманах, проследив взглядом за нашим соседом, который проходит мимо по дороге, направляясь к своей машине. Штормов шмыгает носом и делает шаг ко мне — я резко смотрю на него, словно предостерегая, и он замирает.

— Я ещё не решила, хочу ли всё возвращать, — серьёзно говорю я. — Это всё сложно.

— Да ни черта не сложно! — вспыхивает Егор, снова сокращая расстояние между нами и замирая всего в паре шагов. Он нависает надо мной. — Ты придумываешь какую-то чушь. Не можем быть вместе, потому что какой-то кретин этого не хочет и может навредить нам. Тебе ли не всё равно на него? Не строй из себя альтруиста, Розина. Твои жертвы никому не нужны.

Я ничего не отвечаю, опуская голову. Егор прав, но...

— Я не хочу, чтобы ты пострадал, — встаю к нему в пол-оборота. — Будет лучше, если мы перестанем пересекаться. Зря ты пришёл.

Прикусываю губу и, не смотря на Шторма, направляюсь в сторону дороги, но парень сильно хватает меня за локоть и останавливает, притягивая к себе.

— Если ты скажешь, что больше не любишь меня, тогда я оставлю тебя в покое, — заявляет он.

Голубые глаза Егора пронзают мою душу, и я понимаю, что не могу пошевелиться и даже отвести взгляд в сторону. Они как магниты. Два чистых почти прозрачных магнита,

притягивающих меня к себе и пытающихся заманить в самые глубокие дебри сознания. Я сглатываю, чувствуя крепкие пальцы на локте сквозь куртку, собираю все силы и отвожу взгляд в сторону.

— Не люблю, — собственные слова пронзают моё сердце, и я даже перестаю дышать.

Пытаюсь вырвать руку и поскорее сбежать отсюда, но Шторм встряхивает меня.

— В глаза смотри, — злится Егор, и я даже пугаюсь.

Снова смотрю в его глаза, понимая, что не смогу. У меня решимости не хватит соврать.

Я медлю, пытаюсь собрать все свои силы и выпалить одну единственную фразу, которую нужно сказать в этот момент, чтобы спасти и себя и Егора. Всего одна какая-то короткая чёртова фраза. В мыслях вертится: «Скажи ему. Скажи, что не любишь его. Просто скажи это, иначе вы оба пожалеете».

Я открываю рот и почти уже решаюсь выплюнуть фразу, которая застревает у меня в горле, но Шторм, словно почуяв это, наклоняется и целует меня, и я сразу же забываю все слова в этом мире.

Парень обнимает меня, и я шумно выдыхаю сквозь поцелуй. Тело сдаётся, а следом за ним и мысли. Чувства накрывают с головой, и я тону в них, совершенно не понимая, как вообще я секунду назад пыталась сказать этому парню, что не люблю его. Люблю ведь. Безумно люблю!

Его холодные пальцы хватают меня за щёки и шею, и мурашки скользят по мне, устраивая гонки по всему телу. Реальность отступает, и мир сжимается до нас двоих.

— Любишь ведь, я знаю, — шепчет Шторм, чуть отстраняясь.

И мне хочется плакать, а потом кричать, что да, люблю! Всё это время, каждую секунду, каждое мгновение, от которых я убегала. Люблю, люблю, люблю...

— Да, — сдаюсь я, чувствуя предательские слезинки в уголках глаз. — Люблю...

— И я тебя, — он снова целует меня. — Забудем последние месяцы. И больше никакой чуши по поводу Малийского, он больше не твоя проблема.

— Что? — не понимаю я, но Егор снова целует меня, и я забываю обо всём на свете.

Мы стоим возле подъезда моего дома в наших объятиях и никак не можем оторваться друг от друга. Хочется плакать и смеяться одновременно. Хочется кричать, бегать и улыбаться, не смотря на пасмурную погоду и леденящий душу ветер. Хочется, чтобы этот момент никогда не заканчивался, чтобы время остановилось и больше никогда не сдвигалось с мёртвой точки. Хочется, чтобы бесконечность забрала нас к себе и заперла в своей клетке и чтобы никто не смог добраться до нас.

Никто и никогда.

Fitz and The Tantrums — HandClap

Егор.

— Короче, — я нетерпеливо завязываю кроссовки, пока Матвей стоит в раздевалке, прислонившись спиной к шкафчикам и скрестив руки на груди.

Выглядит он помятым и болезненно-бледным, но я стараюсь не обращать на это внимания, потому что прекрасно знаю, что лишнее напоминание о состоянии, в котором находится друг, приносит ему одни лишь расстройствa. Он держится из последних сил, и каждый раз, когда кто-то сочувственно смотрит на него или пытается высказаться, как ему жаль и всё такое, только злит его сильнее.

Мои тренировки только закончились, поэтому я позвал Матвея в раздевалку, чтобы обговорить план, который придумал вчера вечером. Скоро я должен встретиться с Соней и затащить её к нам на ужин, как просила мать, так что с разговором нужно покончить прямо сейчас. Розина не должна знать, что у нас на уме, иначе будет компостировать мне мозг всю оставшуюся жизнь. Всё должно произойти быстро и без лишнего шума.

— У меня есть план, как вытянуть Малийского на встречу, — сильно затягиваю шнурки и заправляю в бок, чтобы не мешались. — Я стырю телефон Розиной, пока она будет занята, и напишу её приятелю, который подставил её в прошлый раз. Напишу от имени Сони, мол, хочу встретиться с Малийским, организуй это. Этот придурок будет думать, что Розина придёт на встречу, а вместо неё будем мы. Это раз. Два: у меня есть приятель в полиции, я попрошу его помочь. Он позволит нам проучить Малийского, а потом закроет его, сделав вид, что с нами даже не пересекался. В итоге и мы отомстим за тебя, и Саша попадёт под следствие. Ему за нас до трёх лет как минимум дадут. Сечёшь?

Я повышаю голос и вскидываю голову, смотря на Матвея. Он морщится, потому что я слишком громко вскрикнул последнее слово.

— Потихе, чувак, — он прикрывает глаза, словно пытаюсь заставить головную боль отступить, затем медленно открывает веки.

— Сорян, — кривлюсь я. — Ну, что скажешь?

Друг недолго молчит, хмурясь. Я терпеливо жду ответа, убирая в рюкзак форму, в которой недавно тренировался. Я не был в душе, поэтому от меня воняет потом, но это не страшно, сейчас главное обсудить детали и приступить к выполнению миссии. Пусть я и обещал Розиной не влезать в это дело, но мне невыносимо больно смотреть на Матвея. Всё-таки он не виноват, вообще не при чём. Это я должен был пострадать.

— И каким же образом ты провернёшь это так, чтобы Соня не просекла? — не понимает парень. — Ну, допустим, стыришь ты её телефон. Напишешь тому чуваку через вк. Сообщения останутся, Соня увидит и поймёт.

— Сотру, — поспешно бросаю я.

— А если он решит снова написать ей про встречу, а она не будет в курсе. Это всё за пять минут не сделаешь, — продолжает Матвей. — Это как минимум надо дождаться, пока парень ответит, пока организует встречу. Если ты заберёшь её телефон, она поднимет

тревогу. Да и зайти в контакт с компьютера легко может, тогда точно увидит сообщения. Ты не всё продумал...

Я вздыхаю и потираю переносицу, сосредоточенно думая о словах друга. Он прав. Да, Соня может увидеть сообщения, она ведь сидит в сети чуть ли не каждые пять минут. Я, конечно, могу отвлечь её, отдать сотовый Матвею, что он провернул это, но здесь тоже рискованно. Парень действительно может написать ей потом, чтобы уточнить о встрече, она начнёт расспрашивать, он поймёт, что это подстава, и Малийского нам не видать.

— Тогда... скажу тому чуваку, что типа, за страницей следит Егор, пиши мне на сотовый. Дам ему свой номер, — предлагаю я.

— А если он позвонит?

— Скажу, что рядом кто-то есть, пиши сообщения, — выпаливаю я.

Матвей вздыхает и качает головой.

— Не проще ли уговорить Соню помочь нам? — тянет он.

Я фыркаю и поднимаюсь на ноги, вставая со скамейки.

— Розина ни за что на свете не согласится, чтобы я ввязывался во всё это, — подхожу к своему шкафчику и открываю его, забирая оттуда куртку. — Она же игнорировала меня всё это время только из-за той драки. Начнёт психовать, беситься, тогда вообще потеряем шанс вытащить Малийского. Она не будет так рисковать, даже если я копов подключу.

— Уверен? — Матвей прислоняется затылком к шкафчикам и смотрит на меня, наблюдая за тем, как я одеваюсь.

Я молчу, мысленно представляя все варианты развития событий, если я попытаюсь привлечь к этому делу Соню. Да, я могу попробовать убедить её, скажу, что полиция будет рядом, и если что-то пойдёт не так, они быстро всех накроют, но... Мало шансов, что девушка согласится. Тогда мы потеряем возможность заставить Сашу вылезти из своего укрытия.

— Это будет как-то подозрительно, если мы предложим тому чуваку писать нам на сотовый, — продолжает Матвей. — Да и нет гарантии, что он не напишет Розиной. Спалимся — весь план к чертям полетит.

— Я знаю! — раздражаюсь я, затем виновато морщусь, понижая голос. — Он так же полетит к чертям, если Соня откажется.

Парень вздыхает и отстраняется от шкафчиков, пряча руки в карманы. Я застёгиваю куртку и замираю, задумчиво смотря в пространство. Звуки, доносящиеся из тренировочного зала, испаряются на заднем плане, и я погружаюсь в свои мысли. Мне не хотелось бы втягивать Соню в мой план. Она, во-первых, может оказаться в опасности, если бездумно ринется останавливать нас или же помогать, а, во-вторых, может снова послать меня. Поставит ультиматум, что если я свяжусь с Малийским, то мы расстанемся. Заставит сделать выбор. Она или Матвей.

А я не хочу лишаться ни того, ни другого.

Розина важна для меня. Матвей тоже.

Проучить Сашу — это единственная возможность вытащить друга из депрессии. Без меня он продолжит тонуть в мыслях о своей мести и может наделать глупостей. Соня должна понять меня, она ведь отчасти виновата в том, что случилось с Матвеем. Это её прошлое уничтожило его и почти что растоптало нас.

Да и к тому же, если не найти Малийского, он, в конце концов, снова появится в нашей жизни и всё испортит. Нужно предотвратить это, пока не стало поздно.

— Ладно, — вздыхаю я, поворачиваясь к другу. — Я поговорю с Соней, но не буду вдаваться в подробности, если она не согласится помочь. Если откажется, будем придерживаться моего плана. Хорошо?

— Ага. Как скажешь, чувак, — Матвей не смотрит на меня.

Он подходит к кулеру с водой и наливает половину небольшого стаканчика. Я наблюдаю за тем, как парень достаёт из кармана пузырёк с таблетками, достаёт одну и отправляет в рот, запивая. Матвей стоит спиной ко мне и не видит, что я пристально наблюдаю за каждым его движением.

Даже не представляю, что творится у него в голове. Если бы со мной случилось подобное, если бы я лишился из-за травмы бокса, я бы, наверное, сошёл с ума. Я бы жил мыслями о том, чтобы отомстить, и сделал бы всё, что угодно ради этого.

Так что я просто обязан помочь другу, может быть, хоть так ему станет легче. И всем остальным тоже.

iLoveMakonnen — Back Again

Соня.

Я стою на улице недалеко от зала, в котором тренируется Егор, и взволнованно переступаю с ноги на ногу. Я не горела желанием сюда приходить, потому что мне было неловко пересекаться с отцом Штормова, особенно после нашего с ним последнего разговора. Видеть его осуждающий и неодобрительный взгляд мне хотелось в последнюю очередь.

Заходить внутрь я не собираюсь, поэтому терпеливо стою снаружи и жду, когда парень соизволит выйти из здания и в очередной раз убедить меня в том, что возвращаться к нему, — это хорошая идея. Не смотря на наш недавний разговор возле моего подъезда, я всё ещё сомневаюсь в правильности моего решения.

Я жду минут пятнадцать, нервно выкуривая вторую сигарету, прежде чем двери открываются, заставляя меня обернуться. Я уже собираюсь выкинуть недокуренную палочку, потому что Егор с утра меня уже отчитал по поводу моего нового «пристрастия», которое привилось мне за время нашей разлуки, но вижу Матвея, тенью следующего за Штормом, и передумываю.

Я видела парня всего один раз, когда навещала его в больнице, после возвращения из деревни. Мне хотелось извиниться и убедиться в том, что он в порядке, но в итоге на душе стало ещё противнее. Матвей загнивал. Увядал прямо на глазах. Он глотал таблетки и тонул в своих мыслях, думая о своём жалком существовании и боясь того, что ждёт его в будущем. Я видела это в его взгляде, когда-то игривом и насмешливом, но сейчас безжизненно-пустом.

Я чувствовала свою вину, и, не смотря на слова парня, что всё в порядке, никак не могла избавиться от этого. Мне было страшно смотреть ему в глаза, поэтому я больше не ходила к нему. А потом его выписали, в школу он не ходил, на улицах практически не бывал, и я жила себе преспокойно, пытаясь убедить себя в том, что это не моя вина.

И вот теперь, когда Матвей в чёрной шапке, которые он ненавидит, выходит из зала вслед за Егором, мои внутренности сковывает неприятное чувство.

Я затягиваюсь и судорожно выдыхаю, пристально наблюдая за ребятами.

— Привет, — Шторм подходит ко мне и целует в щёку, морщась. — Я же просил не курить... — он поджигает губы.

Я закатываю глаза и смотрю на Матвея, но тот лишь кивает мне. Его взгляд направлен в сторону — парень явно делает вид, что меня здесь нет.

— Привет, Матвей, — напряжённо говорю я, выбрасывая окурок и туша его ногой. — Как ты?

Парень почти незаметно кривится, то ли от моего голоса, то ли из-за моего присутствия. Он прячет руки в карманах и, наконец, переводит взгляд на меня. Я еле

сдерживаюсь, чтобы не отвести свой в сторону.

— Жить можно, — его губы кривятся в улыбке.

Егор берёт мою руку, и я отворачиваюсь. Парень тянет меня вдоль по дороге — мы идём несколько минут молча, ёжась от порывов ветра и стараясь не обращать внимания на прохожих, которые мелькают вокруг нас, пытаюсь поскорее убраться с улицы и оказаться в тепле.

Я бы тоже не прочь заскочить в какой-нибудь магазин и погреться, но, кажется, ребята не собираются этого делать. Я боюсь нарушить тишину, потому что мне чертовски неловко и странно находиться рядом с ними после всего, что случилось. Я хочу быть с Егором, но это всё кажется мне каким-то неправильным, словно всё изменилось и уже не будет так, как раньше.

— Слушай, Сонь, — Шторм первым нарушает молчание. — Мы тут подумали... Короче, хотим разобраться с Малийским раз и навсегда.

Меня охватывает ужас, и я резко останавливаюсь. Одно лишь упоминание об этом парне заставляет меня и бояться и злиться одновременно.

— Ты серьёзно? — с упрёком спрашиваю я, стараясь показать ему всем своим видом, что мне не нравится эта идея.

Егор вздыхает и смотрит прямо мне в глаза.

— Выслушай, — просит парень. — Он должен заплатить за то, что сделал, — я невольно смотрю на Матвея, но тот держится в стороне. — К тому же, если мы оставим всё, как есть, он может снова вернуться. Ты же это прекрасно понимаешь.

Я качаю головой, прикрывая глаза. Нет-нет-нет... Это всё глупая и плохая затея.

— У меня есть связи в полиции, — продолжает Егор. — Мы вытащим их и закрём за решёткой. Он как минимум на три года сядет.

Я вздыхаю и неуверенно смотрю на Шторма. В какой-то степени он прав. Да, их надо наказывать за всё, что они сделали, но...

— А вдруг, когда он выйдет из тюрьмы, то решит отомстить нам? И будет только хуже... Вдруг лучше сейчас оставить всё, как есть, — не унимаюсь я. — Это опасно, вы же знаете. Полезете в это дерьмо и уже не сможете выбраться. Я не хочу, чтобы с вами что-то случилось...

— Да ничего не случится, — Егор хватая меня ладонями за щёки и заставляет посмотреть ему в глаза. — У нас будет преимущество. Мы вытащим Малийского, его повяжут и посадят. Всё. Добавим статью за преследование и ещё что-нибудь. Когда он выйдет, нам уже нечего будет опасаться. Сонь, — он целует меня. — Мы же будем не одни. К тому же, я делаю это не только ради нас. Он должен заплатить за то, что сделал с Матвеем.

Я прикусываю губу, пытаюсь сфокусироваться на словах парня, но в голове отчаянно мигает красная кнопка «стоп» от одного лишь упоминания о моём бывшем. Я вспоминаю выпускной, то, что я чувствовала, когда избивали Егора с Матвеем, и дикий ужас сковывает моё тело. Не хочу, чтобы всё это повторилось. Не собираюсь снова испытывать весь этот страх и панику. Второго раза я не выдержу.

— Нет! — выпаливаю я, отталкивая Егора. — Я в этом участвовать не собираюсь. И если ты ввяжешься во всё это, можешь забыть обо мне.

Я разворачиваюсь и направляюсь дальше, прикусывая губу до такой степени, чтобы всё внутри перестало дрожать.

— Сонь, — Шторм догоняет меня и останавливает. Его руки заставляют меня развернуться к нему лицом и оказаться в объятиях парня. — Ладно, хорошо. Мы ничего не будем делать.

Я вздыхаю, пытаюсь совладать со своими мыслями и чувствами.

— Я просто боюсь за тебя, — бормочу я. — Не хочу, чтобы ты пострадал. В тот раз тебе повезло, никто не знает, что будет в этот.

— Я знаю, знаю, — он целует меня в висок. — Я просто спросил твоё мнение. Ничего не будем делать, если ты против, хорошо?

Я прикусываю губу. Ветер усиливается и заползает мне под куртку, заставляя меня ёжиться и сильнее прижиматься к Егору.

— Хорошо, — говорю я, прекрасно понимая, что мои слова ничего не изменят в этой ситуации.

Если уж Егор вбил себе в голову какую-то идею, то даже я не смогу заставить его передумать. Они правы, говоря, что Малийский должен поплатиться, но лично я не хочу во всём этом участвовать. Я просто хочу спрятаться и больше никогда не вспоминать своё прошлое. Я слишком трусливая...

— Ладно, пошли, — Егор отстраняется от меня и смотрит на Матвея. — Моя мама ждёт нас на ужин. Присоединишься?

— Не, спасибо, — парень, стоявший до этого в стороне и наблюдающий за нами, качает головой. — Напиши потом, как что.

— Ага, — ребята стучаются кулаками, и Матвей уходит в противоположную сторону, оставляя нас одних.

Я молчу, потому что не знаю, что можно вообще сказать в этой ситуации.

— Всё будет в порядке, — заявляет Штормов, и я не могу понять, о чём именно он говорит.

— Ага, — только и могу выдавить я.

Конечно же всё будет в порядке. От Малийского не было вестей четыре месяца, и я надеюсь, что больше никогда в жизни не услышу о нём. Пусть он остаётся в прошлом так долго, насколько это вообще возможно.

А возможно ли это?

Jah Khalib — Если Чё Я Баха

Егор.

Не смотря на запрет Сони, мы не оставляем идею выманить Малийского и как следует отомстить за драку на выпускном. Я связываюсь с Лёхой Петровским, который работает в местном управлении полиции, и парень с радостью соглашается помочь нам. Мы продумываем план, каждую деталь, каждое движение, расписываем всё по секундам, насколько это вообще возможно, и начинаем действовать.

Итак. Наш план состоит из нескольких пунктов.

Первое и самое сложное: от имени Сони Розиной связаться с её корешом и заставить его свести нас с Малийским. Заставим Сашу прийти на место, которое мы выберем для встречи, потому что идти на его территорию опасно и невыгодно.

Второе. Как только встреча будет назначена, подключаем Петровского. Он со своими приятелями организует засаду и будет ждать нашего сигнала. Чтобы Малийский не смог приплести меня и Матвея к делу, сделаем так, словно полиция — случайность.

Третье. Мы приходим на встречу. Здесь самое важное: если Саша прихватит друзей и если их будет куда больше, чем нас, то мы отступим и позволим Лёхе их повязать. Рисковать лишний раз не собираемся.

Четвёртое. После всемирного удивления Малийского, что на встречу пришла не Соня, а я с Матвеем, мы избиваем его, тем самым отомстив за выпускной, а как только услышим сирену, которую врубит Петровский, тут же линяем, чтобы создать видимость, что мы не при чём.

В итоге этого идиота ловят, а мы остаёмся не при делах.

По крайней мере так задумано.

Во всём моём плане есть несколько минусов, о которых не устаёт напоминать мне Матвей.

Во-первых, есть вероятность, что ни кореш Сони, ни Малийский не поверят в то, что Розина решила встретиться с ним, чтобы поговорить. Они должны быть настоящими придурками, чтобы купиться на это.

Во-вторых, территорию нужно выбрать безлюдную и спокойную, чтобы легко можно было устроить засаду. И будет как-то странно, если девушка позовёт Сашу на встречу в опасное для неё место после всего, что между ними было.

На Розину это всё не похоже.

И, в-третьих... да что угодно может пойти не так. Вплоть до того, что нам не удастся незаметно стянуть сотовый Сони.

— Может, просто свяжемся с ними и скажем, что хотим поговорить с Малийским и разобраться во всём? — предлагаю я. — Типа, кто победит, тот и получит Розину?

Матвей шумно вздыхает. Мы сидим у него дома и дорабатываем план нашей мести, который с каждым днём становится всё абсурднее. Чем дольше мы тянем с его исполнением, тем быстрее пропадает желание вообще ввязываться во всё это.

— Тогда потеряем преимущество. Он обязательно какую-нибудь подставу устроит, — говорит друг.

— Да он так и так её устроит. Он же не совсем дурак, чтобы верить в намерения Розиной поговорить с ним, — отмахиваюсь я, убеждая скорее себя, чем его.

— Кто знает...

Я ничего не отвечаю.

— Если бы был способ найти место, где он залёг на дно, было бы проще проследить за ним, — вздыхаю я. — Но выйти на него мы можем только через Розину. А как беспалевно и убедительно воспользоваться телефоном Сони, я ещё не знаю.

Матвей сидит за компьютером в самом тёмном углу своей комнаты, потому что свет режет ему глаза и заставляет голову болеть ещё сильнее. В помещении полумрак, шторы занавешены, и я с трудом могу разобрать плакаты, висящие на стене возле двери. Мы уже неделю мусолим тему на счёт Малийского и никак не можем прийти к единогласному решению.

— Возможно, нам нужна другая Розина, — бормочет друг, и я непонимающе смотрю на него.

Парень разворачивается на компьютерном стуле — я смотрю на Матвея, затем перевожу взгляд на монитор и вижу открытый профиль «вконтакте» сестры Сони, Маши. Я с ней особо не общаюсь. Так, виделись несколько раз, болтали по делу и всё.

— Не знаю, чувак, — вздыхаю я, облизывая губы. — Не уверен, что она согласится. К тому же может сестре слить.

— Попробовать стоит, — бросает Матвей. — Просто попросим помощи. Можно сделать так, чтобы Машка связалась с Малийским вместо Сони. Так будет меньше подозрений. Да и к тому же она может позвонить и поговорить лично, что не сможем сделать мы. Придумаем какую-нибудь причину для разговора. Ты ж вроде говорил, она психолог.

Я пожимаю плечом.

— Заканчивала вроде как, — задумчиво тяну.

Встаю с дивана и начинаю расхаживать по комнате. Здесь давно не убирались, кресло завалено вещами, на полу какие-то коробки. Бумаги на столе. Старый телевизор, древний разваливающийся магнитофон и куча кассет на полке. В детстве мы часто брали бумбокс и ходили по району, хвастаясь музыкой. Не знаю, к чему я это вспомнил.

— Попросим, чтобы она не говорила Соне. Она должна понять, что втягивать её бессмысленно. Тем более, она старше, должна что-то подсказать. Сколько ей? — не отстаёт Матвей.

— Не помню. Двадцать два вроде, — отрываю взгляд от магнитофона и поворачиваюсь к другу.

Он выглядит до дикости непривычно. Раньше парень был скромным и спокойным, не влезал в разборки и вообще старался вести себя мирно, не считая тех случаев, когда ситуация требовала более решительных мер, а сейчас он маниакально одержим мстостью. При чём не тому парню, который заехал ему монтировкой, а именно Малийскому. Не знаю, что он к нему прицепился, это ведь мне надо рвать и метать, ища способ отвадить его от Розиной, а я дико спокойный и мне даже, признаться, плевать на Сашу. С учётом, что он не будет и дальше соваться к нам.

Но Матвей...

Это из-за травмы или он всегда был таким одержимым?

— Ладно, я попробую, — сдаюсь я. — Напишу ей.

— Сейчас, — он кивает на свой комп. — Она онлайн.

Я хмурюсь.

— Океу, дай со своего зайду, — вздыхаю я, понимая, что Матвей не отвяжется.

Друг поднимается со стула и уступает мне место. Неохотно заняв его, я выхожу из профиля парня и захожу в свой. Страница Сони Розиной первая в списке моих друзей, следом идёт Матвей и остальные. Я захожу на профиль своей девушки, ищу её сестру в списке родственников и открываю страницу Маши. Она онлайн с телефона.

— А что если рядом с ней Соня? — спрашиваю я. — Тогда спалимся.

Матвей облакачивается рукой о столешницу и хмурится.

— Спроси у Сони, что она делает.

Я вздыхаю и покорно возвращаюсь в диалоги. Пишу: «Привет, пупс. Чем маешься?»

Она отвечает почти сразу: «С Яной гуляю. А ты?»

«У Матвея».

— Видишь, сестра не с ней. Пиши, — настаивает друг, и я неуверенно морщусь. Чего он раскомандовался?

Возвращаюсь на страницу Маши и пишу ей сообщение:

«Привет, Маш. Есть разговор. Только Соне ни слова. Это на счёт Малийского».

Откидываюсь на спинку стула и немного кручусь на нём. Розина-старшая отвечает долго, поэтому я включаю музыку и начинаю листать новости, показывая Матвею угарные мемчики, но тот их, очевидно, не оценивает.

«Привет. Океу. Что за тема?».

«Хотим вытащить его и проучить за Матвея. Ты же в курсе, что с ним случилось?».

— Скажи, что лично нужно поговорить, — просит друг.

Я показываю ему рукой, мол, подожди чуток, и он начинает нетерпеливо постукивать пальцами по столешнице. Я не обращаю на него внимания.

«В курсе. А я при чём?».

«Нужна твоя помощь. Если ты не против, встретимся завтра? Обсудим. Ибо, если мы его не сдадим копам, то он вряд ли нас оставит в покое».

Маша читает сообщение и ничего не отвечает. Я уже думаю, что она против или что она уже сдала нас Соне, и дольки страха впиваются в мои лёгкие тонкими иглами.

«Ладно. Когда, где?».

Я смотрю на Матвея.

— После школы. Часов в пять возле Парка Славы, — предлагает друг.

Я киваю и пишу время и место Маше, после чего расслабляюсь и облегчённо вздыхаю.

— Доволен? — интересуюсь я, поднимаясь на ноги и уступая место парню.

Тот благодарно улыбается, кивая мне, и мне даже становится легче. Если сестра Сони согласится помочь нам, то тогда не придётся впутывать мою девушку во всё это. Она и так натерпелась от Малийского, не хочу, чтобы она снова пересекалась с ним или хоть как-то была причастна к его личности. Её нужно как можно тщательнее оберегать от прошлого, чтобы оно снова не затянуло Соню в свои коварные лапы.

Соня.

Я возвращаюсь домой после прогулки с Яной ближе к вечеру и довольно урчу, оказываясь в тепле. Настроение отличное, хочется плясать и разбрасываться лучами радости, не смотря на унылую осеннюю погоду и приближающиеся холода. Сейчас только Егора рядом не хватает для полного счастья.

Я раздеваюсь, иду в ванную, мою руки, затем заглядываю на кухню и тырю из вазы несколько конфет. Пока иду в свою комнату, открываю одну из сладостей и отправляю её в рот. Прислушиваюсь: в гостиной работает телевизор, наверное, там засели родители и смотрят очередную скучную передачу по РенТВ. Даже не суюсь туда, прохожу по коридору и останавливаюсь возле двери, которая ведёт в комнату Маши. Решаю проверить, дома она или же снова у своего Миши.

Даже не стучусь, открывая преграду, и заглядывая внутрь.

Сестра сидит на кровати перед ноутбуком — она косится в мою сторону, когда я захожу, прикрывая за собой дверь.

— Привет, — улыбаюсь я.

— Угу, — Маша не смотрит на меня.

На мониторе я вижу, что она листает новости «вконтакте», её лицо задумчивое и непроницаемое, в прочем, как и всегда. Хотя, обычно она бесится, если я без стука врываюсь к ней, а сейчас какая-то тихая.

Я пересекаю пространство и сажусь напротив неё. Девушка не смотрит на меня, но даже так я могу заметить, что её лицо какое-то опухшее, а вид чертовски подавленный. Я хмурюсь.

— Ты плакала? — напрямую спрашиваю я.

Маша вскидывает на меня недовольный взгляд и смотрит исподлобья так, словно готова вонзить мне в шею нож. Вскидываю бровь, терпеливо дожидаясь ответа. Сестра вздыхает и шмыгает носом, но комментировать мои слова явно не собирается.

— Случилось что? — продолжаю допрос.

Знаю, как её это бесит. Как она это называет? Психоанализ? Она его терпеть не может, если его использовать на ней.

— Он нашёл себе другую, — бросает Маша, стискивая зубы.

Я осматриваю комнату, непонимающе морщась, опускаю взгляд на конфеты, которые держу в руках, и открываю очередную жертву.

— Миша? — догадываюсь я.

— Ага. При чём даже не сказал мне.

Сестра не смотрит на меня, продолжая пялиться в монитор. Миша... Она с ним общалась больше полугода, часто зависала у него, почти что жила с ним, из-за чего часто ссорилась с родителями. Я даже начинала думать, что у них там всё серьёзно. Хм...

— А как ты узнала? — интересуюсь я, отправляя в рот сладость.

Маша отвечает неохотно и не сразу. Я знаю, что ей нужно много времени, чтобы собраться с мыслями и чтобы сгруппировать слова, мечущиеся у неё в голове.

— Он меня начал динамить. Отмазывался, мол, работа и всё такое. Типа устал, времени нет и бла, бла, бла, — бурчит сестра. — Перестал звонить и писать, звать к себе. Я сразу догадалась, что у него кто-то появился, — я вспоминаю, что они чуть ли не каждый вечер, когда были не в месте, болтали по скайпу. — Вчера пересеклись всё-таки. Случайно увидела,

как он поцелуйчики шлёт кому-то в диалоге. Утром он ушёл на работу, а я залезла с его компа «вконтакт» и прочитала переписку. Оказывается, тусит теперь с другой, а все эти отмазы, когда он меня динамил, он с ней был. А мне ни слова не сказал. Просто слил и всё...

Я задумчиво хмурюсь. Настроение медленно, но верно скатывается к нулю, и я даже расстраиваюсь из-за этого.

— Ну... Вы же не мутили, да? — тяну я.

— Ну, да, — Маша злится. — Но всё равно можно было хотя бы сказать, типа «сорян, я затусил с другой, с тобой больше не хочу пересекаться». А не просто сливать, словно меня вообще не существовало. Мы всё-таки не один день знакомы.

— Ну, да. Некрасиво, — бормочу я, вспоминая Егора. Кладу рядом с ноутбуком горстку конфет, чтобы угостить сестру и хоть как-то подбодрить её. — Но ему ничего не предъявишь, вы же не встречались. Ничем не обязаны друг другу. Он тусит с кем хочет, ты тоже.

— Да знаю я, — она берёт конфету, расстраиваясь ещё больше. — Просто привыкла к нему за все эти месяцы... не знаю, — она бросает сладость в рот и начинает лениво жевать. — Обидно.

Я фыркаю и откидываюсь назад, падая спиной на кровать.

— Забей. Найди себе норм мужика. И начни встречаться.

Сестра ничего не отвечает. Я смотрю в потолок, затем вздыхаю, переворачиваюсь на бок и подпираю голову рукой. Разглядываю сестру. Она у меня красивая, вот только парней выбирать не умеет. Вечно её тянет на плохих ребят, которые разбивают ей сердце. Снова думаю о Егоре и в очередной раз вздыхаю.

— Так, ты теперь снова со Штормом? — интересуется Маша, чтобы перевести тему.

— Ага, — прикусываю губу. — Уже неделю. Не знаю, правильно ли это...

— А Малийский что?

Пожимаю плечом.

— Пока тишина. Егор хотел его выловить и побить, но я сказала, что если ввяжется в это, я окончательно порву с ним, — отвожу взгляд в сторону. — Не знаю, как быть.

Маша внимательно смотрит на меня, словно пытаюсь прочесть мысли, и я отворачиваюсь.

— Держись его, — говорит сестра. — Егора, — уточняет. — Вы отличная пара.

Я неожиданно краснею и расплываюсь в улыбке, а потом мне становится стыдно, потому что у сестры неудачный день и вообще проблемы в личной жизни, так что я не должна в такой момент радоваться тому, что у меня всё хорошо.

— Конечно, — сажусь на кровати, а затем поднимаюсь на ноги. — А ты не грусти. Он ещё пожалеет, что бросил такую крутую тёлочку, как ты.

Она отмахивается и впервые за весь разговор её губы трогают улыбка.

— Ага, — удручённо бормочет Маша.

— Я в душ, — я потягиваюсь.

Она кивает, провожая меня взглядом до дверей комнаты, а я оставляю её наедине со своими мыслями и выхожу в коридор. Хочется поддержать сестрёнку, но я понятия не имею, как именно это сделать. Может быть, купить что-нибудь вкусненькое? Да. Точно. Пойду выбью у отца пару сотен, если, конечно, он не начнёт снова петь про то, что у нас нет денег.

Может быть, найти Маше какого-нибудь нормального парня? Надо спросить у Егора, есть ли у него подходящие знакомые. Устрою отбор кандидатов и сама выберу самого

лучшего.

Я улыбаюсь своим глупым мыслям, а затем всё-таки решаю принять душ. Всё остальное может подождать...

Охххуmiron — Все переплетено

Егор.

— И это ваш план? — Маша скептически смотрит то на меня, то на Матвея, и я даже теряюсь.

Мы стоим в парке, прячась от ветра среди деревьев, и рассказываем сестре Сони то, что мы задумали. Девушка ёжится, кутаясь в шарфе, сильнее натягивает на голову капюшон чёрного пальто и смотрит на нас исподлобья. Она ниже нас ростом и выглядит намного моложе своих лет. На её фоне Розина-младшая смотрится куда старше. Так сразу и не скажешь, что Маша уже закончила университет, её ведь легко спутать со школьницей.

— Ну, да, — говорю я. — Самое главное — это выманить его, остальное ерунда.

Девушка задумчиво опускает взгляд и недолго молчит, обдумывая наше предложение. Чем дольше она молчит, тем больше мне начинает казаться, что нас ждёт отказ.

— Если ты не поможешь, придётся воспользоваться Соней, — говорю я. — А я не хочу втягивать её вообще. Ты-то должна понять, она же твоя сестра. Если мы не избавимся от Малийского, то так и будем оглядываться по сторонам.

— Я в курсе, — она шмыгает носом.

Мы с Матвеем переглядываемся — тот пожимает плечом и отворачивается, пряча руки в карманах. Погода на улице за последние дни меняется слишком быстро. Ещё пару недель назад была жара, а сейчас ветер настолько ледяной, что пробирает до костей. Даже из дома не хочется выходить, но, во-первых, школу никто не отменял, а, во-вторых, тренировки тоже.

— Это, конечно, всё круто, — наконец бормочет Маша. — Их давно пора отловить, но... Не проще ли сразу передать их копам? Я про то, чтобы вы не лезли на рожон. Назначить встречу, выгащить, а там дальше пусть полиция работает. Вам всего семнадцать, это глупо идти на парней, которые куда крупнее и старше вас.

— Тогда смысла вообще нет, — Матвей впервые подаёт голос.

Девушка внимательно смотрит на него.

— Ты же понимаешь, что месть — это не выход? — тянет Розина. — После неё останется только пустота.

Друг неопределённо качает головой, и невозможно понять, соглашается парень со словами девушки или же нет. Он шмыгает носом, смотрит вдаль на прохожих, а потом снова впивается взглядом в девушку. Та вздыхает, понимая его без слов.

— Ладно, всё равно же не отступите. Я помогу, — Маша смотрит прямо мне в глаза, и неприятное чувство, что меня видят насквозь, скользит по моей коже. — Ничего не обещаю, но сделаю всё, что возможно. При условии, что Соню втягивать вообще не будете.

— Конечно, — выпаливаю я, облегчённо улыбаясь.

— И бездумно рисковать тоже не станете, — она достаёт сотовый и смотрит на время. — Наша цель — это выгащить Малийского. Если он будет не один, вы лишний раз вдохнуть не посмеете. Ясно? Я наблюдать за тем, как вас ломают, не собираюсь. Короче,

делаем так, — она убирает сотовый в карман и несколько секунд медлит. — Я пытаюсь вывести его на встречу. Вы организовываете засаду. Иду туда я, — Маша смотрит на Матвея. — Меня Саша трогать точно не станет. Как только я буду уверена в том, что опасности нет, выходите вы. Ясно?

— Ага, — Матвей неохотно соглашается. — Но если мы почувствуем, что ты будешь в опасности, вытащим тебя.

— Плюс мой знакомый из полиции будет прикрывать, так что ничего не случится, — заверяю я девушку. — Всё должно пройти плавно.

— Ага, — она поджимает губы. — Мне это говорит подросток, который не понимает, во что ввязывается.

— Пусть мы и подростки, но не делай из нас тупых, — Матвей смотрит на девушку сверху вниз.

Она прожигает его взглядом, а потом усмехается.

— Он мне нравится, — Маша обращается ко мне, кивая на друга. — Смышлёный. Но не достаточно, чтобы понять всю опасность и бредовость затеи, — она вздыхает и качает головой, словно собираясь вот-вот передумать. — Я это делаю только ради сестры. И у меня ещё условие, если Малийский не клюнет на меня, то вы оставляете его в покое. Идёт?

Я смотрю на Матвея, и тот неохотно кивает.

— Ладно, идёт. Мы согласны, — протягиваю руку девушке, и та осторожно пожимает её.

Тонкие пальцы настолько холодные, что меня пробирает дрожь. Я ёжусь то ли из-за ветра, то ли из-за нетерпения, и немного подпрыгиваю на месте. Первый пункт плана почти выполнен, остальное за Машей. Как только она вытянет Малийского на встречу, буду действовать я.

Мы решаем не тянуть с этим и сразу после встречи в парке направляемся к Матвею домой. С одной стороны, чтобы погреться горячим чаем, а с другой, чтобы позволить Розиной спокойно заняться своей ролью в плане. Пока девушка сидит за компьютером и ищет страницу бывшего кореша Сони, я стою рядом и наблюдаю за ней, периодически делая глоток из кружки. Чай без сахара, он настолько горячий, что пар поднимается от кружки и растворяется, словно дым. Я пью шумно и нетрепливо, в отличие от Маши. Она не спешит ни с напитком, ни с поиском профиля парня.

— Для тебя это как игра, да? — спрашивает девушка, как только Матвей уходит на кухню, оставляя нас наедине.

— О чём ты? — не понимаю я.

Маша облизывает губы и вздыхает.

— То, что на уме у твоего друга, мне понятно. Он сломлен и хочет отомстить, и если он этого не сделает, то будет медленно сходить с ума, — её голос томный и тихий. — Его бесполезно переубеждать, даже если Матвей будет знать последствия и понимать их серьёзность. Вся его жизнь теперь вертится вокруг этой мести. Но ты — совсем другое дело.

Она смотрит на меня — я стою рядом и нависаю над девушкой, очередная неприятная волна, что меня видят насквозь, пробирает моё тело до дрожи. Я сглатываю и неуверенно отвожу взгляд в сторону.

— Ты ведь не хочешь влезать во всё это, да? Если бы не твой друг, ты бы вообще забыл про Малийского. Пока Саша держится от тебя и Сони подальше, ты и пальцем не

пошевелишь, чтобы найти его, — продолжает Маша. — Ты же умный парень и прекрасно понимаешь, что если что-то пойдёт не так, то ты лишишься всего. Поэтому ты рисковать не станешь.

Я прокашливаюсь, неуверенно переступая с ноги на ногу, оборачиваюсь на дверь, чтобы проверить, не подслушивает ли нас хозяин квартиры, затем сжимаю пальцами столешницу.

— Я делаю это ради Матвея, — наконец, бормочу я. — Один он не справится. Да и Сашу всё равно надо вытаскивать, мало ли, что он планирует. Может быть, что пострашнее стычки на выпускном.

— Это понятно, — девушка продолжает внимательно наблюдать за мной. — Просто ты не понимаешь всей серьёзности ситуации. Ты думаешь, побьёшь его и всё. Отделаешься парой ссадин, как в прошлый раз. Удача ведь всегда на твоей стороне? — она даёт мне пару секунд для раздумий. — Но что ты будешь делать, если тебя травмируют до такой степени, что ты не сможешь заниматься боксом?

Я раздражённо выдыхаю и ставлю кружку на столешницу.

— Не знаю, — рычу я, нависая над Машей ещё сильнее. — Что за вопросы тупые? Просто вытащи этого урода на встречу и всё, остальное уже не твои проблемы. И хватит уже вот это вот всё делать...

Я неопределённо трясую рукой.

— Что именно? — девушка невинно улыбается.

— В голове моей копать, вот что, — бурчу я, отворачиваясь.

Она усмехается и возвращается к компьютеру, а я впиваюсь взглядом в фотографию в рамке, которая висит на стене, и задумчиво хмурюсь. На кадре изображён я и Матвей, нам лет по десять-двенадцать. Я в боксёрских перчатках, друг тоже. В детстве мы вместе ходили в зал моего отца и занимались боксом, вот только потом Матвей забросил это дело. Там мы и познакомились.

— Готово, — бросает Маша.

Я возвращаюсь к ней и смотрю на экран. Девушка нашла страницу Никиты Верховского и написала ему сообщение:

«Передай Малийскому, если всё ещё хочет вернуть мою сестру, пусть напишет мне или позвонит. У меня к нему есть разговор». А дальше номер телефона.

— Сотовый твой? — интересуюсь я.

— Да, — девушка поджимает губы. — Не люблю давать номера всем подряд, но что ни сделаешь ради сестры.

— С нас должок, — я благодарно улыбаюсь. — Думаешь, он клюнет?

— Должен. Если ему нужна моя сестра, он на всё пойдёт. Тем более, что меня он знает со школы, — девушка откидывается на спинку стула. — Осталось только подождать звонка или ответа. Если не клюнет, значит, перегорело и он оставит вас в покое. В идеале.

Она смотрит на меня.

— Нужно место и время, куда мне его вытащить?

Я вздыхаю и прикусываю губу.

— Вообще планировали на стоянку центрального здания, там как раз ни камер, ничего. Всё заброшено, — говорю я.

Девушка думает, затем качает головой.

— Не прокатит. Нужно людное место, — Маша чешет нос. — Встречу его на улице, чтобы не было подозрений, а потом заманю на стоянку. Или ещё что-нибудь придумаю.

Короче, — девушка выходит из своего профиля и поднимается на ноги. — Не знаю, сколько придётся ждать, так что пойду домой. У меня ещё дела. Как только он позвонит, я тебе сообщу. Пришли мне вк свой сотовый потом, и Матвея. На всякий случай.

— Ага. Спасибо тебе, — отступаю назад, чтобы дать Розиной пройти.

— Пока не за что, — она смотрит на меня, словно собираясь отчитать или же упрекнуть в чём-то. — Будь готов к тому, что Малийский не свяжется со мной. И присмотри за своим другом. Ему вредно одному оставаться.

Я киваю. Девушка права, что-то, а Матвея одного оставлять точно не стоит. Маша хлопает меня по плечу, разворачивается и направляется в коридор, а я следую за ней, чтобы проводить. Всё-таки здорово иметь такую старшую сестру. Выглядит она потрясно-крутой и держится точно так же. Я её начинаю уважать ещё больше, чем раньше.

Охххуmiron — Где нас нет

Егор.

Прошло несколько дней с тех пор, как Маша согласилась помочь нам с Малийским. Вестей от него не было, и я с каждым часом убеждался, что ничего у нас не получится. Признаться, я даже чувствовал облегчение, в глубине души надеясь, что Саша не клюнет, и нам не придётся ввязываться в неприятности.

Я не был трусом, и мне не было страшно. Я готов был рвануть на стычку по малейшему сигналу, лишь бы поддержать Матвея, но я никогда не был уличным парнем, получающим удовольствие от подобных разборок. Я рос в семье боксёра, и моё воспитание было направлено на чистые поединки. Ринг — вот место, где я решаю свои проблемы. Один на один в честном спарринге.

Караулить кого-то, чтобы избить, а потом слить полиции — это противоречит всем моим убеждениям, но я прекрасно понимаю, что с Малийским это не прокатит. Он проиграет мне в первую же минуту драки, а потом, накопив обиду и злость, и вернётся, чтобы отомстить. И этот круговорот невозможно прервать.

С другой стороны, Матвея отпустить одного я тоже не могу. Он наделает каких-нибудь глупостей и усугубит свою ситуацию, поэтому без вариантов я буду на его стороне. Остаётся только дождаться результатов и довериться сестре Сони, которая, надеюсь, всё-таки не передумала.

Первые новости появляются на восьмой день ожиданий. Оказывается, Верховский быстро ответил Маше (о чём она решила умолчать) и пообещал, что передаст Малийскому её слова. Кажется, Саше потребовалось намного больше времени, чтобы принять решение, чем мы думали. Я понятия не имею, о чём с ним разговаривала Розина, но она заверила меня, что парень согласился встретиться с ней и поговорить. Через два дня в семь вечера недалеко от подземной стоянки в центре, где мы собирались повернуть свой план.

Осталось только договориться с Лёхой Петровским и устроить засаду. Остальное за нами. Просто проучим Малийского и сбежим, пока нас не накрыла полиция.

Маша сказала, что это глупо. Даже если мы останемся — копы на нашей стороне, доказательств, что мы в сговоре с ними, нет и не будет, так что можно и не сбегать с «места преступления». Лёша обещал прикрыть и сказать, что им поступил анонимный звонок о драке на стоянке и что якобы там видели Сашу, к делу мы не будем привлечены в любом случае, но я всё-таки не хочу рисковать. Мало ли...

— Думаешь, он придёт? — спрашивает Матвей, когда мы в назначенное время стоим в одном из магазинчиков и наблюдаем из-за стеклянных дверей за Розиной-старшей, которая мёрзнет на улице, ожидая Сашу.

— Не знаю.

Мы прячемся за стеллажом, но при этом легко можем наблюдать за тем, что происходит снаружи. Маша стоит чуть в стороне и терпеливо ждёт, кутаясь в шарф. Нужно будет потом отблагодарить девушку за старания и за помощь, она ведь могла просто взять и отказаться, не идти на поводу у подростков, решивших поиграть во взрослую жизнь.

«Как я могу бросить вас, зная, что вы задумали? Если я оставлю всё, как есть, меня замучает совесть. Вы же ещё дети...», — как-то скала мне Маша, когда я спросил у неё, зачем она помогает нам.

Мы же ещё дети. Так ли это? Нет. Пусть нам по семнадцать, но мы точно не дети.

«Ложное чувство взрослости, когда подросток считает, что уже не ребёнок и что может самостоятельно решать свои проблемы, но при этом полностью зависит от родителей, которым потом придётся отвечать за их поступки. Вот, что вы испытываете».

Не знаю, зачем девушка пыталась запудрить мне мозги своими психологическими терминами, но у неё всё равно ничего не получилось. Я только сильнее убедился, что недолюбливаю психологов. Маша словно читает мои мысли, а мне это совершенно не нравится. Я всё равно не передумаю, потому что Матвей не отступит от плана.

— Уже почти полчаса ждём, — Матвей смотрит в сторону продавца, который подозрительно косится на нас последние десять минут, наверное, думая, что мы собираемся что-то украсть.

— Подождём ещё, — вздыхаю я, наблюдая за девушкой.

Она там, наверное, совсем околела. На холоде столько времени стоять, я бы умер в таких условиях. Психанул и пошёл бы домой. Может быть, Малийский испугался и решил отступить? Или же заметил нас...

«Как обстановка?», — пишет мне Петровский.

Я отвлекаюсь и отрываю взгляд от одинокой фигуры Розиной, отвечаю на сообщение.

«Пока тихо. Подождём ещё немного. Напишу, когда что-то изменится».

«Окей».

— Смотри, — Матвей оживает, и я вскидываю голову, сжимая пальцами сотовый.

Какая-то фигура подходит к Маше и заговаривает с ней. Здесь не слышно ни слова, да и разобрать, кто этот незнакомец тоже невозможно. Я уже и не помню, как выглядит Малийский. Я видел его один раз и то в полумраке, поэтому не знаю, он ли сейчас стоит рядом с девушкой и разговаривает с ней или же это просто прохожий.

— Это он? — спрашивает друг.

— Не знаю.

Незнакомец в куртке с накинутым капюшоном, прячем руки в карманах. Он стоит боком напротив Розиной, и отсюда я не могу разобрать ни его лицо, ни эмоции, которые испытывает Маша. Девушка кивает и что-то говорит ему, а потом парочка направляется по дороге, уходя от магазина.

— Пошли, — поспешно бросаю я, направляясь к выходу из магазинчика.

По пути я печатаю сообщение:

«Появился какой-то парень. Розина идёт с ним, мы следом».

Колокольчик звенит над головой, как только дверь открывается, и мы вырываемся из тепла навстречу холодному осеннему вечеру. Я цепляюсь взглядом за Розину и, чтобы не привлекать внимания, прячусь за прохожим, который идёт впереди меня.

— Думаешь, ей удастся затащить его на стоянку? — тихо бормочет Матвей, нетерпеливо следуя рядом со мной.

— Ну, — я смотрю на спину девушки. — Она же вытащила его сюда.

Друг ничего не отвечает. Мы следуем за Розиной, пока она не останавливается. Смотрит прямо на своего собеседника и что-то говорит ему с таким видом, словно отчитывает провинившегося ребёнка. Нам приходится замереть и притвориться, что мы разговариваем, пока девушка снова не направляется дальше.

Они идут в сторону места, где мы устроили засаду, сворачивают в проулок, ведущий к стоянке, и в этот момент я хватаю друга за локоть и останавливаю.

— Притормози, — прошу я.

Матвей покорно останавливается.

— Помнишь план? — спрашиваю я, внимательно смотря на парня, который нетерпеливо поджимает губы. — Ничего рискованного.

— Ага, — он шмыгает носом. — Пошли уже.

Друг разворачивается и исчезает в переулке, направляясь вслед за Розиной. Я внимательно смотрю на спину Матвея и вздыхаю. На секунду меня сковывает тревожность и сомнения, но потом всё это пропадает под натиском чувства справедливости и желанием помочь лучшему другу. Отступить всё равно поздно.

Я срываюсь с места догоняю парня как раз в тот момент, когда он практически настигает Машу и её спутника. Они стоят возле входа на стоянку и разговаривают, совершенно не обращая на нас никакого внимания. Я вообще не уверен, что Малийский помнит, как я выгляжу. Здесь темно, и лишь тусклые фонари освещают проулок. Шум города уходит на задний план, но не исчезает окончательно, вдали можно разобрать прохожих, мелькающих по дороге возле жилого дома.

Только сейчас, оказавшись здесь, я вдруг понимаю, что это совершенно другая дорога. В темноте я не сразу понял, но девушке надо было пройти до конца улицы и свернуть через пару проходов. Она ошиблась или что-то пошло не так? В этой части стоянка отреставрированная, мы же так можем попасть на камеры.

— Это не тот корпус, — неожиданно говорю я. — Петровский караулит с другой стороны, им в обход добираться минут пять. Надо предупредить его...

— Плевать, — тянет Матвей, ускоряясь.

Я не успеваю достать сотовый, чтобы написать Лёше о том, что план немного изменится, потому что спутник Розиной замечает нас. Он смотрит в нашу сторону — на мгновение я думаю, что парень решит, будто мы просто прохожие, но все мои надежды рушатся.

Он ловко огибает Машу и скрывается внутри здания. Матвей срывается с места и бежит следом, чтобы не упустить его, и у меня уже нет времени возиться с телефоном. Я чертыхаюсь и бегу вслед за другом.

— Егор, — девушка пытается окрикнуть меня, чтобы что-то сказать, но я проношусь мимо неё и скрываюсь в темноте подземной стоянки временно закрытого на ремонт торгового центра.

В груди всё трепещет, словно тысяча птиц с криком пытается вырваться на свободу и изнутри разорвать меня в клочья. Я теряю Матвея из виду, но ориентируюсь по шагам, эхом разлетающимся по пространству. Здесь нет ветра, но воздух холодный и давящий. Мчатся за неизвестностью в темноте, не зная, что можно ожидать за поворотом, неприятно и глупо, но адреналин, вызванный опасностью, зашкаливает, и я неожиданно понимаю, что мне нравится это чувство. Нетерпение, предвкушение и... азарт?

Я слышу голоса и удар металла о камень, эхом расплзающийся по пространству — моё сердце падает в желудок, и я вспоминаю выпускной, момент, когда Матвея ударили монтировкой по голове. Перед глазами мелькают неприятные картинки, и я ускоряюсь.

Добираюсь до парней как раз в тот момент, когда Малийский пытается подняться на ноги. Его рука тянется к железной трубе, словно это спасательная фляга с водой, но Матвей наступает на его пальцы и нагибается, поднимая «оружие». Друг морщится и замахивается ногой, заезжая ботинком Саше по лицу и заставляя того перевернуться на спину.

В этом месте аварийное освещение, слева выезд во внутреннюю территорию центра, откуда тусклый свет фонарей врывается на стоянку и позволяет нам видеть друг друга.

Я замираю в паре метров от парней и осматриваюсь. Поблизости никого, только я, Саша и Матвей, жаждущий, наконец, получить свою месть. Парень упирается ногой в грудь Малийскому и нагибается, чтобы что-то сказать ему, и в этот момент я уже сомневаюсь, что смотрю на скромного мальчишку, который боялся подкатить к понравившейся ему девчонке и который никогда ни за что на свете не одобрил бы проявление мести.

Я вспоминаю фотографию, которая висит у друга в комнате, думаю об улыбающемся парне, который везде искал один только позитив, и вдруг пугаюсь того, кто стоит передо мной и держит в руке железную трубу. Образ прошлого расплывается в дымке, оставляя место для реальности, и всё становится невероятно бессмысленным.

— Эй, чувак, ты полегче, — бросаю я.

— Что-то в тот раз этот урод полегче со мной не был, — Матвей толкает Сашу в бок, словно мешок с картошкой, а затем отступает.

Малийский переворачивается на бок и сплёвывает кровь, пытаюсь стереть её с подбородка рукой.

— Это не я тебя поломал, — хрипит он.

— Заткнись, — Матвей снова заезжает ему по лицу, и тот со стоном перекатывается на другой бок.

Я прячу руки в карманах и наблюдаю за ними. Что друг собрался делать? Он уже показал, что настроен решительно, завалил Сашу и доказал своё превосходство, что же дальше? Надеюсь, он не собирается заходить слишком далеко? Мы же так не договаривались...

Вздыхаю и достаю сотовый, чтобы всё-таки предупредить Лёшу о том, что мы находимся в другом здании. Пишу ему сообщение, но неожиданные звуки отвлекают меня. Слышу, как труба скребётся о каменный пол, вскидываю голову и замираю. Матвей замахивается, собираясь ударить противника со всей силы, и всё внутри меня замирает, охваченное холодом. Моё тело двигается само по себе. Я делаю выпад вперёд и перехватываю замах как раз в тот момент, когда удар должен был достигнуть цели и, как минимум, сломать Саше плечо.

— Ты что творишь? — выпаливаю я, отталкивая друга в сторону. — Мы же договорились без подобного. У тебя совсем крышу снесло?

— А ты думаешь, что он просто отступится? — рычит друг, и я отступаю. Никогда в жизни не видел его таким. — Он подотрёт свои сопли и вернётся. Мы должны разделаться с ним сейчас.

— Сдурел? — выпаливаю я. — Хочешь под статью залететь?

— Да мне уже плевать, — Матвей толкает меня в плечо, заставляя отойти в сторону.

В это время Малийский поднимается на ноги и делает попытку сбежать, но друг

настигает его и ударяет трубой по ногам. Парень падает на колени, и следующий удар приходится ему в спину.

— Перестань, твою мать! — хватаю друга за шкурку и оттаскиваю от Саши, который со стоном заваливается на бок.

— Не трогай меня! — Матвей резко разворачивается и заезжает трубой по моему левому плечу — я отшатываюсь, спотыкаюсь о собственные ноги и падаю.

Сотовый выскальзывает из пальцев и скользит по полу, исчезая в стороне. Я испуганно смотрю на Матвея снизу вверх, совершенно не узнавая своего друга. Он тяжело дышит, растерянно впиваясь в меня взглядом. Кажется, ни я, ни он не ожидали этого удара. Матвей отступает на шаг и неуверенно трясёт головой.

— Изви... - парень осекается, смотря куда-то в сторону.

Я оборачиваюсь, и холод неожиданно скользит по моим венам, потому что я вижу четверых парней, один из которых держит за локоть Машу. Поспешно поднимаюсь на ноги, отступая к другу.

— Вы же не думали, — позади нас хрипит Малийский, — что я поверю в этот бред про Соню?

Я осматриваю четверых парней: у двоих из них биты, один держит девушку, третий с монтировкой. Бросаю взгляд в сторону, куда улетел сотовый, и мысленно чертыхаюсь. Я так и не предупредил Петровского о том, где мы. Придётся действовать самостоятельно...

— Машу отпусти, — заявляю я.

Девушка обеспокоенно хмурится, скользя по нам взглядом, но понять, испугана она или же нет, сложно. Малийский с трудом поднимается на ноги, снова сплёвывая кровь, и машет рукой. Парень расслабляет пальцы, позволяя Розиной вырваться и отшатнуться в сторону, — звук каблуков эхом разлетается по пространству и стихает.

— Ну, наконец-то, — тянет Матвей, перехватывая трубу. — Мой с монтировкой.

Я кошусь на друга — его губы расплываются в улыбке, словно он только и ждал этого момента. Качаю головой и прикрываю глаза. Парни напротив нас куда крупнее, но в прошлый раз я справился с ними. Главное, не расслабляться и прикрывать спину.

Медленно открываю веки, склоняю голову к плечу, разминая шею, и коротко вздыхаю. Это просто бой, обычный спарринг, просто немного усложнённый. Я справлюсь.

Я почему-то думаю о Соне и о том, что девушка не знает, где я и чем занимаюсь. Интересно, что бы она сказала?

Я срываюсь с места и первым бегу в сторону одного из противников. Нагибаюсь, пропуская замах битой над головой, ударяю кулаком по ноге, затем по челюсти снизу, хватаю парня за куртку и дёргаю на себя, сбивая с ног. Бита выскальзывает из его руки и катится по полу. Второй парень пытается ударить меня с другой стороны — я поднимаю руку, и деревянная бейсбольная бита врежется прямо в мою кость предплечья, заставляя боль скользнуть по телу. Второй рукой я хватаю парня за плечо и ставлю подножку, заваливая на пол.

Удар приходится мне в челюсть, когда я отвлекаюсь на Матвея, и голова неожиданно начинает гудеть, словно кто-то только что ударил металлической трубой по огромному колоколу, это меня не останавливается, и я замахиваюсь и ударяю противника в лицо с такой силой, что отправляю его в нокаут.

Где-то звенит металл, в ушах пульсирует кровь, адреналин зашкаливает. Единственная мысль, которая вертится у меня в голове: мне нужно кого-нибудь ударить, пока они не

добрались до меня. Кто-то вскрикивает из-за боли, а потом глухой удар, сопровождающийся моим сдавленным стоном, приходится мне в плечо. В следующий момент я разворачиваюсь и останавливаю битую другую рукой, отправляя противника левым хуком в нокаут. Парень отшатывается и падает.

Я разворачиваюсь, чтобы найти Матвея, но не могу сфокусировать взгляд на ком-то конкретном. Всё пульсирует и расплывается, сердце бьётся так быстро, как никогда в моей жизни, я пытаюсь проглотить ком, застрявший в горле, но ничего не получается.

Я вижу Машу, одиноко стоящую в стороне, и она мне кажется такой маленькой и хрупкой, что даже становится страшно. Вижу Матвея, сидящего на противнике и зверски избивающего его. Остальные трое валяются на полу. Два в отключке, один пытается подняться, но безрезультатно.

Но где Малийский?

Скольку взглядом по стоянке, но не нахожу Сашу. Где он? Сбежал? Улизнул, пока мы были заняты дракой? Тогда его не схватит Петровский, и весь план полетит к чертям. Надо...

Неожиданно загораются дальние фары машины и ослепляют меня, заставляя отступить. Я закрываю лицо предплечьем, слышу, как ревет двигатель, и понимаю, что парни решают сбежать, пока не стало ещё хуже. Машина ревет, словно дикое животное, а потом срывается с места.

— Егор! — крик Розиной эхом разлетается по стоянке.

Авто двигается ко мне — я отступаю, думая, что оно завернёт в сторону, чтобы выехать из здания и вырваться на улицу, чтобы исчезнуть в вечернем осеннем городе, но машина это не делает.

Я не успеваю отскочить в бок, потому что не ожидаю такого поворота событий. Машинально выставляю руки вперёд, будто надеюсь, что это поможет мне избежать столкновения, а в следующую секунду авто врежется мне в живот и в буквальном смысле тащит назад, припечатывая меня к стене.

Боль пронзает моё тело настолько сильно, что я вскрикиваю. Авто снова ревет и трогает назад — я заваливаюсь на пол. Перед глазами всё плывёт от дикой боли в животе и в спине, меня тошнит, и я чувствую себя настоящим яйцом всмятку. Перед тем, как потерять сознание, я вижу свет фар и лицо Маши, нависающее надо мной. В какой-то момент оно превращается в очертание Сони, растворяясь в дымке беспомысленности, и я с сожалением думаю, что мог бы сейчас находиться в её объятиях, а не здесь, на стоянке закрытого торгового центра, на ледяном грязном полу.

Sneyll — Нам бы не жить в мире дураков

Егор.

Где я?

Мне тяжело дышать — лёгкие горят, словно я пробежал несколько километров без остановки. Всё в тумане, голова забита мыслями, но в то же время абсолютно пуста. Я не могу открыть глаза, они такие тяжёлые, словно превратились в камень, будто какой-то шутник намазал их клеем, пока я спал.

Тело ватное. Я понимаю, что проснулся, но никак не могу вырваться из дымки полусна и ворваться в реальность. Где-то далеко навязчивое пиканье пытается разбудить меня, но все мои попытки с треском проваливаются.

Время с момента моего «пробуждения» до открытия глаз кажется мне вечностью. Я тону в вязкой пучине своего сознания, пытаюсь зацепиться за берега и выбраться из засасывающего болота. Я иду ко дну, не в силах справиться со своим собственным телом. Чувствую себя запертым в клетке, обездвиженным, сломанным, бесполезным.

Бессилие порождает панику и ужас, и я беззвучно кричу, не слыша собственного голоса.

И только пройдя через этот ад, я с трудом разлепляю налитые свинцом веки и сквозь небольшую щель пытаюсь разобрать, где я нахожусь.

Всё расплывается — пытаюсь пошевелить пальцами рук, но удаётся это с трудом. Пальцы вздрагивают, но не более. Сил вообще нет, мышцы ватные и непослушные.

Пытаюсь сделать глубокой вдох, но лёгкие охватывают болью, и я замираю.

Всё в тумане. Сфокусировать взгляд не получается, и мне требуется много времени, чтобы понять, что я нахожусь в помещении не один.

Кажется, это больница. Я вспоминаю то, что случилось со мной. Свет фар, капот, вонзившийся мне в живот и припечатавший меня к стене. Лицо Сони. Нет. Это была не она. Это была её сестра.

Здесь двое. Голоса заползают мне в уши медленно и тягуче, смысл слов я понимаю не сразу, да и разобрать всё у меня не получается. Я пытаюсь подать знак, что очнулся, но сил совершенно нет. Я словно под водой: воздух заканчивается, но вынырнуть я не могу, потому что к ногам привязан тяжёлый груз, который тянет меня всё ниже и ниже.

С трудом понимаю, что это мой отец и доктор. Они не видят, что я пришёл в себя. Стоят где-то близко, но так далеко, что хочется скулить.

— ...обследование...перелом позвоночника...частичное повреждение спинного мозга...

С трудом удаётся пошевелить рукой. Пытаюсь приподнять голову от подушки, но не получается. Сознание медленно, но верно возвращается ко мне, но дымка, которой оно накрыто не исчезает.

— Скажите, это лечится? — голос отца отвлекает меня, и я оставляю попытки сесть.

— Частичное повреждение — это не полное, — говорит врач. — У него есть все шансы

встать на ноги. Скорее всего, понадобится операция. При должном курсе реабилитации, большая вероятность, что он снова сможет ходить.

Снова сможет ходить? О чём они говорят? Я ведь...

Всё внутри меня замирает, потому что я только сейчас замечаю, что не чувствую ног. Вообще. Словно их нет, будто их отрезали. Я понимаю, что они есть, должны быть, но не могу пошевелить ими. Они не двигаются, они словно куски мяса...

— Но придётся исключить тяжёлые нагрузки...

Я уже не слушаю доктора, потому что мои мысли заполняет одна единственная мысль: я не чувствую ног.

Я не чувствую ног. Я не чувствую ног. Я не чувствую ног. Я не чувствую...

Страх охватывает меня до такой степени, что я не могу даже дышать.

— С боксом придётся завязать.

Я не чувствую ног.

— Даже если позвоночник полностью восстановится и парень сможет встать на ноги, есть большие риски, что он не выдержит нагрузки. Последствия могут быть разными, от сильной боли в спине, до полного паралича ног. В худшем случае, может отказать всё тело. Летальный исход тоже исключать нельзя.

Я не чувствую ног. Я не чувствую ног. Я не чувствую ног.

— Да что я вам объясняю, — врач вздыхает. — Даже без спорта осложнения могут быть различными. Это травма позвоночника. Есть вероятность, что он вообще не сможет ходить.

Забыть о боксе? В смысле, забыть о нём? Да я только и живу ради него, как мне взять и забыть о нём?

Руки начинают дрожать, и я стискиваю одеяло пальцами. Отчаяние охватывает всё моё тело, воздуха не хватает, кажется, что стены сужаются и сдавливают меня со всех сторон. Хочется прямо сейчас встать и доказать им, что все слова доктора — враньё. Я могу ходить. Я буду ходить. И я не брошу бокс, они не посмеют отобрать его у меня!

Писк приборов усиливается, и тело начинает трясти. Всё сливается в один круговорот, я слышу голос врача, который зовёт медсестру, крепкие руки хватают меня, но я пытаюсь оттолкнуть их.

А потом я кричу так громко, что горло разрывается в неприятной боли. Лица мелькают перед глазами, голоса сливаются, а когда в меня вкалывают какую-то гадость, я снова погружаюсь в темноту, забывая про мысли о том, что я больше не смогу заниматься боксом.

Я забываю обо всём.

В следующий раз пробуждение даётся мне проще. Я открываю веки и смотрю в потолок, пытаюсь вспомнить, кто я и что здесь делаю. Голова пустая, я полностью спокоен.

— Егор, — женский голос проникает в мою голову, но я не сразу реагирую на него.

Только через несколько секунд я поворачиваю голову направо и смотрю на девушку, которая сидит возле моей кровати. Сначала я думаю, что это Соня, но потом понимаю, что это не она. Это Маша. Девушка смотрит на меня так, словно готова разреветься. Её глаза красные, взгляд уставший.

Я пытаюсь пошевелить рукой, но не могу. Опускаю взгляд и вижу, что мои руки привязаны ремнями к краям. Я полностью обездвижен.

— У тебя был приступ, — Розина замечает мой взгляд.

Я ничего не отвечаю. Приступ? Что ещё за приступ?

— Прости, — шепчет она, обнимая себя руками. — Я должна была вас остановить. Я такая дура.

Маша шумно втягивает в себя воздух, но это не помогает ей. Девушка всхлипывает, закрывая лицо ладонями. Я бессмысленно смотрю на неё, хочется поднять руку и потрепать Розину по голове, сказать, чтобы она перестала реветь. Ненавижу, когда девушки рыдают.

Я смотрю на белоснежное покрывало, которое укрывает меня, и на несколько секунд зависаю. Не понимаю, что происходит. Наверное, в меня вкололи слишком много успокоительного, потому что я совершенно ничего не чувствую.

А потом я вспоминаю, как проснулся в прошлый раз, когда услышал слова врача о том, что я не смогу больше заниматься боксом.

Мои ноги. Я их не чувствую. Они не двигаются, как бы я не пытался.

— Развяжи меня, — голос хриплый. Девушка озадаченно смотрит на меня. — Я спокоен. Всё нормально.

Маша медлит, но потом всё-таки расстёгивает ремни, сковывающие меня. Я подношу руки к глазам и смотрю на них, легко сжимаю их в кулаки, а затем без сил опускаю на кровать.

— Что произошло тогда? — безразлично тяну я.

Розина смахивает слёзы и недолго молчит.

— Тебя Малийский сбил, — бормочет девушка. — Потом ты отключился. Матвей добрался до Саши раньше, чем он успел уехать. Вытащил его из машины и вырубил. Связался с вашим другом из полиции, и те вызвали скорую. Они поймали всех. Всех пятерых. У меня недавно брали показания, сказали мне, что Малийскому минимум лет десять светит за все его преступления. Но...

Она снова всхлипывает.

— Круто, — безразлично бросаю я, смотря в потолок.

— Прости меня, — снова тянет Маша. — Я во всём виновата.

— Это не так, — прикрываю глаза, пытаюсь почувствовать хоть что-нибудь. Злость, отчаяние, радость, обиду, страх. Ничего не выходит. В моей душе бессмысленный штиль. — Я втянул тебя в это. Хотел помочь другу. Без тебя мы бы всё равно не отступили. Могло быть и хуже.

— Хуже, — её голос дрожит. — Ты... — она осекается. — Ты же...

Я не отвечаю.

Что я? Инвалид? Да. Конечно.

— Соня знает?

— Да, — Розина прикусывает губу. — Она меня ненавидит. Винит меня во всём. Я должна была сделать всё, чтобы вас остановить...

— Да хватит уже, — прошу я. — Что сделано, то сделано. Бесполезно винить себя, мы все виноваты.

Я снова открываю веки коротко вздыхаю. Холодно. Почему мне так холодно?

— Я позову твоего отца, — Маша поднимается на ноги.

Я ничего не отвечаю, мысли снова путаются, и я тону в бессмысленности своего существования. Дверь хлопает, я остаюсь в одиночестве, и тоска неожиданно проникает в мои лёгкие, словно только и ждала, чтобы остаться наедине со мной. Губы дрожат, и я прикусываю их с такой силой, чтобы боль отрезвила меня.

Это конец. Конец для всего, что было мне дорого...

Johnnyboy ft. KSENIA — Метамфетамир

Соня.

— ...фольксваген пассат третьей серии девяностых годов, начала двухтысячных... — читает полицейский. — Номера...

— Да. Вроде. Я не разбираюсь в машинах, — бормочет Маша.

Я стою в стороне и прожигаю взглядом спину сестры, пытаюсь сдержать всю свою злость и обиду, которая переполняет меня. Как она могла? Почему мне ничего не сказала? Это вообще не её дело, зачем она полезла в это? Из-за неё...

Мужчина благодарит Машу и уходит. Она недолго стоит спиной ко мне, а потом оборачивается. Её взгляд натывается на меня, и девушка замирает. Она бледная и уставшая, явно недавно плакала, но в этот момент я не испытываю к ней жалости.

— Соня... — она делает шаг ко мне, но я отступаю.

— Довольна? — выдыхаю я. — Как ты могла?

— Я не... — её голос дрожит, но это вызывает во мне лишь новую волну злости.

— Это ты виновата. Он... — я осекаюсь и опускаю голову. Губы начинают дрожать. — Ненавижу тебя! — выпаливаю я и разворачиваюсь, чтобы она не видела моих слёз.

Я так зла, что готова срывать на всех подряд. Разрушать и уничтожать всё на своём пути, ненавидеть и отталкивать тех, кто окружает меня. Если бы Маша не помогала им, всё было в порядке, Егор бы не пострадал так сильно, он ведь вообще не при чём...

Чёрт... Я ведь знала, что они не отступятся. Я должна была догадаться, что они попросят её. Почему я чувствую себя такой беспомощной? Если бы я только могла всё исправить...

Егор Штормов, лучший боксёр нашего города, мечтающий выйти на профессиональный ринг, дышащий поединками и драками, живущий мыслями о спаррингах, теперь прикован к инвалидной коляске.

Каждый из нас, кто был причастен к этому, винит себя. Маша, Матвей и я. Все мы виноваты.

Он говорит редко и мало, не улыбается, постоянно просит оставить его в одиночестве. Не смотря на обещание врачей, что парень пойдёт на поправку и сможет встать на ноги, Егор не блещет оптимизмом. Его когда-то пронзительные голубые глаза завлакивает дымка. Они становятся безжизненными и холодными.

Он ничего не говорит, но я знаю, что ему тяжело. Чертовски тяжело.

Я собираю все свои силы и пытаюсь не терять оптимизм, надеюсь, что его хватит на нас обоих. Бросить его сейчас я не могу, не посмею. В тот раз я хотела избежать подобных последствий, поэтому и разорвала все связи, но сейчас, если я уйду, это убьёт его. Я буду

рядом, даже если он не встанет, если не сможет встать, если останется в коляске до своей смерти.

— Погода хорошая, — тяну я, осторожно толкая коляску по хрустящему снегу.

Егор не отвечает.

Он говорит мало. Со мной почти никогда. Коротко отвечает на вопросы или же просит о чём-нибудь.

Сейчас начало января, спустя два месяца после того случая. Сегодня морозный день, и солнце ослепляет своими холодными лучами. Здесь тихо и одиноко, здания окружают, деревья местами нависают и прячут нас в своих безжизненных руках.

Операцию Егора откладывали три раза. То из-за его состояния здоровья, то из-за каких других причин. Мне ничего не говорят, но я знаю, что чрез неделю должны одобрить четвёртую попытку. Его увезут в Москву к хорошим врачам, он пройдёт курс реабилитации и встанет на ноги. У врачей хорошие прогнозы.

Я останавливаю коляску возле небольшого замёрзшего пруда и дышу в варежки, чтобы согреть руки. Смотрю на Егора, но отсюда не видно его лица, только шапку и ссутуленные плечи. Жалость накатывает на меня, но я трясую головой, чтобы отбросить её в сторону. Шторма нельзя жалеть, он этого не потерпит.

— Через неделю назначат дату операции, — оптимистично тяну я. — Готов?

Штормов не реагирует. Вряд ли он ответит, так что я решаю снова нести очередной бред, чтобы молчание не уничтожало ни его, ни меня, но не успеваю.

— А смысл? — его голос ровный и уставший. — Всё в пустую.

— Эй, — я огибаю коляску и сажусь перед ним на корточки. Беру Егора за руки и улыбаюсь. — Не говори так. Ты сильный. Ты выздоровеешь.

Парень смотрит на меня таким безразличным и пустым взглядом, что всё внутри меня сжимается. Он словно видит меня насквозь, знает все мои секреты и тайны. Его голубые омыты напоминают мне глаза старика, ожидающего смерть.

Раньше глаза Егора ассоциировались у меня с чистым небом, в котором играют отблески солнца, но сейчас они больше похоже на лёд.

Я вздыхаю и целую его в щёку.

— Ты же знаешь, я буду рядом, — в очередной раз говорю я.

— Да хватит! — неожиданно вскрикивает Шторм, хватая меня за куртку, словно собираясь ударить. Это впервые за всё время, когда парень повышает голос и вообще проявляет хоть какие-то эмоции. — Ты себя слышишь хоть?! Я инвалид!

Он толкает меня так сильно, что я падаю на заснеженную дорогу.

— Я, мать его, грёбанный инвалид! — орёт Егор.

Он со злости ударяет кулаками по подлокотникам. Я сижу на снегу и смотрю на него снизу вверх, сдерживаясь, чтобы не разреветься. Мнетак больно из-за того, что я не могу помочь ему, что ничего не могу сделать, чтобы ему стало легче.

— Егор, — тяну я. — Ты же знаешь, что говорят врачи. Ты поправишься. Всё будет хорошо...

— Да пошла ты, Розина, — с ненавистью выплёвывает Штормов. — Хватит с меня твоей жалости. Ты поправишься, Егор. Всё будет хорошо, — передразнивает меня он. — Ничего не будет хорошо, — он хватается за колёса, чтобы развернуть коляску, но не делает этого. — Тошнит уже. Играешь тут в любящую жену, словно я овощ, не способный двигаться.

Горло сдавливают, и я перестаю дышать, чтобы сдержать слёзы.

— Да что ты такое говоришь, — я с трудом поднимаюсь на ноги. — Ты же знаешь, что я люблю тебя. Даже не думай, что я брошу тебя после всего, что случилось.

Парень фыркает и коротко смеётся, и я даже удивляюсь.

— Хватит с меня этого дерьма, — он качает головой, шмыгая носом. — Все вы только и делаете, что жалеете меня. Егор то, Егор это. Да что ты понимаешь, — парень не смотрит на меня. — Бокс был всем для меня, я не умею жить по-другому. Даже если я встану на ноги, всё бессмысленно.

Я прикусываю губу. Нет, всё не может быть бессмысленным. Мы прошли через столько преград, чтобы быть вместе, одно это достойно того, чтобы жить.

— Уходи, — бросает Егор. — Проваливай.

— Что? — не понимаю я.

— Проваливай, — злится Шторм. — Не хочу тебя видеть. Ты во всём виновата. Если бы ты не появилась в моей жизни, ничего бы не произошло. Всегда знал, что проблемы вечно из-за баб.

— Егор, — обида сдавливает меня. — Я люблю тебя. Ты не можешь...

Штормов вскидывает голову и смотрит на меня с такой яростью, что я отступаю.

— Я сказал, убирайся из моей жизни, Розина. Никогда больше не попадайся мне на глаза. Я не хочу любить ту, которая забрала у меня смысл жизни. Всё кончено.

Земля уходит у меня из-под ног, и я ощущаю, как проваливаюсь в глубины ада. Тихо выдыхаю, не понимая, что чувствую сейчас. Обиду, злость или вину? Хочу прикоснуться к Егору и сказать, чтобы прекратил нести эту чушь, но руки словно отнимаются. Я забываю, как дышать. Я просто стою и смотрю в глаза Егора Штормова, который разрывает меня на куски своей ненавистью.

Он действительно верит в то, что говорит?

Мои губы беззвучно шевелятся, пытаюсь что-то сказать, но всё в моём теле отказывает. Неужели именно здесь в парке больницы наши пути разойдутся? Могу ли я сделать хоть что-то, чтобы исправить это?

Егор отводит взгляд в сторону, хватается за колёса и уезжает прочь.

Двигайтесь, ноги. Мне нужно догнать его и ударить, чтобы он одумался.

Кричи, голос. Я должна остановить его, окрикнуть.

Я должна сделать хоть что-то, а не стоять посреди заснеженной дороги и смотреть вслед уезжающему человеку, которого безумно люблю и который только что раздавил все мои чувства.

Но я ничего не делаю, и Егор Штормов скрывается за поворотом корпуса больницы, уничтожив всё, что было нам дорого.

Уничтожив наш мир.

И уничтожив нас.

Конец 1 части.

Больше книг на сайте - Knigolub.net